Цена по подписке — 2 руб.
в розницу — договорная

индекс: 73325

РОДИНА

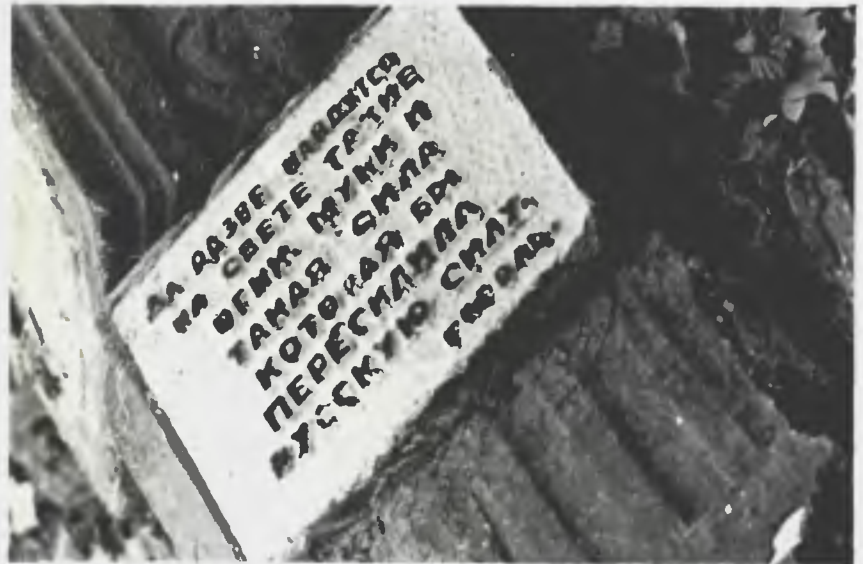
1—1992

ISSN 0235—7089

В.И.ЛЕНИН 1923 год (публикуется впервые)

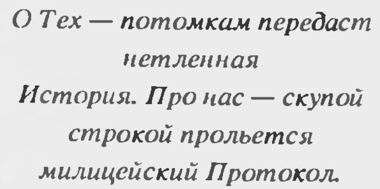

В ГУБЕРНСКОМ ГОРОДЕ С...

(повесть в картинках о нашем с ними несчастливом детстве)

О Тех — потомкам передаст
нетленная
История. Про нас — скупой
строкой прольется
милицейский Протокол.

Фото Николая Титова

ТАКОГО ЛЕНИНА МЫ НЕ ЗНАЛИ

В Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории Комитета по делам архивов при Совете Министров РСФСР (РЦХИДНИ) имеется коллекция из 446 ленинских фотографий. Большинство из них опубликовано. Но некоторые (к ним прежде всего относятся снимки, сделанные Марией Ильиничной Ульяновой во время болезни брата) в печать не попали.

Одну из этих «нежелательных» для келейного восприятия фотографий — Ленин с немецким профессором-невропатологом О. Ферстером и доктором Ф. Готье мы публикуем сегодня на обложке. Снимок сделан 30 июня 1923 года во время прогулки по парку в Горках. Вот что записал в своем дневнике санитар З. И. Зорько-Римша об обстоятельствах той далекой съемки:

«4.50 дня. Веранда Владимира Ильича. Мария Ильинична опять снимает Владимира Ильича «треножкой». Он сидит в цветном мягком кресле близ стены между окном своей комнаты и дверьми в коридор. Снято. Готово. Сегодня Владимир Ильич против снимка не протестовал и отнесся совершенно безразлично. Хошь снимай, хошь нет. Как хошь, а мне всё равно».

Это самое болезненное «как хошь» и застыло с тех пор в ленинских глазах. Мы не привыкли к этому странному взгляду.

Публикация подготовлена
Ю. АХАПКИНЫМ
и З. ГРАМШИ

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ПОПУЛЯРНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР

1 — 1992

Выходит с января 1989 г.

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Издательство
«РУССКАЯ
КНИГА»

НАШИМ ДРУЗЬЯМ!

Хотим поделиться с вами радостью: журнал «Родина» сохранил все сто процентов подписного тиража. Благодарим за поддержку своих друзей — старых и новых! Верим, что и грядущие испытания в новом году не разъединят нас.

С наилучшими пожеланиями
главный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

В связи с переводом журнала на новый формат, редакция приносит извинения за мелкий шрифт. Последующие номера будут набираться как обычно.

Сдано в набор 11.11.91. Подписано к печати 28.11.91. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,6. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 132209 экз. Заказ № 1122. Цена: по подписке 2 руб., в розницу-договорная.
Адрес редакции: 109316, Москва, Волгоградский проспект, 26. Тел. 270-52-54.
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

АДЕЛЬ КАЛИНИЧЕНКО

СПЯЩИЕ

«В этой жизни никогда нельзя сказать, что все кончено... чтобы не задавать потом обиженный вопрос: «За что?»
АНДРЕЙ БИТОВ

Итак, теплоход иаш назывался «Латвия», а рейс «Память».

Задумывалось красноярским «Мемориалом» так: в рейсе примут участие бывшие узники сталинских лагерей, их дети, члены общества «Мемориал», и будет это чем-то вроде всёсоюзиого слета. Этот экскурс в трагедию должен был стать поклонением и освящением мест скорби и страданий светом покаяиия и памяти. Паломничеством. Но идее не суждеио было осуществиться по самой баиальной причине. На счету Красиоярского «Мемориала» — 800 рублей: «НЗ» на тот случай, если умрет кто-то из одиноких и некому будет хоронить. И не на что. Да и самая дешевая путевка на одного пассажира в каюте среднего класса стоит больше тысячи. Бывшим узникам надо долго откладывать с нищенских пеисий десятки, чтобы когда-нибудь снова добраться туда, куда однажды их доставили бесплатио.

Поэтому участникамн рейса «Память» были случайные люди: учителя из Москвы, кооператоры из Сочи, механики со станции техобслуживания, работники совместных предприятий, докеры — короче, отпускники. Ноев ковчег. Разноликая наша страиа, умеиьшеиная до размеров палубы речного судна, отправилась вннз по Еннсею, но в верховья «реки истории» Советского государства.

В фешенебельном салоие женщииа массовик-затейник, в прошлом журиалист райониой газеты, воспитывала отдыхающих:

— Товарищи! Надо самнм быть поактивнее. Никто вам тут не будет устраивать праздники, кроме вас самих! Евгений Евгеиьевич, пожалуйста, музыка. Все поем!

Баянист сидел, не шелохнувшись.

— Евгений Евгеиьевич, я же сказала, музыка! — сдвинула брови.

— У иас же рейс «Память». Веселиться, я думаю, грех,— хмуро сказал баянист.— Может, я, конечно, чего и не понимаю, но ставьте меня к стеике, увольняйте с работы. Я играть веселые песни не буду.

Публика, жаждущая веселья, загудела.

— А зарплату вы за что получаете?

— А, Бог с вами...— махнул рукой баянист и растянул меха баяна.

Массовик-затейинк продолжала репетицию:

— Три-четыре. Начали. Запевают черти из свиты Нептуна. Куда главный черт делся? — я спрашиваю. Ну я не знаю, что с этими туристами делать.

А «главный черт» тем временем, вернее, его скульптурное изображение, лежало иа дие Енисея. Мы подплывали к Курейке.

...Выписка из медициской карты Джугашвили Иосифа Виссарионовича, крестьянина села Диди-Лило Тифлисского уезда, храиившейся в полицейском упраалении: «Родился в 1879 году, вероисповедания православиого, обучался в Гори. На основании Высочайшего повеления, последовавшего в 9 деиь июля 1903 г., за государственное преступлеиие выслаи в Восточную Сибирь под гласный иадзор полиции на 3 года и был выдвореи в Иркутскую губериию, откуда скрылся 9 января 1904 года. Приметы: рост 2 аршина 4½ вершка, телосложения посредственного, производит впечатление обыкновениого человека, волосы на голове темно-каштановые, вид волос прямой... подбородок острый, голос тихий, уши средней величиины, походка обыкиовенная, на левом ухе родинка, иа левой ноге второй и третий пальцы сросшиеся...»

Бог шельму метнт, а уж дьявола и подавно. Но кто ж в сапог-то полезет рассматривать?! А голос тихий, телосложеиие посредственное — думали, человек. Поначалу-то и вел себя как грешный, не очеиь праведный человек. В Курейке, где отбывал ссылку вместе со Свердловым,— за обедом в суп тому плевал. Тот даже жаловался по иистаиции: мол, так и так, не могу с таким хулигаиом, как Джугашвили, жить. Двойное наказание. Не сошлись характерами со Свердловым, зато сошлись с дочкой хозяина, в доме у которого жили — Лидией Перепрыгиной. Сына она от Иосифа прижила.

...Экскурсовод в Турухаиске Светлана Прокопьевна Ростомашвили в первой фразе предупредила:

— О Сталине буду говорить только хорошее, ие подстраиваясь под наше время. Кому не по сердцу — не слушайте.

Отчего ж ие по сердцу? Миогие, особеиио пожилые, слушали, затаив дыхание, о героически переносимых мытарствах будущих вождей. О том, как в сорокаградусный мороз заготавливали они дрова, как подрывали здесь, в Сибири, свое драгоцеииое здоровье. О деталях отношений Иосифа Джугашвили с Лидией Платоновиой Перепрыгиной Светлаиа Прокопьевна распространяться ие захотела.

— Не могу, не имею права.— И лицо ее стало строгим, будто это была самая главная воеииая и государственная тайна, за раскрытие которой она могла сама угодить в ссылку в Курейку, а то и дальше.

— Ну, пожалуйста. Мы вас очеиь просим,— канючили туристы.

Дрогнуло сердце экскурсовода, рассказала. Естественно, ие для печати, чтобы не бросать тень на великого человека.

Сталин не обвеичался с матерью своего сыиа, хотя и любил ее «больше жизни». Дело, которому он посвятил жизнь, не позволило ему в то время сочетаться законным браком с любимой жеищиной. Потом, позже, он присылал за ней и сыном правительственный самолет. Но она не воспользовалась приглашением. Сын — странный человек — ие признавал отца. Сменил фамилию. А внешне как две капли воды был похож на Сталина. Закоичил Новокузнецкий политехнический ннститут, потом исчез, и никто не знает, где ои да что.

Как-то в музей зашел мальчик лет девятн, сказал, что он правнук Сталина. Еще сказал, что он капканы в доме прабабки своровал, с которыми прадед его на зверя ходил. Но просто так капканы не отдаст — «купите». А кто знает точно, те ли это исторические капканы или подложиые. Мальчишку выпроводили ии с чем.

Итак, мы подплывали к Курейке, напряжеино оглядывая не живописиый берег, а чериый глянец енисейских вод. Где-то там лежит статуя командора. В 1953 году миогометровый памятник Сталииа сняли с пьедестала и утопили в реке. Долгие годы потом люди на палубах судов, подплывающих к Курейке, видели сквозь толщу воды суровый лик и величествеиную фигуру отца народов. Разные чувства вызывала эта фантастическая картина: у священиослужителей коифессии, имя которой «сталинизм»,— негодование; у чнстых душой прихожаи прежиего храма — мистический страх; у бездумных жизнерадостных парней и девчат — пустопорожнее веселье.

С годами Сталина покрыли ил и песок.

В ладном селе Костино, где довелось Иосифу Виссарионовичу тоже пожить с год в ссылке, я пыталась найти хотя бы место, где стоял некогда дом, в котором жил Сталин. Но жители на одном краю села махали рукой в сторону другого конца:

— А, тама где-то...

На другом же конце точно так же небрежно кивали на противоположный:

— А шут его знает. Тама, видать.

Некоторые так совсем открещивались:

— Наговор это. Не жил он здесь никогда.

Зато сейчас живет. Да не один. А много. Самые распространенные собачьи клички — Сталин и Йоська. Удивительно, но все собаки в Костино живут в норах. Справные будки игнорируют, усердно роют глубокие убежища, так что оттуда одни черные носы торчат. Ни в одном селе я не встречала больше таких собачьих землянок. Так что костинские «сталины» все, как один, живут в подполье. Такая уж, значит, большевистская доля.

Сбросить памятник, конечно, несложно. Другое дело — памятники в душах. Религиозная, языческая преданность тиранам в нас сокрушается куда сложнее. В некогда величественном пантеоне, построенном еще при жизни узурпатора на том месте, где жил он в Курейке, на облупившихся стенах аршинными буквами кто-то вывел: «Слава Сталину! Сталин жив!» Пожалуй, что так. Пожилая учительница Галина Ефимовна Борзенкова смотреть пантеон не пошла:

— Не могу я это варварство видеть. Это надругательство. Жили мы при Сталине — дай Бог нашим внукам так пожить. Все, что он делал,— делал для людей. Никто не жаловался. Все его любили и сейчас любят. Ой, сердце что-то болит. Скорее бы отсюда отчалить.

Стояли мы в Курейке недолго. Где-то час. Поселок, в конце сороковых — начале пятидесятых разросшийся и окрепший, сейчас являет собой грустное зрелище. Заброшенные дома, разрушенные теплицы, ржавые мертвые трактора прямо на улицах. Раньше поселок обслуживал работников музея, экскурсоводов, гостей, которые сюда наведывались с каждым проходящим по Енисею судном. Это была Мекка. Сейчас картина мистическая, чем-то сродни той, в которой очутился в конце фильма Сталкер Тарковского. Внутри пантеона паркет, и тут же посреди зала вода, трава — остатки былого величия и жутковатое запустение. Я искала чертополох. Он бы вписался в эту покинутую нечистой силой обитель. Чертополоха не было. Были жарки, праздничные, жизнерадостные цветы, черемуха, величиной цветущих гроздьев напоминающая белую сирень. И были суетливые ласточки под сводом крыши пантеона, слепившие свои гнезда...

«А нам все равно...» — разухабисто горланили туристы под звуки баяна. У баяниста Евгения Евгеньевича Баженова сталинщина память по себе тоже оставила. Шел ему одиннадцатый год, когда маму забрали — десять лет лагерей. Женя на суде свалился в обморок. Забрали его к себе дед Капитон Петрович и бабка Мария Гавриловна.

— Гром их разбей, качки-жевачки,— разражался дед самым страшным своим ругательством.— За что твою мамку посадили, тебя сиротой сделали?

Вот ссыльного Леньку Тихоненко, жившего у них в поселке, известно было за что — за анекдот. У Леньки того была гармонь, «Северный кустарь» называлась. Голос его гармони до другого берега доносился.

— Сладконапойный был звук,— говорит Евгений Евгеньевич,— и так мне хотелось такую же гармошку заиметь, что ни о чем другом думать не мог. «Деда, миленький, я месяц хлеба есть не буду, купи мне гармонь». У деда как раз сезон охотничий закончился. Соболей сдал, деньги получил. Вытащил он из потаенного места пять длинных, как портянки, сторублевок. На, говорит, иди в райпо. Сколько гармонь твоя стоит? Четыреста двадцать шесть? Так. На сдачу мне четушек купишь.

Тропинку до райпо метров триста в снегу Женя лопатой прорубал. Спешил, из сил выбивался — страшно было, что как раз сейчас все гармошки и раскупят. Гармонь пахла клеем — совершенно божественный запах. Прибежал домой, отдал деду четушки. А сам заперся в бане. Откинул два ремешка, чтоб мех растянуть. И так вдруг страшно стало — а вдруг, да звук не появится? Первая песня, которую подобрал, была про самого себя:

Я остался сиротою,
Счастья-доли мне нет,
Позабыт — позаброшен
С молодых юных лет.

Дед с бабкой плакали, слушая эту жалостливую песенку. А через месяц Женя разучил уже больше ста мелодий и был бы счастлив вполне, если бы не мысль о том, что мамку посадили.

Взял как-то бумагу красивую, перо и написал Сталину письмо, чтобы разобрался по справедливости. Через пару месяцев пришел ответ — в продолговатом конверте, на плотной бумаге: «Вам надлежит подать кассацию в краевой суд». С тех пор к слову «кассация» у Евгения Евгеньевича отношение особое. Жутковато-торжественное.

— Когда Сталин окочурился, все дети плакали. И я старался, только выдавить из себя ничего не мог... А кассация не потребовалась. Мать скоро выпустили.

...Пассажиры «Латвии» определялись по интересам. В видеосалоне демонстрировался «остроэротический», как объявили по корабельной трансляции, фильм «Девочки из фургонов на колесах», на палубе устроились любители позагорать, но человек пятнадцать пришли в кают-компанию послушать Сиротинина.

Владимир Георгиевич Сиротинин, председатель Красноярского общества «Мемориал», рассказал о начальнике одного штрафного лагеря, который каждый день строил заключенных и расстреливал каждого седьмого самолично. Особую слабость питал к женщинам. Хобби имел — всем женщинам выбивал зубы. Когда расстреливал и истязал, у него текла слюна. Выйдя на пенсию, устроился работать фотокором в одну из сибирских «районок».

— Владимир Георгиевич, вот слушаю я вас и не понимаю,— перебила страшное повествование молодая москвичка,— зачем вы отыскиваете документы на репрессированных? Их не вернешь. Зачем кости рыть? Кого надо искать — так это палачей. Судить надо их и стрелять. Разве я не права?

Года три тому назад мне довелось присутствовать при странной встрече. На экономическом факультете ЛГУ, в ту пору еще имени А. А. Жданова, преподаватели, которых в свое время ошельмовали и посадили, встретились с теми, по чьим доносам это было сделано. А именно: с профессором Моисеенко, преподававшим там долгие годы, вплоть до последнего времени, и с его единомышленницей Михеевой. Пожилые, солидные люди стояли на сцене и по-комсомольски бойко и яростно обличали своих идейных врагов. Ни раскаяния, ни даже тени сомнения в былой правоте не было в их словах. Спираль времени сжалась. Мы словно бы очутились в иной эпохе. Зловеще непримиримой, беспощадной и жестокой. Казалось, сбить эту агрессивную ярость можно только такой же по силе и напору отповедью. Но вышла к микрофону тихая пожилая женщина, Софья Михайловна Фирсова, и спокойно сказала:

— Знаете, я всю жизнь ждала этого судного дня.

Ее, в ту пору беременную, по доносу Михеевой в свое время пытали в подвалах КГБ. Была очная ставка с доносительницей. Затем был лагерь. Искалеченная жизнь, сломанная судьба.

— Я мечтала когда-нибудь посмотреть вам в глаза, сказать, кто вы есть. Не стану. Мне вас по-человечески жаль. Есть Судия, и вам воздастся.

Воздастся. Но не людьми. Не людская это забота — воздаяние грешникам.

Туруханского дворника Анатолия Никитовича Спиридонова посадили первый раз, когда ему было двенадцать лет. Посадили «за дело». Мать с отцом, врагов народа, как забрали, стал он с голоду помирать. Однажды ночью курицу своровал. Вот и получил пятерик. Вышел — опять сел. Потом опять.

— По всем енисейским низам повозили,— говорит,— где я только не был.

Сухонький старик, юродивый, с шутками, с прибаутками рассказывал мне свою горемычную жизнь.

— Зато сейчас на воле! — сказал он и расцвел. Мол, всю жизнь шел к этому необычному, неестественному для человека состоянию. И вот добрался-таки. Сбылось. Не всякому выпадает до воли-то добраться.

— Женаты?

— Женат,— ответил еще более гордо.

— А как жену звать?

Вмиг улыбка стерлась.

— Не могу говорить. Нельзя. Это вам зачем? Кто вас прислал? Жена у меня не сидела. Хорошая женщина. И вообще мне работать надо. Двор подметать. Идите, гражданочка, идите. Не положено мне с посторонними разговаривать. На работе я. При исполнении.

Я ушла. Обернулась. Он искоса смотрел мне вслед. Что померещилось этому несчастному больному старому человеку в моем приходе? Как, видать, ругал он себя за отсутствие бдительности. Вот подослали — а он, тоже тертый калач, сразу и не распознал. Жди теперь новых напастей.

«Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка». Этот паровоз немножко не доехал. Остановился посреди тайги. И стоит, как вкопанный. Потому что нет уж под его колесами ни рельсов, ни шпал. Вросли в землю. Перебинтовались травой и корнями.

Мы в Ермаково. Здесь было лагуправление стройки 503. В 1948 году высочайшим повелением Сталина было предписано построить железную дорогу Салехард — Игарка протяженностью 1200 км. К 1953 году уже на 800 км ходили поезда, построено было много мостов. В Ермаково жили 18 тысяч человек. И весь этот поселок вольнонаемных обслуживал гирлянду расположенных через каждые 7—10 км трассы лагерей. Финансирование стройки производилось, что называется, по факту. То есть сколько надо — столько получите. И даже больше того, что надо. Стоимость имущества костюмерной и реквизита Игарского тюремного театра оценивалась в 6 миллионов рублей. После остановки стройки, которая произошла сразу после смерти Сталина и закрытия уже построенной и действовавшей железной дороги, остались брошенными в вагонах... 13260 бюстгальтеров, 11 тонн пудры, предназначенных для крепостных актеров театра. Театра абсурда и драмы, коим был весь ГУЛАГ, вся эта «фантомасия».

Словечко это я услышала от Сергея Столяра, водителя вездехода, который вез нас из Ермаково в один из заброшенных в тайге лагерей. Набралось нас, желающих посмотреть лагерь, человек двадцать от силы. Остальных не прельщала эта поездка: «А чего мы там забыли?»

...Надпись на деревянных резных воротах лагеря: «Добро пожаловать!» Боже правый! Спасибо, конечно, за приглашение.

— Тут немножко подремонтировать, подштукатурить и — «добро пожаловать»,— острил все тот же Сережа.

Все удобства: клуб, столовая с семью котлами, вошебойка для уничтожения паразитов и — бараки, бараки, бараки. С добротными стенами, с ладными печками, ровными рядами нар. На стенках — истлевшие фуфайки, в углах — сапоги, варежки. В одном из бараков нары мне показались непомерно маленькими. Пригляделась — Господи, да это ж детские кроватки! А вот и кусочек детского ситцевого платьишка, обшитого вместо кружева марлей. В другом, во «взрослом» бараке, на полу нашла листок в клеточку. На нем обведена детская ручка и написано: «Мама! Я очин хочу тибя видеть». Увиделись ли они когда-нибудь? Неведомо это никому.

По трухлявым ступенькам вышла на улицу и ахнула. Мужчины вытаскивали из соседнего барака двухъярусные нары.

— Зачем?

— Ну как? Сейчас обедать будем. Нам же дали сухой паек. Сидеть на чем-то надо.

Колбаса, яйца, печенье, чай с дымком... Никого не смущали нары посреди тайги. Возможно, даже прибавляли экзотики. Отобедали, загрузились в наш вездеход, готовясь в обратный путь.

— Может, нары на место вернем? — робко спросила я.

— Кому потребуется, тот сам и вернет.— объяснили мне.

Кому потребуется? Скорее всего, никому. Нарами больше, нарами меньше. Подумаешь делов-то! Может лучше даже, чтоб меньше. Может, правильнее было бы вообще стереть бульдозерами с лица земли все эти лагеря, лагпункты, сжечь вышки, разломать бараки. Так, впрочем, со многими лагерями и поступили. Тогда, поначалу, когда было кому и зачем заметать кровавые следы. Сейчас время другое. И с лагеря, данного, конкретного, уже в следующем году будут стричь зеленые купоны. Игарская геофизическая экспедиция заключила договор с инофирмой об экскурсиях заморских гостей в бывшие сталинские лагеря. Может, это и свидетельство нынешней открытости нашего общества, может, это и элементы рынка. Но все ли надо вот так, на продажу?

Комары летали не тучами, черными стенами вокруг каждого. И не пищали, а выли, как волки.

Мы шли по колено в жарках. Я рвала самые крупные, закрывала букетом лицо от этих «волков». Вдруг Сиротинин сказал строго и резко:

— Хватит ломать жарки.

Он прав был, этот несентиментальный, серьезный бородач. Этот суровый сибиряк. Потому что совесть ранимая и чувствительная — не луч прожектора, выхватывающего из темноты либо родных, либо друзей, либо павших, либо живых, либо животных, либо растения. Если есть совесть, то обращена она ко всему Божьему свету. И все, что есть на нем,— у самого сердца. Даже жарки, которых больше море. Ведь от этого ценность каждого отдельного цветка не делается меньше. Так и с людьми.

Мы возвращались на судно. Издали была слышна громкая музыка. На палубе полным ходом шла дискотека. Лихо отплясывали туристы, кто-то из команды, укоризненно качая головой, крикнул:

— Где столько ходите, комаров кормите? Шли бы лучше плясать...

Наш рейс до августовского путча отделяли неполных два месяца. Если бы истории было угодно снова сказать нам «Добро пожаловать в лагеря», я не знаю, как повели бы себя пассажиры рейса «Память». Нет у меня уверенности, что те, кто пришел на площадь перед Российским парламентом,— это и есть самые типичные представители нашего сегодняшнего общества. Может, пришли те, кто раньше просыпается, жаворонки? А кто подсчитывал по головам спящих? На судне их было слишком много...

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС ДОЛОЖЕНО...

«Тов. Фалину В. М.
Доложено. Принято с благодарностью
2.XII.87 А. Яковлев*»

Думается, что вы меня знаете достаточно хорошо, чтобы сразу понять, что я не зря обращаюсь к вам со следующими соображениями. Есть для них, к сожалению, серьезные основания. Речь идет о факторах психологически-пропагандистского характера, на которые надо обязательно обратить внимание при подготовке программы для поездки Михаила Сергеевича в США.

Вы, наверное, помните наш краткий разговор в конце прошлого или весной этого года (может быть, это было даже позже — в марте, апреле). Я вам тогда рассказал об этом мнимом телевизионном фильме, о котором в то время сообщил корреспондент «Нью-Йорк таймс» и в котором якобы показаны какие-то покупки Раисы Максимовны в Лондоне, Париже. Хотя я установил, что в архивах московских представительств телевизионных станций имеются такие фрагменты (кстати, довольно безобидные), я до сегодняшнего дня не мог лично убедиться в том, что этот фильм вообще существует. Иногда я встречаю людей, которые утверждают, что они сами видели этот фильм, но которые потом упорно отказываются ответить на вопросы о подробностях.

Очень может быть, что этого фильма нет. Тем не менее эти слухи не только продолжают действовать, но в последнее время даже усилили свое действие. Это стало особенно заметным в эти дни, когда части (Московского, но, наверное, не только) общественного мнения стали очень восприимчивыми к всяческим слухам, сплетням и т. п. Сейчас очень легко воспринимается демагогия такого рода: «а какое ей там дело? Какой обыкновенный советский служащий имеет право взять с собой в командировку свою жену за счет предприятия?». Такая демагогия не только энергично и последовательно пускается в ход, но она, повторяю, сейчас и очень сильно действует. (Как ни странно — оказывается, что женская зависть — страшно влиятельный общественный фактор).

Я по-прежнему подозреваю посольство США или другие американские ведомства в том, что они в основе всех этих версий, хотя у меня нет никаких доказательств. Во всяком случае, они в курсе этих очень опасных настроений, и я не сомневаюсь в том, что они намерены использовать и поощрять их. Иначе говоря: они будут стараться поставить Раисе Максимовне всяческие ловушки с этой целью.

Это очень просто: какое-то внезапное изменение «дамской программы», визит какого-то магазина, «стихийные» поездки и т. п.

Еще раз извините, что я вмешиваюсь таким образом, но речь не идет о мелочах, а об очень серьезных политических и психологических моментах.

Итак: при подготовке «дамской программы» надо категорически соблюдать следующее:

1. Никаких показов мод!!! (И носить исключительно одежду и украшения, советское происхождение которых очевидно. Это не смешно, Валентин Михайлович — в данной, и без того очень критической ситуации, просто нельзя недооценивать именно этот момент народной психологии).

2. Соблюдать дистанцию к всему, что пахнет люксом и т. п. Заранее отказываться от всех подарков такого порядка. Если подарки (стихийные или «стихийные») неизбежны, тогда подчеркнуть, что они назначены для каких-то общественных, социальных и так далее учреждений в СССР.

3. Отказываться и от услуг чересчур рьяных сотрудников посольства СССР или других советских представительств. Напомню: в основе всей этой злостной кампании находится эта проклятая кредитная карточка одного сотрудника лондонского посольства осенью 84-го года. (Они тогда пропустили этот пропагандистский момент, но давно уже пришли в себя, и сейчас стараются наверстать упущенное.) Опасность в том, что при помощи центральных компьютеров таких фирм, как «American Express», «Diner's Club» и т. п., в любое время можно установить дату, объем и характер покупок, и ЦРУ при желании, конечно, имеет доступ к этим компьютерам.

У Раисы Максимовны такие прекрасные человеческие и интеллектуальные качества, что одно обстоятельство меня давно уже раздражает: не только за рубежом, но и в наших средствах массовой информации какие-то люди упорно стараются представить ее публике не в том свете. С этим надо покончить, а, по-моему, именно поездка в Вашингтон предоставит наилучшие предпосылки.

Еще раз извините — мои мотивы вам известны**.»

* Рукописная помета. Автограф. *Ред.*

** Автор документа — предположительно один из сотрудников Агентства печати «Новости».

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ КРАСНОЯРСКОГО ГОРОДСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА № 9 ГОР. КРАСНОЯРСК, 3 ОКТЯБРЯ 1930 ГОДА.

О БОРЬБЕ С ХУЛИГАНСТВОМ

В целях борьбы с проявлением озорства, пьянства, бесчинства, разлагающих трудовую дисциплину, и на основании постановления ВЦИК и СНК от 28 июня 26 года (СУ 26 года № 39, ст. 304) и СНК от 29 октября 26 года (СУ 26 года № 77, ст. 581) городской Исполнительный Комитет постановляет:

1. Воспретить на территории гор. Красноярска и Красноярского района:

а) шум, крики, брань нецензурными словами, пение песен циничного содержания на улицах, в театрах, кино и других публичных и общественных местах как днем, так и в ночное время; обманные звонки в квартиры и отправление естественных надобностей в неустановленных для того местах;

б) приставание к прохожим, подставление ног и толкание на улицах и в общественных местах;

в) обрызгивание водой, бросание грязью и окурками и плевки на платье;

г) протягивание веревок, бросание палок и других предметов, мешающих движению по дорогам и тротуарам; умышленное задерживание гуляющих в садах, театрах и других публичных местах;

д) неожиданные пугающие крики и выстрелы.

2. Лица, виновные в нарушении настоящего обязательного постановления, подвергаются на месте нарушения органами милиции штрафу в размере 3 рублей в Красноярске и 1 рубля в сельских местностях и поселке «Памятник 13 борцов». Взыскание штрафа допускается только за нарушения, перечисленные в ст. 1, причем работники милиции не имеют права ни понижать, ни повышать размеров указанного штрафа. (...)

Председатель горисполкома *КАЗАЧЕНКО.*

Зам. секретаря *ВЕДЕРНИКОВ.*

Публикация кандидата исторических наук, **АНАТОЛИЯ ИЛЬИНА**

ВИКТОР БОНДАРЕВ

КОМИССАРЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Фото Александра Слюсарева

Миром правят не только интересы, но и идеи, может быть, прежде всего идеи.

После 1985 года в обществе постепенно стало нарастать противостояние в сфере идей, кончившееся цепной реакцией распада коммунистической идеологии. Появились идеологи, которые сыграли в последние годы ведущую роль. Среди них особо можно выделить троих: А. Н. Яковлева, Ю. Н. Афанасьева и Г. Х. Попова. Не умаляя значения многих других журналистов, писателей и публицистов, по-видимому, можно сказать, что именно эти трое оставили наибольший след в недавней борьбе идей. Все они жили неплохо и при прежней власти, однако их активная деятельность привела к тому, что система, которая им немало дала, рухнула. Кто же эти люди: перевертыши или прозревшие, еретики или циничные прагматики?

Идеолог № 1. А. Н. Яковлев.
Из комиссаров — в проповедники

Александр Николаевич Яковлев — профессиональный идеолог. По идеологическому ведомству он служил и при Сталине, и при всех до самого последнего генсеках и персеках, т. е. всю свою долгую политическую жизнь он отстаивал идеи коммунизма и социализма. Несмотря на это, он пользуется уважением у всех современных антикоммунистов. Однако даже не это противоречие можно считать главным. Служа верой и правдой тоталитарной системе, он стал одним из тех, кто способствовал ее разрушению. Борясь за чистоту идеи, он выступил фактически одним из ее могильщиков. Черпая духовные силы в марксизме-ленинизме — понимаю, что для многих это звучит сейчас странно, но это так,— стал одним из его ниспровергателей.

Читая книги Яковлева, можно прийти к выводу, что

он был истовым ленинцем, идеалистом и романтиком; слушая и видя его, трудно отделаться от мысли, что это честный и искренний человек. Но если это так, то каким образом он мог дослужиться до столь высоких постов в этой насквозь лживой и лицемерной системе? Можно ли повернуть в чудо «доброго человека» из Политбюро?

Ни для кого уже не секрет, что марксизм-ленинизм был псевдорелигией. Сегодня мы видим, что люди готовы верить во всякую чертовщину, поэтому сама по себе вера в марксизм-ленинизм не удивительна. Она во многом предопределяла и образ мышления, и способ действия. Человеку свойственна религиозность. Большевизм отрезал путь к настоящей религии поколению, к которому принадлежал Яковлев, но он не мог устранить потребности человека в вере. Трудное прощание ветеранов с социалистическими «ценностями», которое мы наблюдаем в последнее время, показывает, что поколение 20-х годов действительно религиозно воспринимало марксизм. Об этом говорят и некоторые самоубийства, когда люди прямо перед смертью — а в этот момент они, как на исповеди — пишут о крахе всех своих идеалов.

Истовое служение догме составляет неотъемлемую черту служителя любого религиозного культа. При этом сильная вера вдохновляет человека на активную деятельность, совершение таких поступков, на которые неверующие не способны. Если к бурной карьере Яковлева мы подойдем с этих позиций, то она вполне объяснима. Яковлев не производит впечатление человека, который мог всего добиться «локтями». Однако чудес в аппарате не бывает. Надо, чтобы либо кто-то тащил наверх за собой, либо пробиваться за счет собственных достоинств и недостатков. Для успеха на идеологическом поприще мало иметь неплохую голову, надо, чтобы интеллект был в согласии с догмой, иначе мало что получится.

Можно предположить, что интенсивность «религиозно-коммунистической веры» в сочетании с хорошими природными данными и привели Яковлева на высокие посты. Иное толкование трудно и придумать, оставаясь в пределах здравого смысла. Нельзя забывать, что брежневское поколение аппаратчиков действительно во что-то верило. Конечно, не все, но то, что, например, Андропов или Суслов были пропитаны коммунистическими догмами,— не вызывает сомнений. Эти убеждения парадоксальным образом уживались с общим аморализмом системы. Впрочем, в истории много примеров того, как в глубоко религиозном обществе господствуют безнравственность, произвол и беззаконие. Достаточно вспомнить эпоху Возрождения или такой персонаж нашей истории, как Иван Грозный.

Свой хлеб, точнее кремлевский паек, Яковлев отрабатывал сполна. Однако система уже начинала разлагаться. При Брежневе начинает реставрироваться культ, но уже в маразматических формах. Соблюдая правила аппаратной игры, Яковлев проявляет некоторую строптивость. Он желает блага системе, и потому возврат к сталинизму для него кажется противоестественным. Яковлев борется за чистоту идеи, за «истинный» ленинизм. После аппаратных обструкций он выносит свое недоумение и идеологическое нетерпение в прессу: публикует огромную статью «Против антиисторизма». В ней выражает свой протест против нарождающегося российского шовинизма, отстаивает гегемонию рабочего класса, протестует против преувеличения роли интеллигенции, осуждает кулачество и оправдывает коллективизацию и высказывает прочие весьма ортодоксальные вещи. Особо можно отметить антиправославную направленность, причем весьма экспрессивную. Это не случайно, поскольку сам он в это время продолжает оставаться убежденным «верующим» коммунистом и пытается отстаивать свою «веру» — в одной голове две религии не умещаются, если хотя бы одну из них принимать всерьез. Яковлева отправляют в комфортабельную ссылку в Канаду именно потому, что, с одной стороны, он явно «свой», но в то же время он «чересчур» коммунист для этой эпохи распада и разложения.

Последующие годы Александр Николаевич — на дипломатической и научной работе. Даже беглый просмотр статей партийного идеолога показывает, что он был более ленинцем, чем марксистом. Еще совсем недавно он говорил, что относится к Ленину «сверххорошо». А между Марксом-теоретиком и Лениным-теоретиком — дистанция огромного масштаба. Ведь у Ленина практически нет ни одной работы, которую, строго говоря, можно всерьез называть теоретической. Приоритет, который имеет Ленин в сочинениях Яковлева, показывает, что теоретически Александр Николаевич был подкован не очень. Конечно, он человек талантливый, но это талант идеолога публициста и проповедника, но не теоретика.

В годы перестройки Яковлев возглавил идеологическую работу в КПСС. С какими идеями он вернулся на Старую площадь? Ответить на этот вопрос непросто. Он безусловно отвергает тоталитаризм, считает, что «так жить нельзя», и готов всячески способствовать использованию опыта Запада в рациональном устройстве общества. Яковлев выступает против догматизма, он считается фактическим отцом «гласности». В то же время особой любви к частной собственности, к индивидуализму западного типа он не имеет, хотя и признает их значение для организации современной цивилизации. К тому же, он хорошо понимает специфику нашей системы, реальные механизмы власти и управления. Не отказался Александр Николаевич и от своего ленинизма, который понимает как социалистический выбор, сочетающий социалистические ценности с правами человека.

Можно сказать, что его «коммунистическая религиозность» изменила свое направление: вместо борьбы за чистоту идеи он теперь выступает прежде всего за те нравственные ценности, которые декларировались коммунизмом. Если вспомнить, что сами по себе коммунистические идеалы очень близки к общечеловеческим, т. е. христианским, то не случайно, что изменился тон и содержание его выступлений. Если мы заглянем в тексты его выступлений, книги и интервью, то увидим немало слов, которые для партийного идеолога достаточно странны: «добро», «справедливость», «дух», «душа», «совесть», «нравственность». В его речах нередко присутствуют мотивы терпимости, отрицания насилия, отказа от личных честолюбивых намерений. Можно подумать, что выступает какой-то христианский проповедник, а не бывший партийный идеолог. То, что Яковлев может произвести впечатление добродетельного христианина,— это несомненно. Да, он может быть и резким, и жестким, однако такого Яковлева мы видим очень редко. Пожалуй, с «коммунистической религиозностью» произошла своеобразная сублимация. Ее интенсивность не изменилась, просто комиссар превратился в проповедника. Если раньше Яковлев с комиссарской решительностью защищал идеи коммунизма, то теперь с миссионерской терпеливостью он отстаивает общечеловеческие ценности.

После путча Яковлев вернулся к непосредственной политической деятельности, став во главе Движения демократических реформ, выполняя функции советника Президента. Наверное, это все-таки временно. С его нынешними взглядами и нравственными принципами он вряд ли сможет быть функционером. Следует отметить, что в чем-то Александр Николаевич не изменился. Теперь он отказался и от Маркса, и от Ленина, но все равно остался социалистом. Таким образом, Яковлев фактически не отказался от своего прошлого, а перешел на новую стадию понимания старых ценностей. Теперь он большую надежду возлагает на науку и разум человечества, верит в конечное торжество справедливости и добра на Земле. Все это Александр Николаевич называет социализмом.

Идеолог № 2. Ю. Н. Афанасьев.
В вечной оппозиции

Мы никогда не видели Афанасьева в схватке за микрофон или суетливо реагирующим на жесткие реплики Горбачева во время выступлений в Верховном Совете СССР. Нет, он всегда непоколебим, уверен в себе. Парадоксальным образом этот холеный, красивый и представительный мужчина с неприлично аппаратной биографией стал одним из самых радикальных лидеров российских демократов, их идеологом.

Свою общественную карьеру Афанасьев начал с комсомольской работы в Дивногорске, на одной из знаменитых строек. Как занесло туда выпускника исторического факультета МГУ, только ли романтика привела его в Сибирь? В те времена для выпускника этого факультета были три основных варианта: наука, комсомольская работа и преподавание. Идти учителем в школу или преподавать историю КПСС в вузе? Такая перспектива воодушевляет не каждого. Научная карьера историка? Это для непосвященных работа историка кажется безусловно интересной и творческой. А для начинающего научного работника карьера должна была начаться с многочасового копания в архивах. В этой связи выбор комсомольской работы был для молодого и честолюбивого человека вполне естественен. В то же время, это во многом предопределило всю последующую жизнь.

Карьеру Афанасьев сделал и вернулся в столицу, в аппарат ЦК ВЛКСМ. Перед каждым комсомольским функционером со временем встает вопрос выбора: перейти на партийную или чиновничью работу, или на научно-преподавательскую. Афанасьев идет в науку, благо есть приличное базовое образование, университетские и комсомольско-партийные связи. В общем, биография довольно стандартная. Советская.

Что представляет из себя Афанасьев как ученый? Может быть его политическая активность проистекает из комплекса «научной неполноценности»? Однозначный ответ на этот вопрос был бы неверным. Да, годы, проведенные на комсомольской работе, были безвозвратно потеряны для науки, но человек он явно одаренный, энергичный и пробивной. К тому же КПСС специально для таких, как он, имела «кузницу» научных кадров, и не одну: свою академию, партийные и комсомольскую школы. В качестве направления своей научной работы Афанасьев выбирает историографию: изучает и анализирует труды французской исторической школы.

Для доктора наук Афанасьев сделал достаточно много. Однако в застойные годы он был в специфическом положении. Став проповедником западной методологии науки, он попал в тупик. Хотя он и шел на компромиссы, сам жанр его деятельности толкал его в ересь, поскольку любые попытки изменения методологии упирались в «единственно верную методологию». Историк, занятый конкретными исследованиями, мог хотя бы частично обходить их, ссылаясь на документы и факты. Методологу такой путь практически закрыт. И тогда, вместо того, чтобы исследовать историю, Афанасьев вошел в нее как действующее лицо.

В политику Афанасьев пришел как историк. Но не с какими-то открытиями из архивов, а как человек, взявшийся стирать белые пятна в историческом прошлом. Эта деятельность сделала ему имя и дала политический капитал. Афанасьев становится одним из руководителей «Мемориала», реабилитирует Бухарина и Троцкого, чтобы затем их опять разоблачить как большевистских «извергов». На первом съезде народных депутатов он произносит свои знаменитые слова, осуждающие «агрессивно-послушное большинство». Пожалуй, это был пик его политической карьеры.

Затем последовали будни политической борьбы. У Афанасьева — репутация ведущего идеолога демократов. Из историка он превращается в практикующего политолога, поскольку он и раньше воспринимал историю как прикладную политологию. Его периодически появляющиеся оценки политической ситуации привлекают всеобщее внимание, и нередко они действительно неординарны. Позиция идеолога жесткая и непримиримая, он все время в оппозиции к Горбачеву. Постепенно значение парламентской деятельности в союзном Верховном Совете и съездах теряет свое значение, лидерство переходит к российским парламентариям. Стремительно возносится политическая звезда Ельцина, в тени

которой оказываются прочие лидеры демократов. Ряд политических лидеров переходят в правящие кресла и приобретают все больший вес. Чтобы набирать «очки» в политической борьбе, надо функционировать. Но функционирование — это занятие, по-видимому, не для Юрия Афанасьева. Он уже привык быть лидером. Он не экономист, не юрист, а демократам у власти нужны конкретные рецепты и панацеи. И здесь идеологу сказать нечего. Единственная сфера, в которой никто ничего не понимает и не знает, что делать,— это межнациональные отношения и судьба коммунистической империи. Поэтому не случайно эта тема становится основной для Афанасьева.

Пока КПСС не была разгромлена и существовала союзная бюрократия, пребывание в оппозиции постоянно давало приращение политического капитала. Приход Ельцина к власти усложнил политическую ситуацию. Поддерживать Ельцина — это связано с угрозой растворения среди многих других политических сил, течений и политиков. Выступить против — равносильно политическому самоубийству. Афанасьев и группа наиболее радикальных демократов находят третий путь — «условная поддержка». В июне 1991 года историк избирается в Верховный Совет РСФСР, полагая, что имеет возможность стать лидером благодаря своим прежним заслугам. Однако «поезд ушел». Здесь уже нет недостатка в своих лидерах, которые своих позиций сдавать не собираются. Первая же акция Афанасьева — предложение покинуть зал заседаний — оканчивается конфузом. Не добавили демократу лавров и его критические выступления против союзного договора, с которым он выступал до путча. Получилось так, что лидер «Демроссии» оказался в неформальном союзе с гэкачепистами. Не повезло ему и в августе, когда профессор оказался в Мюнхене и не смог продемонстрировать свою революционность на баррикадах.

На неформальном посту ведущего идеолога Афанасьева теснят со всех сторон: Явлинский, Попов и другие, регулярно предлагающие «что делать», оказываются в более выгодном положении. Активнее, чем Афанасьев, выступают его политические соратники — Баткин, Буртин и другие. Развалилась «Демократическая Россия». Наносят удары коллеги-демократы, зачислившие историка в «необольшевики». Обстановка в бывших союзных республиках, особенно прибалтийских, за отделение которых бескомпромиссно боролся Афанасьев, тоже непростая. Национал-демократы оказались не совсем в ладах с правами человека. Да и развал «Империи», за который ратовал идеолог, оказался чреват многими негативными последствиями.

Все ведущие «шестидесятники» со временем приблизились к власти. Кто получил высокий пост, кто просто вошел в какой-нибудь руководящий совет. Афанасьев — один из немногих заслуженных демократов, кто постоянно оказывается в оппозиции. Впрочем, для него трудно и подобрать подходящий пост. Его устроит, наверное, только одна из высших должностей, но их мало, а, кроме того, на любой должности надо функционировать. Наверное, он профессиональный оппозиционер в силу своего характера и качеств политика.

И все же сводить дело к личным качествам его политическую позицию не вполне корректно. Кроме того, не один Афанасьев отличается политическим радикализмом. Есть и Баткин, Боннэр, Буртин, Якунин и еще целый ряд явно неординарных личностей, которые постоянно оказываются в оппозиции к тем, кто у власти. По сути, все они представители российской интеллигенции, и все, что происходит, представляет очередной вариант конфликта власти и интеллигенции.

На определенном историческом этапе, когда требовалось мужество, талант, высокие нравственные принципы, которые воплощали некоторые интеллигенты, интеллигенция подняла за собой народ на борьбу против тоталитаризма. Коммунистическая идеология была стерта в порошок, мифы и догмы развеяны, демократы расселись в правящих креслах. Однако когда задачи разрушения были выполнены, ряд демократов уже ничего не может предложить народу. Сегодня требуются решительные политики для проведения непопулярных решений, предприимчивые бизнесмены и хозяйственники, и резко упал спрос на идеологов. Бороться с коммунизмом уже не надо. Агитировать за рынок и демократию — тоже особой необходимости нет... Революцию делают одни, а результатами ее пользуются другие.

Вовсе не случайно, что бывшие аппаратчики потеснили интеллигентов, поскольку они оказались на данном этапе нужнее. Как ни парадоксально, народ им больше верит, поскольку они проще и понятнее. Те, кого представляет Афанасьев, свою историческую миссию выполнили. Для интеллигенции остались только средства массовых коммуникаций и политическое обслуживание или, наоборот,— критика власти. Саму политику будут делать другие. «Иного не дано».

Идеолог № 3 Г. Х. Попов.
Радикальный прагматик

Среди других лидеров Попов отличается высоким и устойчивым социальным статусом. Конечно, Шеварднадзе, Яковлев, Ельцин, Силаев занимали далеко не рядовые должности, которые на первый взгляд несопоставимы с деканским постом доктора экономических наук. Однако, если присмотреться внимательней, то окажется что реальное место профессора Попова в административно-командной системе было весьма и весьма неординарно. Попов был деканом самого престижного вуза страны, одного из самых блатных факультетов. Все партийные и хозяйственные бонзы имели детей и внуков, которым по чинам их предков полагалось учиться в университете. Кроме того, с некоторых пор чиновники заимели склонность к научным степеням и званиям. В общем, связи у декана были колоссальные. Он был связан и с зятем Хрущева, и с зятем Косыгина — это можно вычитать из простого списка научных трудов профессора. А сколько там не указано! Не трудно предположить, что декан мог все, точнее почти все, что можно и не совсем можно в СССР. Да, в жизни у него были трудности и неудачи, но при этом на первый взгляд ему грешно поносить систему, в которой он так неплохо жил.

Гавриил Харитонович — доктор экономических наук, автор и составитель многочисленных книг и учебников. Однако все они не по экономике в буквальном смысле этого слова, а по теории управления. Поэтому тот очевидный приоритет, который он отдает управленческим новациям перед экономическими вполне вытекает из его научного амплуа.

Нельзя не отметить, что у Попова было тонкое ощущение нового. Если бы я писал фельетон, то мог написать, что известный политик был просто потрясающим конъюнктурщиком. Если же писать панегирик, то можно говорить о великолепной научной интуиции, тонком научном предвидении. Можно найти и нейтральное выражение: Попов всегда находился на самых передовых рубежах в советской экономической науке. Он не просто следовал конъюнктуре, он был одним из тех, кто ее создавал. Его работы по теории управления были одними из первых, за которыми последовал многолетний бум в этой области. В 1972 году профессор выпускает одну из первых в стране книг по программно-целевому управлению. С тех пор программы вошли в нашу жизнь, правда как одни из мифов развитого социализма, поскольку ни одна из известных программ, в том числе в последние годы, так и не была выполнена.

Фактически Попов был одним из законодателей моды в советской науке. У него накопился значительный научный и политический капитал. Его приглашали «наверх», он принимал участие в подготовке «директивных» документов. По всем приметам он имел основания для дальнейшего продвижения, прежде всего к академическим чинам и званиям. Однако здесь Гавриила Харитоновича ждали одни неприятности. Прежде всего для застойного времени он был еще молод. Фактически он опережал свое поколение, представители которого в 80-е годы один за другим получали вожделенные титулы. Его молодость и удачливость не могли не раздражать, вызывать зависть и козни противников. Но это не единственная причина.

Та теория управления, которую пропагандировал Попов, имела свои корни явно не в марксизме, а в различного рода «буржуазных» науках и философиях. Это обстоятельство, наверняка, раздражало догматиков. Своей деятельностью Попов прокладывал путь к ревизии основ. Не хочу представлять его мучеником идеи — труды профессора полны научными компромиссами,— но противоречие между официальной доктриной и новой научной дисциплиной безусловно было. Попов мало ссылался на «вульгарные» теории, но суть дела от этого не менялась.

Была и другая сторона медали. Те идеи и теории, которые отстаивал будущий политик, оказались достаточно бесплодны и бесполезны. Хотя они и возникали в свободном мире, содержания в них было немного, во всяком случае, намного меньше, чем обещалось. Таким образом, несмотря на бурную деятельность и явную одаренность, чисто научных результатов у Гавриила Харитоновича было немного. Кроме того, он по-видимому не любил детали и предпочитал оставаться на «концептуальном уровне», поэтому экономической фактуры так мало в его книгах. Естественно, что в глазах некоторых из своих коллег он не был собственно экономистом. Это также воспрепятствовало его восхождению на академический Олимп.

Таким образом, несмотря на внешнее благополучие, у него были основания для недовольства системой. Человек, просто талантливый, не смог реализовать свой потенциал и начал искать способ приложения своих сил.

В политику Попов попал не как экономист, а как блестящий публицист. Уже как изобретатель замечательного эвфемизма «административно-командная система» Попов заслуживает того, чтобы остаться в истории. Конечно, сам по себе этот термин неточен и где-то даже неправилен, но он сыграл выдающуюся роль в борьбе с КПСС. Поразительно злободневно звучали публикации Попова о Реформе 1861 года и многие другие.

Путь Попова к лидерству в демократическом стане был неоднозначным, так же как неоднозначным является и его нынешнее положение. Вполне можно предположить, что либерал и демократ мог оказаться, например, в советниках у Горбачева, как и его друзья. У него в принципе была возможность пойти абалкинским путем. Ведь по характеру он не революционер, а безусловный сторонник реформистского пути. Правда, роль одного из лидеров «Демроссии» вынуждала его иногда и к радикальным действиям.

Гавриил Харитонович — талантливый политик. Его действия заслуживают специального политологического исследования. В то время, как его коллеги по союзному парламенту осваивали новый для себя жанр и набирали политический капитал, он вкладывал его в новое «дело»: борется с небольшой группой демократов за лидерство в Москве и побеждает. Формально здесь уровень ниже, всего уровень города, ни какого! (Кстати, Собчак о такой возможности не догадался, именно опыт Попова надоумил ленинградских демократов.)

Следующий весьма своеобразный шаг Попов предпринимает, возглавив Моссовет: он в открытую идет на союз с прежней номенклатурой. Для того, чтобы обезопасить себя от обвинений в коллаборационизме, он совершает резкие, на первый взгляд, выпады против КПСС, что ему дает поддержку в кругах радикал-демократов.

Одним из первых, а может быть, и первым — как нередко случалось в его жизни — он критикует советскую систему не с идеологических позиций, а с точки зрения рациональности государственного устройства советской системы. При этом Попов не останавливается на критике, а переходит к решительным преобразованиям организационно-управленческого плана. Именно московский мэр становится идеологом сильной исполнительной власти в России. По сути введение «наместников» и «губернаторов» в российской провинции — это тоже реализация идеи Попова. В то время, как прочие руководители-демократы сочиняют мемуары, Гавриил Харитонович выпускает один манифест за другим, указывающие, «что делать». Нельзя не отметить, что при реализации своих предложений он проявляет неожиданную для интеллигента настойчивость.

Как и другие демократические лидеры Попов в своих взглядах проделал большую эволюцию. Наверняка, в застойные годы он не был антикоммунистом. Его мировоззрение представляло собой сочетание прагматизма с каким-то социал-демократическим «менталитетом», как и у многих других шестидесятников. КПСС он не отвергал хотя бы как теоретик управления, видевший в партии государственную структуру, определявшую стабильность и устойчивость системы. Что касается коммунистических идей, то как представитель своего поколения в какой-то мере он был им тоже подвержен. Это проявлялось в начале 1991 года в его периодически высказываемых симпатиях к социал-демократии. Когда стало ясно, что компартия больше не может быть государственной структурой, тогда и Попов от нее отказался, еще раз подтвердив, что его главный принцип — прагматизм.

КЭТРИН ФИЦПАТРИК (США)

ЗАЩИТА ПО-АМЕРИКАНСКИ

В свете нынешних бурных событий, происходящих в Советском Союзе, тема моего сообщения наверняка покажется вам экзотической *. Именно поэтому я бы хотела не только дать общее представление о всем многообразии форм деятельности американских правозащитных групп, но и попытаться извлечь из их опыта некоторые уроки и принципы, которые окажутся полезными и в вашей ситуации, а также помогут в трудное время поддерживать диалог и сотрудничество с международным правозащитным движением.

В нашей стране обычно говорят о «гражданских правах», связывая с этим понятием прежде всего борьбу за сохранение той свободы, которая провозглашена в Первой поправке к нашей Конституции, устанавливающей, что «Конгресс не должен принимать никаких законов, которые ограничивали бы свободу слова».

Трудно представить американское движение за гражданские права без Билля о Правах и Конституции: действительно, еще вопрос — возможна ли вообще борьба за какие-либо права, если ей не предшествует признание существования этих прав. Именно это утверждается в преамбуле американской Конституции: «Мы считаем безусловно и несомненно истинным, что все люди созданы равными и что все они наделены их Создателем определенными неотъемлемыми правами...». Следует также упомянуть о разделении государственной власти на исполнительную, законодательную и судебную, которое наряду с тщательно разработанной системой сдержек и противовесов образует тот контекст, в котором Конституция обретает смысл. При этом Верховный Суд США является не просто высшей судебной инстанцией, но независимым органом, полностью отделенным как от Конгресса, обладающего законодательными полномочиями, так и от Белого Дома, полномочного применять законы и обеспечивать их соблюдение.

Три фактора, в общем чуждые советской практике, сделали возможным движение за гражданские права в Америке: 1) Наличие сильных массовых гражданских организаций и движений, которые полностью существуют за счет благотворительных пожертвований и добровольной работы (в условиях рыночной экономики никакие правозащитные группы не могли бы существовать на «хозрасчетной основе»); 2) Феномен «адвокатов pro bono» (во имя блага) — адвокатов, услуги которых бесплатно предоставляются ради общественной пользы частными юридическими фирмами, а также наличие независимой судебной системы, предоставляющей адвокатам широкие возможности активно защищать своих клиентов в рамках состязательного процесса, включая проведение своего собственного расследования обстоятельств дела, сбор собственных доказательств, вызов свидетелей защиты и т.д.; и, что самое важное,— 3) Билль о Правах и четкое, общедоступное законодательство о гражданских правах, а также ясное понимание того, чем именно деятельность по зашите гражданских прав отличается от других форм юридической помощи и общественной деятельности.

В США такие гражданские права, как свобода слова, печати и собраний, вытекают из концепции «неотчуждаемых», «естественных прав», которыми мы обладаем от рождения и которые ничего нам не стоят: это то, что правительство может отобрать, но не может дать. За социальные же «права» надо платить: или налогами, которые, если они слишком обременительны, могут угрожать свободному предпринимательству, или принудительными мерами, вообще разрушающими экономику, или через благотворительную деятельность. Этот последний путь в основном и был избран американцами для того, чтобы обеспечить эти так называемые «права», про которые ложно утверждается, что они гарантированы во многих социалистических странах: право на жилище, медицинское обслуживание, образование и т.д., и которые остаются неотъемлемой частью надежд, возлагаемых ныне широкими массами населения СССР на свое правительство. В Америке же они даже не считаются «правами», хотя и признаются как потребности — потребности, которые должны удовлетворяться честной социальной политикой, что в идеале достижимо обычным демократическим путем, т.е. через осуществление естественных прав. Так, по закону города Нью-Йорка власти обязаны предоставлять бездомным временное жилье; согласно федеральному закону, правительство обязано предотвращать дискриминацию меньшинств при доступе к жилью, должно обеспечивать умеренную плату за жилище для малоимущих, но не обязано предоставлять каждому постоянное жилье. К лучшему это или к худшему,— но это дело свободного рынка. Неравенство, вызванное этой системой, привело ко все усиливающимся публичным дебатам о том, что подобные социальные потребности необходимо гарантировать — если не законодательно, то путем более совершенной и более демократичной социальной политики, а также о том, что обществу следует уделять меньше внимания «правам» и больше — «обязанностям и ответственностям».

Множество самых разных групп считают себя в той или иной степени вовлеченными в правозащитную деятельность. Я бы подразделила их на группы солидарности (поддержки), группы содействия (лобби), группы наблюдения (мониторинга), научно-исследовательские и образовательные группы. Естественно, что в своей повседневной работе каждая организация сочетает все эти функции, но основной упор делает на одной из них.

Общим для всех этих групп является прежде всего их юридический статус — все они зарегистрированы как независимые бесприбыльные общественные организации или благотворительные группы, коммерческая деятельность которых освобождена от налогов, но допускается лишь в тех пределах, какие необходимы для того, чтобы получить средства для покрытия расходов.

«Группа солидарности» выбирает какое-ибудь одно дело и выступает в его поддержку независимо от всех прочих соображений. Например, Комитет в поддержку сальвадорского народа поддерживает оппозицию, а не правительство, и борется против нарушения прав человека,— всеми средствами вплоть до оказания оппозиции медицинской и финансовой помощи, про которую некоторые критики не преминут заметить, что она может попасть и в руки вооруженных партизан. Такие радикальные группы часто из принципа уклоняются от контактов и диалога с правительством или «оппонентом», боясь себя скомпрометировать, и часто прибегают к драматическим театральным приемам,— например, обрызгивают кровью правительственные документы или носят по улицам изображения черепа с костями в знак протеста против недостаточного финансирования исследований по СПИДу

«Группа содействия» преследует только определенный специфический интерес в ущерб всем остальным интересам — даже правам человека. Например, Лига защиты детей будет отстаивать право ребенка на защиту от злоупотреблений, вопреки праву родителей на невмешательство в их частную жизнь.

«Группы наблюдения», такие как, например, «Хьюман Райтс Уотч», большую часть своих ресурсов посвящают сбору и распространению информации, и меньшую — вербовке сторонников среди конгрессменов, хотя их связи с Конгрессом и их обстоятельные доклады играют решающую роль при подготовке многих законопроектов. Если для «групп наблюдения» важно день за днем наблюдать за событиями и быстро реагировать на них в печати, то научно-исследовательская организация, возможно, изучит проблему с исторической точки зрения или в контексте более широкого региона; такая организация будет также стремиться разрабатывать альтернативные законопроекты и предлагать новые политические инициативы, к которым «группа наблюдения» вряд ли присоединится, ибо для этого она слишком занята.

Такое разделение труда может также отражать философские различия.

Показательным примером является то, как разные группы реагировали на убийства мирных демонстрантов в Литве. Первая группа, пикетировавшая перед зданием советского представительства в ООН, была «группа солидарности» — Кампания за мир и демократию, являющаяся коалицией различных пацифистских и борющихся за социальную справедливость организаций, которые сейчас в основном заняты протестом против войны в Персидском заливе, но хотели подчеркнуть, что события на Ближнем Востоке не должны отвлечь внимание мировой общественности от погрома в Прибалтике. (Поскольку эти организации небольшие и радикальные, они могут быстро провести любую акцию протеста.) Они подчеркнули важность пацифизма и сопротивления службе в армии, возложив красные цветы у забора представительства, что привлекло к ним внимание местного телевидения, стремившегося добавить местный штрих к получившей международную известность картине возложения цветов на похоронах в Вильнюсе. Когда советские официальные лица в оправдание сослались на притеснения русскоязычных меньшинств, представители группы ответили, что они об этом ничего не знают, но, естественно, были бы возмущены такими притеснениями, если бы они имели место; однако группа в принципе поддерживает борьбу литовцев: ведь, в конце концов, Америка тоже притесняет свои меньшинства — может ли Советский Союз по этой причине оккупировать Америку? Следующую из откликнувшихся на события в Литве групп — Литовский Информационный Центр — можно отнести к группам содействия; она организовала большую демонстрацию, в которой участвовали главным образом американцы литовского происхождения. Эта организация, конечно, располагала достаточно подробной информацией, и ее представители могли гораздо более аргументированно спорить с советскими официальными лицами относительно договоров и оккупации 1940 года. Их протесты были подробно освещены в прессе и по телевидению.

«Хельсинки Уотч», как группа наблюдения, не поднимала ни проблем пацифизма, ни проблемы национального самоопределения (считая, что эта проблема плохо отражена в международном праве и относится скорее к области политики, чем прав человека), а просто исследовала вопрос: было ли необходимо применять силу против мирных демонстрантов? Придя к определенному выводу, группа опубликовала в «New York Times» статью, выражающую ее мнение, где было подчеркнуто сходство этого и предыдущих случаев силового вмешательства в других советских республиках. Хотя членов этой группы не показывали по телевизору с розами и плакатами, они, вероятно, более успешно повлияли на тех, кто принимает важные решения в Конгрессе и правительстве, даже если и разочаровали своих литовских коллег тем, что не выступили прямо и твердо в защиту независимости Прибалтяки.

...Старейшая и наиболее известная правозащитная группа, отметившая в прошлом году свое семидесятилетие,— это Американский союз гражданских свобод или АСГС. Его штаб-квартира находится в Нью-Йорке, а отделения есть в столицах почти всех штатов: он располагает услугами более чем 400 адвокатов, защищающих в судах интересы пострадавших от нарушения гражданских прав. Союз широко известен благодаря своей деятельности по защите свобод, предусмотренных Первой поправкой и Биллем о Правах, включая защиту прав обвиняемых в совершении уголовных преступлений, а также осуществление ряда других близких проектов: союз защищает лиц, зараженных СПИДом; работает над отменой законов, устанавливающих смертную казнь; представляет интересы детей в судебных делах, связанных с воспитанием, защищая их от злоупотреблений и дурного обращения: стремится защищать эмигрантов и иностранцев от федеральных властей; борется против всех форм дискриминации гомосексуалистов.

Американское движение за мир, выступающее против всеобщей воинской повинности, милитаризма и использования войны как средства разрешения конфликтов — еще одна область, где проявляется большая забота о правах человека. Лига противников войны, возникшая в начале века, выступает против всеобщей воинской повинности и за право отказа от военной службы по соображениям совести. В результате многолетней борьбы ей удалось добиться ряда решений Верховного суда, которые официально признали идею отказа от военной службы по религиозным соображениям сначала для некоторых «мирных церквей», таких, как Адвентисты седьмого дня, а потом для последователей всех других религий, включая евреев и католиков, чьи основные традиции не обязательно пацифистские; и, наконец, последовало официальное признание права отказа от военной службы по соображениям совести для представителей групп любых убеждений, включая пацифизм. Эта организация занимается защитой прав призывников, отказывающихся идти воевать в Персидский залив.

Независимо от стиля и философии своей деятельности, наши американские группы используют труд и профессионалов, и добровольцев-энтузиастов. Я особенно хотела бы подчеркнуть для советских участников движения за права человека важность уважения к тому вкладу, который любой человек, в меру своих сил и возможностей, вносит в это движение. Я часто замечала своего рода снобизм: некоторые советские юристы утверждали, что только юристы способны заниматься правозащитной деятельностью (хотя советское юридическое образование вряд ли могло обеспечить им достаточную квалификацию). В отличие от Гватемалы, Сингапура или Кении борьбу за права человека в СССР исторически вели не представители юридической профессии, а физики и филологи. Мужественный адвокат — покойная Софья Васильевна Калистратова — была одним из немногих исключений. С другой стороны, некоторые бывшие политические узники считают, что только у них есть моральное право бороться за права человека,— хотя их суровый опыт иногда может мешать видеть возможности для диалога или конструктивного сотрудничества с реформаторами. Да, каждый должен воздать им должное за обретенную свободу, но поскольку в оппозиции времени перестройки участвует так много 40-летних и 50-летних, то можно проглядеть ценности более молодых, неопытных и необразованных людей.

Наибольшее различие между правозащитными движениями в наших странах

* Кэтрин Фицпатрик — одна из самых популярных фигур в мировом правозащитном движении. Она не только действует и обобщает опыт других, она очень интересно мыслит, любое ее выступление — это философская концепция прежде всего... Публикуемая статья — из выступления К. Ф. на семинаре Московской Хельсинкской группы летом 1991 года.

исторически заключается в том, что американское движение не искало для себя вдохновения в международном праве и лишь недавно несколько групп начали пытаться использовать международный форум для того, чтобы помочь защитить права меньшинств и заключенных. Недавний опрос общественного мнения показал, что многие американцы не только не знают, что такое Хельсинкские соглашения, но даже не знают, что Хельсинки — столица Финляндии. Американцы уверены: лучшей, самой эффективной защиты прав человека можно добиться дома, у себя, через систему национального законодательства и защиту общественных групп, которые предают гласности случаи злоупотреблений и пытаются «обрабатывать» своих конгрессменов. Ни одно из основных прав человека в США не было обеспечено путем апелляции к международному праву, ни одна серьезная проблема гражданских прав в Америке не была решена на международном уровне путем переговоров. Американские правозащитники считают, что их собственная Конституция обеспечивает им лучшую защиту, чем международное право, которое они часто считают вовсе не верховным авторитетом, а скорее результатом компромисса между различными социальными системами, обусловленного геополитическими интересами.

Американцы весьма удивились бы, узнав, что в глазах советских граждан ответственность за обеспечение продовольствием, жильем, а также за распространение демократической прессы, отражающей общественное мнение, лежит на Советах народных депутатов. Если бы муниципальный совет какого-нибудь американского города наделил себя такими функциями, это вызвало бы протест, ибо, по мнению американцев, подобные задачи должны решаться частным, неправительственным сектором и свободным рынком: муниципальный же совет должен заниматься уходом за дорогами, уборкой мусора, управлением школами и защитой меньшинств от дискриминации.

Однако в такой узости взглядов американцев на функции органов власти заключается нечто, чему советские люди могли бы поучиться.

Лучшая защита прав человека в любой стране осуществляется ее собственными гражданами. В тех случаях, когда для освобождения порабощенного народа используется внешнее вмешательство, особенно военное, то редко бывает, что облагодетельствованный народ будет благодарен за обретенную свободу и впоследствии вряд ли сможет защищать ее уже собственными силами; более того, враги внутри собственной страны всегда могут объявить благодетелей «иностранными агентами». Международное право не имеет принудительной силы, не располагает органами принуждения,— у него, как и у римского папы, нет полков и дивизий, готовых защищать права человека. Кроме того, в международном праве крайне неудовлетворительно определены некоторые понятия первостепенной важности, например «национальное самоопределение».

Хотя американцы, будучи нацией эмигрантов, гордятся своей терпимостью к этническим различиям, но, как легко могут заметить советские люди, они никогда не решали этнические конфликты путем территориального размежевания (вспомните неудачу индейских резерваций) или посредством предоставления отдельным территориям государственного статуса, подобного статусу советских автономных республик. Одинаковые для всех последствия нищеты и богатства, а также сама иммиграция уничтожили надежды на независимость отдельных национальностей. Свобода этнических общин иметь собственные школы или культурные центры и свобода наших штатов иметь собственные экономические системы, правительства и т.п. вряд ли удовлетворят требованиям большинства нынешних национальных движений в СССР, хотя, как это ни парадоксально, американские штаты и этнические общины в некоторых отношениях более «свободны» в американской федеральной системе.

По моему мнению, крайне опрометчиво провозглашать — как это делают многие советские законодательные органы,— что если нормами международного права предусмотрены более широкие гарантии некоторого права, то эти нормы имеют безусловный приоритет над внутренним законодательством. Это заведомо пустые декларации, поскольку вряд ли можно что-нибудь сделать для того, чтобы обеспечить действенность этих намеренно широких гарантий или даже просто настаивать на их соблюдении,— например, в международном праве нет почти ничего, что можно было бы конкретно применить к вопросу о независимости прибалтийских республик. Даже в недавних венском и копенгагенском итоговых документах говорится о правах меньшинств, но не о правах наций. Гораздо полезнее обратить усилия на достижение как можно более высоких правовых стандартов в вашей собственной стране, с помощью законов и правовых институтов, в большей степени учитывающих реальность. Мое настоятельное пожелание советскому правозащитному движению заключается в том, чтобы оно начало избавляться от надежд на то, что международное право решит его сложные проблемы в области прав человека. Мир поглощен решением собственных проблем.

Вместо того, чтобы обращаться в международные органы, вам нужно развивать правозащитные структуры у себя дома.

Мы теперь видим, что многие из людей, называвших себя «правозащитниками» или бывших узниками совести в Советском Союзе, которыми восхищались на Западе как борцами за права человека, на самом деле были политиками, боровшимися за власть с верой в то, что эта власть в их руках будет более демократичной и гуманной. В этом нет ничего плохого. Но нужно четко отличать законную борьбу за демократию, свободу и независимость от борьбы за гражданские права, которая ныне оказалась оттеснена почти на самую периферию политической жизни.

В США общественные группы (часто преследующие какой-нибудь один интерес) играют очень большую роль, образуя нечто вроде буфера между избирателями и теми, кто пришел к власти по партийным избирательным спискам. Приход к власти всегда сопряжен с компромиссами, и даже лучшие конгрессмены нуждаются в напоминании о высшем долге. На мой взгляд, для вашей страны большое несчастье, что такая буферная зона не была создана и мощные волны гнева доведенного до отчаяния народа обрушиваются непосредственно на хрупкие и слабые структуры еще неопытного демократического правительства. Много хороших людей из неформальных организаций перешло на государственные должности,— оставив свое дело без опытных работников, а себя — без лестницы, по которой они могли бы нисходить к простым людям с высот власти. Для вашей страны нет задачи более важной, чем создание ряда независимых, негосударственных, бесприбыльных групп, которые посвятят себя НЕ борьбе за власть или партийное влияние, а наблюдению за событиями и защите гражданских прав и которые будут стоять вне политики и служить связующим звеном между обществом и правительством.

Повторяю еще раз, что международное гуманитарное право, каким бы вдохновляющим и достойным оно ни было, пока слабо. Оно возникло после Нюрнбергского процесса — из желания мирового сообщества предотвратить преступления против человечества, в особенности расизм.

Нюрнбергский процесс состоялся тогда, когда война была закончена и победители ясно определены. Но если довоенный мир был готов бороться с Гитлером, то демократические страны были вовсе не готовы воевать со сталинизмом, как ярко показали текущие события, а это значит, что борьба будет мирной и будет вестись главным образом здесь, а не за рубежом. Я верю, что сила этой борьбы — в частности, за ликвидацию последствий сталинских преступлений против национальностей — ведь они затрагивают 1/6 часть земной поверхности — может оказаться достаточной для того, чтобы переписать нормы международного права к пользе всех народов. Но вы — единственные, кто может это сделать, и чтобы получить мировое признание, вы должны делать это, проявляя терпимость к инакомыслию и различиям между вами и не прибегая к насилию.

РЕПЕТИТОР

С этого номера «Родина» начинает новое многотрудное дело — мы открываем рубрику «Репетитор». Каждое лето тысячи отважных барышень и юношей осаждают приемные комиссии университетов и институтов различного ранга и калибра, сталкиваясь при этом с объективными, необъективными и просто специфическими препятствиями. Для многих непроходимой преградой становится вступительный экзамен по истории (по нашим агентурным данным, именно он помешал повзрослевшей Кате Лычевой стать студенткой экономфака МГУ). Можно долго рассуждать об ущербных учебниках, фантастически бездарных программах и объективности «принимающих лиц». Давайте оставим все эти разговоры до лучших времен и попытаемся, реально оценив обстановку, наметить пути выхода из сегодняшней бедственной ситуации.

В новой рубрике мы коснемся самых острых углов ныне действующих школьных курсов и учебных пособий, постараемся представить современные трактовки основных событий русской истории. В наших планах — оперативная реакция на грядущие изменения в программе для поступающих в вузы (а таковые непременно последуют в свете нынешней обстановки). Мы предложим вниманию читателей разнообразные тесты, успешно апробированные на опыте нескольких поколений абитуриентов. Начиная это рискованное и непростое дело, журнал всерьез рассчитывает на помощь читателей — в первую очередь тех, кому непосредственно адресован наш новый раздел. Ваши письма, вопросы, советы должны существенно повлиять на дальнейшую судьбу этого начинания. Пишите нам! А начнем мы традиционно: с «фундаментальных» основ.

Программа для поступающих в вузы таит массу загадок для наивного абитуриента. В последние годы ясно просматривается тенденция примешивать к набившим оскомину марксистским догмам те или иные исторические фигуры, прежде поминаемые в учебниках и монографиях разве что ругательно. Так что теперь абитуриент должен быть знаком с личностями В. М. Чернова и М. А. Спиридоновой, А. И. Гучкова и А. И. Рыкова... Есть в программе и совсем уж таинственные личности, наподобие Шанцера-Марата или Васильева-Южина. Зато по-прежнему нет многих и многих людей, оказавших определяющее влияние на развитие России. Это в полной мере касается и самых «священных» событий революционной истории. Мы постараемся изложить основные сведения о разного рода «темных личностях», упомянутых и не упомянутых в программе. Начнем с давно недоевших вещей, обозначенных программой как «создание ВРК. Н. И. Подвойский. В. А. Антонов-Овсеенко». По нашим данным, в прошлом году на экзаменах встречался и такой вопрос: «Кто был председателем Военно-революционного комитета в октябре 1917 года?»

МИХАИЛ КОРСУНСКИЙ

ПАВЕЛ ЛАЗИМИР

Сын сверхсрочника-эстонца, служившего в Уланском полку в Петергофе, лекарский помощник Павел Евгеньевич Лазимир (1891-1920) был первым председателем Петроградского Военно-революционного комитета. Его имя было вычеркнуто из высочайше утвержденных списков «героев революции». Дозволялось лишь кратко упоминать, что председателем ВРК был «вначале», «в первое время» или «короткое время» П. Е. Лазимир («левый эсер, впоследствии большевик»), «накануне» или «в дни восстания», «вскоре» или просто «потом» его «сменил» Н. И. Подвойский. Иные настаивали, что Павел Евгеньевич был председателем ВРК с 12 по 21 октября, а некто П. Березов в книге «Революция совершилась» даже написал, что Лазимир пробыл председателем ВРК только три дня. Разумеется, никаких документов авторы этих досужих вымыслов привести не могли. Однако все документы ВРК с 21 октября по 5 ноября (старого стиля) 1917 года имеют подписи Лазимира как председателя. Ни разу за эти дни он не прибавил при своей подписи частицу «за». А с 5 ноября он полностью переключился на работу в Наркомвоене.

В 1922 году газета «Известия» опубликовала справку о «первых организаторах и вождях Красной Армии». В числе первых десяти упомянута и фамилия Лазимира.

С 7 лет Павел учился в школе кантонистов. Его сестра Юлия вспоминала:

«Однажды зимним вечером он увидел, как перепившийся офицер из титулованных особ избивал ногами новичка-кантониста, который приветствовал его сиятельство у стен казармы не так, как положено. Павел оттолкнул князя, ударил сапогом по занесенной над малышом «сиятельной» ноге. Рассвирепевший офицер потребовал от начальника школы немедленно вышвырнуть Павла на улицу. Лазимира выгнали на мороз. Он ночевал в холодном коридоре и заболел воспалением легких».

По совету начальника школы кантонистов юноша подает прошение в Петербургское военно-фельдшерское училище, которое он закончил с отличием. Это давало Лазимиру право выбора места службы. Он попросил направить его в Новый Петергоф, в тот самый Уланский полк, где в швальне работал его отец.

Вскоре полиция сообщила командиру полка, что лекарский помощник П. Лазимир принимает участие в нелегальных сборищах, где читает запрещенные листовки и книги. Было рекомендовано провести у него обыск.

После Февральской революции он был избран депутатом Петроградского Совета. Вскоре он стал членом исполкома, председателем солдатской секции и товарищем (заместителем) председателя Военного отдела Петросовета.

Осенью 1917 года левый эсер Лазимир часто действовал заодно с большевиками, в том числе при обсуждении в Совете вопроса о создании комитета по обороне Петрограда.

В середине октября 1917 года он сделал набросок Положения о Военно-революционном комитете, известный как «проект Лазимира».

20 октября состоялось первое заседание ВРК, а на следующий день было создано бюро Комитета.

Председателем избрали П. Е. Лазимира, заместителем (товарищем) председателя — Н. И. Подвойского, секретарем — В. А. Антонова-Овсеенко.

По воспоминаниям К. А. Мехоношина, Лазимир был избран председателем ВРК по предложению большевиков. «Это избрание имело политическое значение, а в частности для Лазимира оказалось решающим,— писал Мехоношин.— С этого момента... он решительно встал на нашу сторону».

Джон Рид рассказывал об одном таком заседании Военно-революционного комитета.

«Председательствовал светловолосый юноша лет восемнадцати, по фамилии Лазимир»,— пишет он.

Рид ошибся в одном: Павлу Лазимиру было уже 26 лет, но стройный, подвижный, сухощавый, он казался значительно моложе своих лет.

После победы Октября Лазимир назначается членом коллегии Наркомвоена, а затем и НКВД. Удостоверение о его назначении членом коллегии при Народном комиссариате внутренних дел подписано лично Лениным.

В августе 1918 года после неоднократных просьб Павел Лазимир получил назначение на Южный фронт. Он становится членом Реввоенсовета фронта. Лазимир сменил на этой должности Сталина, который был отозван после того, как члены Реввоенсовета Сталин, Ворошилов, Минин не признали нового командующего фронтом бывшего генерала П. И. Сытина.

В приказе РВС Республики Павел Евгеньевич назван «испытанным бойцом за дело рабочего класса». Брюшной тиф вывел его из строя. Болезнь дала тяжелое осложнение на сердце. Лишь в январе 1919 года Лазимир вернулся к работе и сразу же попросил РВС направить его на фронт. Павла Евгеньевича назначают руководителем Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии Украины. Лазимир не щадил себя, работал самозабвенно и настойчиво.

Он считал, что его медицинские знания и опыт принесут больше пользы революции, чем работа в органах снабжения. В середине декабря 1919 года Красная Армия вошла в Киев, Лазимир прибыл в город в числе первых.

Член Военсовета 12-й армии Семен Иванович Аралов вспоминал: *«Со дня взятия Киева т. Лазимир ревностно, не зная отдыха, принялся за санитарное устройство города, чистку, оборудование лазаретов, эвакопунктов, хлебопекарен. Его неустанная энергичная работа, его твердая воля и желание привести киевские санитарные и лечебные учреждения в порядок увенчались крупным успехом. Загаженные деникинцами больницы действительно стали больницами и лазаретами, а не конюшнями. Тов. Лазимир был назначен Реввоенсоветом санитарным диктатором Киева и оправдал надежды Реввоенсовета».*

Все, кто встречался тогда с Лазимиром, отмечают его обаятельность, ясный ум, страстность и «большевистскую принципиальность».

Когда армия Пилсудского начала наступление на Киев, Лазимир без сна и отдыха организовывал эвакуацию госпиталей и лазаретов, готовил эшелоны, иногда сам помогал переносить больных. Он уехал из города с последним эшелоном, набитым больными сыпняком. Тиф свалил и Лазимира. В Кременчуге он потерял сознание. Ослабленный организм не выдержал. Первый председатель Петроградского Военно-революционного комитета, один из создателей Красной Армии, «санитарный диктатор» Украины Павел Евгеньевич Лазимир скончался 20 мая 1920 года и похоронен в братской могиле в центре Кременчуга. Он прожил всего 29 лет. В некрологе он назван крупным, большим работником-коммунистом. На месте захоронения Лазимира нет даже краткой надписи, рассказывающей о нем. Великий грех — эсеровское прошлое — закрыл Лазимиру дорогу к посмертной славе. А между тем его вклад в осуществление Октябрьского переворота вполне сопоставим с деяниями тех, чьими именами до недавних пор были означены улицы и пароходы, города и веси.

Проверьте свои знания

ТЕСТ I.

1. Первый русский император правил
   — 1676-1682
   — 1801-1825
   — 1727-1730
   — 1682-1725
   — 1533-1584
2. Монголо-татарское иго установилось
   — 1240
   — 1223
   — 1156
   — 1380
   — 1359
3. Первая в истории России крестьянская война произошла в:
   — 1773-1775
   — 1606-1607
   — 1257
   — 1707-1708
   — 1670-1671
4. Император, которого современники называли «Палкиным», правил:
   — 1801-1825
   — 1894-1917
   — 1825-1855
   — 1796-1801
   — 1881-1894.

ТЕСТ II.

1. Крепостной крестьянин — крестьянин, являющийся полной собственностью своего господина;
— крестьянин, приписанный к крепости, обязанный следить за сохранностью ее стен и башен;
— крестьянин, подписывавший особый документ — «крепость», по которой он переходил в собственность государя, «укреплялся» на его земле.
2. Подать — то, что подают нищим;
— казенные налоги, дани и сборы;
— то, что дарит помещик своим крестьянам в праздник, как бы «подает» им.
3. Земский собор — всесословный законодательный и законосовещательный орган, собиравшийся для решения вопросов государственной важности:
а) регулярно;
б) по особому распоряжению царя;
— собор, сооруженный на средства, выделенные земством.
4. Кормление — раздача царем поместий для бояр и дворян из фонда казенных земель;
— доходы, которые получали бояре-наместники за разбирательство судебных и административных дел на местах;
— когда князь выделял своей дружине часть совместно собранного полюдья, кормил ее.

Подготовила **Е. СОЛОВЬЕВА**

Правильные ответы на тесты будут опубликованы в следующем номере.

ИРИНА КНЯЗЕВА

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

«Придайте глубины печать
Тому, чего нельзя понять.
Красивые обозначенья
Вас выведут из затрудненья.
Но более всего ***режим***
Налаженный необходим».

Из советов
Мефистофеля студенту

ПРЕДИСЛОВИЕ

(или что нужно для того, чтобы успешно сдать вузовский экзамен по истории)

Кто-то скажет — знания, кто-то — деньги, кто-то — связи... Между тем главное, конечно, *уметь* сдавать экзамен. Без этого умения не помогут ни основательные знания, ни деньги, ни связи, чарующему воздействию которых поддаются, впрочем, далеко не все экзаменаторы.

Пишущая эти строки уже десятый год принимает вступительные экзамены в разных вузах и достаточно насмотрелась на «страдания юных Вертеров», отливающиеся в бессмертные формулы типа «доблестная Красная Армия под командованием Никиты Сергеевича Хрущева наголову разбила татар под стенами Москвы». Сердце буквально разрывается от любви, сострадания и желания помочь крупным знатокам картин художника Сурикова «Утро казни боярыни Морозовой» и художника Поленова «Скворешники прилетели»...

Итак, для того, чтобы одержать «славную викторию» в поединке с экзаменаторами, нужно уметь: а) подготовиться к экзамену, б) правильно одеться, в) войти в аудиторию, г) вытянуть билет, д) написать конспект, е) ответить на вопросы, ж) не дать экзаменатору утащить тебя в ту область, где твои познания туманны, з) ответить на все завальные вопросы и не растеряться, когда не знаешь, что говорить. Иначе говоря, нужно научиться лавировать между Сциллой «того, что написано в учебнике», и Харибдой «того, что было на самом деле»...

Глава I

ВОЗЛЮБИ ЭКЗАМЕНАТОРА СВОЕГО КАК САМОГО СЕБЯ

В самом деле, экзаменатор — главный твой противник. И за время экзамена ты должен превратить его, ни много ни мало, в своего горячего сторонника. А для этого необходимо разобраться в психологии преподавателя. Уверяю тебя, что это едва ли не самый несчастный человек на свете. Он отработал два семестра и принял кучу зачетов и экзаменов, а тут и вступительные,— жара, долгие, до девяти вечера, беседы с абитуриентами. Он выслушивает будоражащие душу сообщения о Кутузове, командовавшим 1-м Украинским фронтом во время битвы под Москвой в 1941 году, о декабристах, разбудивших Герцена, но не успевших заставить его одеться и выйти на Сенатскую площадь. Ясно, что это отрицательно сказывается на нервах. Кроме того, экзаменатор может быть нездоров, обижен начальством, брошен женой и т. д. Поэтому ты к своим двум «мучителям» (а если экзамен принимает один, то это уже повод для апелляции) должен относиться почтительно, вежливо. С философическим спокойствием воспринимай любое поведение экзаменаторов (они могут разговаривать, есть, курить или вообще находиться в трансе). Ни в коем случае не раздражайся (внутренне и внешне) и «не качай права». Все это вызовет ответное раздражение и не приблизит тебя к намеченной цели.

Итак, в течение всего экзамена — с того момента, как ты открыл дверь, и вплоть до того, как дверь закрылась за тобой,— ты *спокоен, вежлив и благожелателен.* Слова «разрешите», «будьте любезны», «если Вас не затруднит», «большое спасибо» необходимо разучить заранее и усиленно употреблять, ибо, как гласит народная мудрость, «ласковый теленок двух маток сосет».

Глава II

КАК ГОТОВИТЬСЯ К ЭКЗАМЕНУ

Конспекты по курсу должны быть написаны *за три дня* до экзамена. Оставшееся время дано тебе для повторения: в первый день — досоветского периода, во второй — советского. Курса послесоветского периода пока нет, поэтому третий твой день будет посвящен общему повторению (дат, признаков, теории и т. п.), а также приведению головы и нервов в порядок. Обязательно выспись! Лучше не успеть чего-то повторить, чем сидеть над конспектами всю ночь и прийти на экзамен в бессознательном состоянии. Таких абитуриентов за версту видно — по туманному взору и некоординируемым движениям рук и ног. Не следует принимать никаких успокаивающих средств (транквилизаторов).

Обязательно напиши шпаргалки по всему курсу, но не пользуйся ими во время экзамена! У большинства из нас тип памяти — мнемонический (ток есть, если рука напишет и голова запомнит). Кроме того, написание шпаргалок — это концентрированное повторение и обобщение всего курса (лучше это делать в первый и второй день повторения по нашей схеме). Почему нельзя пользоваться шпаргалками? Дело в том, что списывающего видно невооруженным глазом по неестественно напряженному и нацеленному в одну точку взгляду и по хитровато-виноватому выражению лица. Кроме того, среди экзаменаторов есть довольно большая группа лиц, добровольно специализирующихся на охоте за «шпаргальщиками», а о том, что за списывание выгонят с экзамена, ты наверное уже слышал. Итак, придя на экзамен, ты должен выглядеть *отдохнувшим* и *спокойным,* да ты и будешь таковым, если выполнишь рекомендации, уже данные тебе выше.

Глава III

ОБ ОДЕЖДЕ И КОСМЕТИКЕ АБИТУРИЕНТОВ И АБИТУРИЕНТОК

Здесь только одно правило: ничего яркого, броского, кричащего. Иными словами, ничего из того, что останавливало бы на тебе взгляд экзаменатора,— будь то мини-юбка, декольте, бриллианты, прикиды металлистов (минимум косметики и дурмана духов). Лучше быть одетым серо и безлико, ибо ярко выраженная индивидуальность до сих пор в нашем обществе воспринимается с трудом.

Глава IV

КОГДА ВХОДИТЬ В АУДИТОРИЮ, ГДЕ ИДЕТ ЭКЗАМЕН?

Действительно: когда идти на экзамен — в начале, в конце или в середине? У каждого из этих решений есть свои плюсы и минусы. Мой совет таков: старайся попасть в первую «пятерку» (или «шестерку», «семерку» — по числу запускаемых) абитуриентов, но свой экзаменационный лист отдать в этой группе последним. А пока экзаменаторы собирают листы у твоих сотоварищей, тяни время всеми возможными способами. Очень полезно, к примеру, уронить ручку под парту и долго искать ее там. Какие преимущества будут у тебя, если ты отдашь свой лист последним? Ты получишь почти два часа на подготовку, а кроме того, не будешь торчать в коридоре под дверью аудитории, нервничать и кидаться к каждому выходящему из нее со словами: «что спрашивают?». И еще. В начале экзамена преподаватели не успели устать и прийти в полуобморочное состояние от ответов, так что способны оценить твои знания достаточно объективно. Ясно, что все одновременно этим советом воспользоваться не смогут. Но в любом случае,— не тяни время, скорее заходи в аудиторию!

Глава V

КАК ВЕСТИ СЕБЯ В АУДИТОРИИ?

Итак, ты отдал свой лист. Следующий этап — вытягивание билета. Это стоит сделать как можно быстрее, чтобы не задерживать на себе внимание экзаменаторов. Попытки прочитать вопрос билета «сверху», а также долгое «чародейское» шевеление пальцами над разложенными билетами только осложнят твою экзаменационную судьбу. Пожалуйста, следи за выражением своего лица, когда читаешь вопросы билета. Убери с него ужас и изобрази радость! Тем самым ты убедишь экзаменаторов в своих знаниях. Далее — непосредственная подготовка к ответу и краткий конспект.

Во-первых, успокойся (ты все знаешь, а чего не знаешь — вспомнишь). Кроме того, в твоем распоряжении две официально разрешенные «шпаргалки» — программа курса истории СССР и атласы карт. Кстати и то, и другое ты должен был внимательно изучить еще в период подготовки к экзамену, чтобы узнать, какая ценная информация в них содержится.

Во-вторых, сведи к минимуму общение с соседями-абитуриентами, ведь любой шепот раздражает экзаменаторов. Внимательно следи за тем, что ты пишешь на листочках, так как многие экзаменаторы их просматривают, и вообще это один из главных документов на апелляции.

В-третьих, постарайся изложить все четко и логично, выделить причины, предпосылки, особенности, этапы и результаты событий. Тем самым ты продемонстрируешь редкую ныне способность логически мыслить. Пиши только то, в чем ты абсолютно уверен, и сделай свой почерк понятным для чужого взгляда. Если останется свободное время, послушай, как идет экзамен, в каком стиле задаются вопросы, приноровись к темпераменту экзаменаторов.

Глава VI

КАК ОТВЕЧАТЬ НА ЭКЗАМЕНЕ?

Итак, ты выходишь отвечать. В твоих руках только листочки с написанным тобой планом-конспектом ответа. Карты и программа остались на столе. Не теряйся, если на третьей или пятой минуте тебя вдруг остановят — здесь вступает в действие важнейший закон: «будь хитрым и спокойным во время ответа». Объяснить тот факт, что тебя прервали и «бомбят» дополнительными вопросами, можно очень легко — экзаменаторы экономят свое время. Это вполне естественно, будь морально готов к этому.

Не спорь с экзаменатором! При рассказе о спорных сюжетах (будь то норманнский вопрос, опричнина, деятельность Столыпина, НЭП, военные действия Красной Армии в 1941/42 годах, перестройка и т. п.) постарайся быть эмоционально нейтральным — то есть излагай несколько точек зрения (чем больше — тем лучше) с их аргументами и устраняйся от каких-либо оценок. В случае, если экзаменатор начнет что-то доказывать, внимательно (ни в коем случае не перебивая!) выслушай его с выражением глубочайшего уважения в глазах и приведи аргументы в пользу его точки зрения. Если согласиться с ней невозможно, используй глубокомысленные замечания типа: «это очень интересно», «это предмет для серьезного размышления» или хотя бы «да-да».

Глава VII

О НЕПРЕДВИДЕННЫХ ОСЛОЖНЕНИЯХ, ИЛИ НИКОГДА НЕ ГОВОРИ: «Я НЕ ЗНАЮ».

Действительно, что отвечать на вопрос, на который не знаешь ответа? Во-первых, ты можешь взять «тайм-аут», сопроводив его вежливой формулой типа: «извините меня, но я так волнуюсь, разрешите мне несколько минут подумать». Редкий экзаменатор откажет тебе, так как это тоже прямой повод для апелляции. Если раздумья не помогли, ты можешь начать ответ с описания «близлежащих» событий, теории (признаки феодализма, периодизация революционного движения). Таким образом, ты покажешь наличие других знаний. Если на эту удочку экзаменатор не клюет, попробуй еще немного задуматься и вспомнить хотя бы век, а затем десятилетие, либо попробуй потянуть время формулами типа: «я учил, но, к сожалению, не могу вспомнить». Правда, академик Борис Александрович Рыбаков на это возражает: «И не говорите мне на экзамене, что вы что-то забыли! Забыть можно только то, что когда-то знал!» Наконец, если все ресурсы исчерпаны, и ты вынужден признаться в своем невежестве, сделай это формулой: *«Я затрудняюсь ответить на ваш вопрос».* Тут (в отличие от сакраментального «я не знаю») есть вероятность, что тебе помогут выйти из затруднения, зададут наводящий вопрос. Правда, могут и не помочь.

Не произноси непонятных тебе слов и не старайся казаться умнее, чем ты есть. Здесь ты сильно рискуешь. Понятия типа «класс», «способ производства», «феодализм», «барокко», «протекционизм», «оппортунизм» могут быть произнесены тобой *только* если ты готов тут же ответить на коварный вопрос экзаменатора: «А что это такое? Каковы основные признаки?» В противном случае — заменяй синонимами («социальная группа», «способ хозяйствования», «средневековье»). Лучше, конечно, еще в ходе подготовки к экзамену посидеть с толковым и философским словарем и узнать, каково же значение этих скучных и сложных слов.

Наконец, ты можешь попробовать поднять свою оценку методом коробейника: не знаешь про «Повесть временных лет», зато можешь поведать о «Слове о Полку Игореве», не помнишь, когда закончился нэп, но знаешь, когда он начался. Иногда это помогает.

Можно попросить еще об одном дополнительном вопросе (но это только при наличии железных нервов и прочных знаний). Какую бы оценку ты ни получил в итоге, удались с достоинством и сознанием недостаточности своих знаний. И никогда не забывай об одном из главных принципов человеческого познания: «МЫ ЗНАЕМ ЛИШЬ МАЛУЮ ЧАСТЬ ТОГО, ЧТО ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ».

Удачи тебе!

«...господствовал серый цвет в одежде и на лицах»

Всем известно, летосчисление советского государства ведется с 25 октября 1917 года. Именно в ночь с 25-го на 26-е, на II съезде Советов, большевики взяли власть. Здесь же и провозгласили популистские декреты о мире и земле...
Но Второй съезд Советов, как ни странно, до сих пор — одно из так называемых «белых пятен» истории. И дело здесь не только в многолетнем табу на объективное освещение Октября. Знаете ли вы, что стенографистки, направленные на съезд, в знак протеста против большевистского переворота покинули зал заседаний? Тем больший интерес представляет хранящаяся в ЦГАОР запись заседаний II съезда.
Используя ее и другие материалы, о нем рассказывает доктор исторических наук Генрих Иоффе. Заодно он отвечает на наиболее часто встречающиеся в редакционной почте вопросы.

— Известно, что день открытия II съезда несколько раз переносился. С чем это связано?

— Решение созвать в сентябре очередной съезд было принято еще на Первом Всероссийском съезде Советов (июнь 1917 года). Но в условиях поддержки Временного правительства меньшевиками и эсерами отношение к новому съезду становилось все более сдержанным. Считалось, что он может поколебать линию на коалицию: единение «всех живых сил страны».

Лидеры большевиков, прежде всего, Ленин и Троцкий, напротив, твердо держались мнения, что только скорейший созыв нового съезда покончит с «соглашательством» и приведет к власти большевиков.

Под нажимом большевистской фракции ВЦИК принял постановление о созыве II съезда Советов 20 октября.

17 октября, Бюро ВЦИК по ряду причин, в основном «технических», решило перенести открытие на 25 октября. По мере того, как прибывали делегаты, избранные местными советами, прогнозы большевиков оправдывались. «Послекорниловский» экономический и государственный развал пошел еще быстрее, положение «низов» непрерывно ухудшалось; их вера в то, что разрыв с буржуазией, с Временным правительством, переход власти к «своим» Советам в корне изменит положение — эта вера крепла.

Поэтому не удивляет и расклад сил на съезде (хорошо известный всем из учебников). Из 649 делегатов — 390 большевиков, 160 — эсеров, 72 — меньшевиков и 27 принадлежали к другим политическим партиям и группам.

— Открыть съезд предполагалось в 2 часа дня 25 октября, потом — в 8 часов вечера, но работу удалось начать только около 11. Почему затянулось открытие?

- Этого нельзя понять без учета политической ситуации, сложившейся в Петрограде. 24—25 октября красногвардейские, солдатские и матросские отряды Военно-революционного комитета Петроградского Совета, находящиеся в Смольном, овладели почти всем городом. Всем, кроме Зимнего дворца, где еще находилось Временное правительство, вяло защищавшееся подразделениями юнкеров и женского батальона. Но Керенского там не было. Утром 25-го он выехал из Петрограда для того, чтобы лично форсировать движение карательных войск с Северного фронта. Можно предположить, что руководство большевистской фракции, действуя по указанию ЦК, тянуло с открытием съезда, с минуты на минуту ожидая известий о взятии Зимнего дворца. Такое сообщение не могло не повлиять на решимость делегатов передать всю власть в руки Советов. Меньшевистско-эсеровское руководство старого ВЦИКа, откладывая начало съезда, возможно, рассчитывало на изменение обстановки в пользу Временного правительства. Но расчеты обеих сторон (если они были) не оправдывались. К концу дня Зимний все еще не был взят большевистским ВРК; а Керенский, достигнув штаба Северного фронта в Пскове, по существу стал жертвой саботажа главнокомандующего фронтом, генерала В. Черемисова. Тянуть было больше нельзя, нужно было открывать съезд и попытаться ликвидировать «конфликт» с помощью переговоров между основными фракциями, представленными на съезде.

— Согласно устоявшейся традиции, ни о каких компромиссах с «оппортунистами» большевики и не помышляли (за вычетом отдельных «отщепенцев», окрещенных позднее «врагами народа»). Так, может, и вправду существовало нечто похожее на «монолитное единство ленинской гвардии»?

— Хотя большинство на съезде принадлежало большевикам, это не означало, что идея переговоров была заранее обречена на провал. Ведь в большевистском руководстве имелось достаточно влиятельное «правое крыло», склонявшееся к переговорам и блоку с другими социалистическими партиями. Можно было предполагать, что это течение сумеет противостоять позиции В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого.

В 10 часов 40 минут исполнявший обязанности председателя Президиума ВЦИКа меньшевик Ф. И. Дан открыл съезд.

Троцкий оставил яркое описание этого события. *«Большинство их (делегатов.—* Г. И.) *политической жизнью начало жить с революции. Их сформировал опыт 8 месяцев. Они знали не многое, но знали крепко... Безраздельно господствовал серый цвет, в одежде и на лицах. Все обносились во время войны. Многие городские рабочие обзавелись солдатскими шинелями. Окопные делегаты выглядели совсем не картинно: давно не бритые, в старых рваных шинелях, в тяжелых папахах, нередко с торчащей наружу ватой на взлохмаченных волосах. Грубые обветренные лица, тяжелые потрескавшиеся руки, желтые пальцы от цигарок, оборванные пуговицы, свисающие вниз хлястики, корявые рыжие, давно не смазанные сапоги. Плебейская нация впервые явила «честное, неподмалеванное представительство, по образу и подобию своему»* [1].

— Кто был избран в Президиум? Ведь перевес большевиков на съезде был далеко не бесспорным.

— Исходя из принципа пропорционального представительства большевикам должно было принадлежать 14 мест, эсерам — 7, меньшевикам — 3, меньшевикам-интернационалистам — 1. Меньшевики и правые эсеры отказались от участия в таком Президиуме. Места на сцене заняли большевики и левые эсеры. Председателем стал Л. Б. Каменев и, думается, не случайно: со стороны большевиков это мог быть «дипломатический ход». Каменев был известен как наиболее «мягкий», склонный к сотрудничеству с другими социалистическими партиями политик, более того, как противник вооруженного восстания.

— Ход съезда в учебниках обычно излагается слишком уж лаконично. Давайте исправим эту ошибку и подробно остановимся на выступлениях ораторов...

— Каменев объявил повестку дня: вопросы о власти, о войне, об Учредительном собрании. Почти сразу слово взял Л. Мартов, лидер меньшевиков-интернационалистов. Один из виднейших и авторитетнейших лидеров не только российской, но и международной социал-демократии. Вернувшись в Россию в мае 1917 года, он выступал против коалиции социалистических партий с буржуазными, за создание однородного социалистического правительства. Мартов считал, что в революционной ситуации, переживаемой страной, только такое правительство способно осуществить требования радикализованных масс и спасти демократическую Россию. И когда 25 октября политическая ситуация подошла к своей критической отметке, именно Мартов становится фигурой, которая могла, наконец, сомкнуть разорванный социалистический фронт. Выступление Мартова не было экспромтом. Сохранился протокол заседания фракции РСДРП (возглавляемой Мартовым), в нем зафиксированы три основные пункта резолюции, которую предполагалось предложить съезду:

«1) Необходима полная реконструкция власти,

2) Власть должна быть однородной и демократической,

3) Отрицательно относясь к выступлению большевиков — осудить политику правительства, провоцирующую это выступление,

4) Попытку правительства подавить выступление силой встретить дружным отпором» [2].

С этим Мартов и поднялся на трибуну. Запись явно неполно зафиксировала его речь, произнесенную, по воспоминаниям Д. Рида, охрипшим от волнения голосом. *«Мартов от имени меньшевиков-интернационалистов требует, чтобы прежде всех вопросов был поставлен вопрос о мирном разрешении создавшегося кризиса. Оратор считает принципиально важным и политически необходимым в тот момент, когда до открытия съезда Советов вопрос о власти стал решаться путем заговора, подготовленного одной из революционных партий, когда все революционные партии поставлены перед совершившимся фактом, в первую очередь обсудить именно вопрос о том, как предотвратить неминуемую гражданскую войну. Задача съезда заключается прежде всего в том, чтобы решить вопрос о власти. Этот основной вопрос съезд нашел если не решенным, то предрешенным, и мы считали бы свой долг неисполненным, если бы не обратились к съезду с предложением сделать все необходимое для мирного разрешения кризиса, для создания власти, которая была бы признана всей демократией. Съезд, если хочет быть голосом революционной демократии, не должен сидеть сложа руки перед лицом развертывающейся гражданской войны, результатом которой, может быть, будет грозная вспышка контрреволюции. Мирный исход возможен. Эту возможность оратор видит в создании единой демократической власти. Необходимо избрать делегации для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями, чтобы достигнуть прекращения начавшегося столкновения»* [3].

Речь была встречена громом аплодисментов. После выступления С. Мстиславского от имени левых эсеров и представителя группы «объединенных социал-демократов-интернационалистов», заявивших о присоединении к предложению Мартова, на трибуну поднялся А. Луначарский. Он говорил от имени большевиков. Троцкий, уже непримиримо настроенный к компромиссам, писал в «Истории русской революции»: «Большевики посылают на трибуну Луначарского, наиболее миролюбивого, самого бархатного из своих ораторов» [4]. Сам Луначарский в те октябрьские дни писал жене в Швейцарию, что поддерживал лозунг перехода власти к Советам, но вместе с тем не исключал и «честно демократической коалиции» в составе Ленина, Мартова, Чернова, Дана, Верховского. Но для этого нужно «со всех сторон» много доброй воли и политической мудрости. Луначарский, видимо, должен был продолжить «миссию Каменева», продемонстрировав готовность большевиков к переговорам, прикрывающим наращивание темпа вооруженного восстания в городе.

Имеющаяся запись съезда зафиксировала: *«Тов. Луначарский заявляет, что фракция большевиков решительно ничего не имеет против предложения Мартова. Напротив, она заинтересована в том, чтобы все фракции выяснили свою точку зрения на происходящие события и сказали бы, в чем они видят выход из создавшегося положения».*

Далее отмечается: *«Предложение Мартова принимается единогласно».* Эти четыре слова и сегодня вызывают волнение.

— Казалось, все складывается более чем удачно и история повернет многострадальную страну на путь согласия и мира...

— Да, но вот тут-то на трибуну поднялись два «внеочередных заявителя» — делегат комитета 12 армии, меньшевик Я. Хараш, и делегат от блока некоторых армейских комитетов, также меньшевик Г. Кучин.

«Меньшевики и социалисты-революционеры,— заявил Хараш,— *считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит и собрать все общественные силы, чтобы оказать упорное сопротивление попыткам захватить власть». «Мы,—* вторил ему Кучин,— *снимаем с себя всякую ответственность за происшедшее и считаем необходимым мобилизацию всех сознательных революционных сил для спасения революции... Фронтовая группа покидает съезд...»*

Кто послал Хараша и Кучина? Кто уполномочил их обвинить большевиков и заявить о своем уходе со съезда? Ведь фракция эсеров еще до открытия съезда большинством голосов отвергла резолюцию об уходе со съезда, а меньшевистская фракция, расколовшись в этом вопросе, фактически тоже не приняла сторону своих радикально настроенных членов.

По имеющимся данным можно, по-видимому, сказать: два разгоряченных офицера помешали уже намечавшемуся соглашению социалистических партий. Возможно, поверив, что фронт, от имени которого так уверенно говорили Хараш и Кучин,— против «большевистской авантюры», вциковские лидеры решились на то, от чего они поначалу, кажется, воздерживались. От имени меньшевиков слово взял Л. Хинчук: *«Мы снимаем с себя всякую ответственность за происходящее и покидаем съезд, приглашая все другие фракции, одинаково с нами отказывающиеся нести ответственность за действия большевиков, собраться для обсуждения создавшегося положения».* От имени правых эсеров его тут же поддержал Я. Гендельман: *«Констатируя захват власти партией большевиков, партия эсеров возлагает на них всю ответственность за последствия их безумного и преступного шага и, устанавливая вследствие этого невозможность совместной с ними работы... покидает съезд».*

Именно с этого момента, кажется, начал определяться поворот большинства съезда от линии компромисса, предложенного Мартовым.

Три фронтовых делегата один за другим поднялись на трибуну — латышский стрелок Карл Петерсон, представитель 2-й армии Франц Гшельщак и представитель 3-й армии Федор Лукьянов.

«Эти люди (Хараш и Кучин),— под бурные аплодисменты говорил Петерсон,— не представляют армии. Латышские стрелки не раз заявляли: «Нужны дела, нужно взять власть в свои руки. Пусть уходят, армия не с ними». Петерсону вторил Гшельщак: «Кучин говорит о мобилизации сил. Против кого? Против рабочих и солдат, выступающих на защиту революции! Кого он будет организовывать? Ясно, не тех рабочих и солдат,

против которых он сам хочет вести войну. Но солдаты не пойдут за ними, они против них!» «Жители окопов.— говорил Лукьянов.— ждут с нетерпением передачи власти в руки Советов!»

И все-таки чаша весов еще продолжала колебаться... «Все, что происходит в настоящее время в Петрограде,— в гневе кричал Р. Абрамович,— является великим несчастьем». Абрамович и Г. Эрлих призвали всех, «кто не желает кровопролития», двинуться к Зимнему дворцу, «под обстрел», чтобы поддержать правительство или погибнуть вместе с ним. «Не по пути!» — кричали им в ответ из зала. Именно в этот момент правые эсеры, меньшевики, бундовцы и некоторые члены «фронтовой группы» поднялись со своих мест. Приблизительно 70 человек, вытянувшись цепочкой, потянулись к выходу. «Идите к Корнилову!» «Дезертиры!» «Враги народа!» — неслось им вслед, как вспоминает Дж. Рид, «в буре криков, угроз и проклятий»[5].

— Но почему все же меньшевики и эсеры покинули съезд? От этого вопроса нельзя уйти и сегодня. Ушли ли они потому, что, как «объясняется» в «Кратком курсе», поняли — их «песенка спета», или потому, что решились открыто проявить «свою враждебность к революции»[6].

— Дело обстояло, конечно, намного сложнее. Читая декларации об уходе, заявленные меньшевиками и эсерами на съезде, видишь, что одним из главных мотивов, обусловивших их поступок, было убеждение: выступление большевиков способно ввергнуть страну в междоусобицу, в гражданскую войну, и это в конечном счете может привести к гибели революции. Чтобы снять с себя ответственность за «действия большевиков, прикрывающихся советским знаменем», они покидали съезд. При этом они, по всем данным, были убеждены, что «большевистская авантюра» долго «не продержится». Стремясь политически изолировать большевиков, ушедшие фактически «пропустили» их к власти. Политическое значение ухода меньшевиков и эсеров со съезда позднее, пожалуй, правильно оценил Н. Суханов. «*Мы ушли,*— писал он,— *совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции. Борьба на съезде за единый демократический фронт могла иметь успех... Уходя со съезда, оставляя большевиков с одними левыми эсеровскими ребятами и слабой группкой новожизненцев, мы своими руками отдали большевикам монополию над Советами, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей «линии» Ленина»*[7].

— Ну а если бы меньшевики и эсеры не ушли?

— Позднее, в конце ноября — начале декабря 1917 года, на Экстренном съезде меньшевиков разгорелся спор по вопросу: продолжать борьбу с большевиками или все-таки искать пути сближения с ними. Ф. Дан выступал за второй путь. Он считал, что, взаимодействуя с большевиками, меньшевики, как более интеллектуальные политики, сумеют повлиять на них, «причешут» их. Ему возразил Потресов: «Вздор, что можно причесать большевиков. Большевизм тем характерен, что никогда не позволял себя причесывать, он непоколебим. Его можно сломать, но нельзя согнуть... И Ленин, читая речь Дана, наверное, будет весело смеяться».

Уже очень скоро обнаружится, что, покидая съезд и рассчитывая тем самым изолировать большевиков-ленинцев, меньшевики и правые эсеры на деле... содействовали им. Прежде всего потому, что их уход значительно понизил шансы тех «мягких» или «правых» большевиков (А. Луначарский, Л. Каменев, Д. Рязанов), которые были склонны к компромиссу, и, напротив, значительно укрепил позицию «левых» большевиков, прежде всего Ленина и Троцкого.

— Но ведь в каждом учебнике написано, что «вождь пролетарской революции», будучи великим гуманистом, длительное время уповал на мирное, «бескровное» развитие революции.

— Да, примерно до середины сентября Ленин как будто высказывался за компромисс с меньшевиками и эсерами, но затем, раздраженный их новым поворотом к поиску блока с кадетами и уловивший счастливый шанс на приход к власти его партии, решительно выдвинул и столь же решительно отстаивал идею вооруженного восстания еще до начала II Всероссийского съезда Советов. Троцкий как председатель Петроградского Совета и созданного в его рамках ВРК расходился с Лениным только тактически: он хотел «прочнее» связать восстание с открытием съезда и тем как бы «легализовать» его решения. По более позднему уверению Троцкого (в 1924 г.), «Ленин, явившийся в Смольный в ночь на 25-е октября, согласился с «планом» Троцкого, сказал: «Что ж, можно и так. Лишь бы взять власть». А 1 ноября 1917 года на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) Ленин (как это было занесено в протоколе) заявил, что после того, как выяснилась невозможность единства с меньшевиками, «не было лучшего большевика», чем Троцкий.

— А где находился Ленин в начале работы II съезда? Перед глазами невольно возникает легендарный «киношный» персонаж, энергично отдающий указания разного рода героям революции...

— Ленин находился по соседству, в пустой комнате, где прямо на полу кто-то расстелил одеяло и положил подушки. Он, конечно, знал, что происходило в зале, знал суть выступления Луначарского, поддерживающего «мартовский компромисс», но не вмешивался в ход заседания. Это дает основания предположить, что и он до полного выяснения ситуации не исключал возможности компромисса.

— Тогда в последний раз на этом съезде слово взял Мартов. Он не мог не понимать безнадежности и даже трагичности своей борьбы. Во многом идейно близкие ему люди — правые меньшевики, объединившиеся с правыми эсерами,— ушли со съезда, тем самым покинув и его.

— И тем не менее он говорил: «*...Если вы подойдете поближе к окнам, то вы услышите пушечные выстрелы... Если вы хотите, чтобы наш съезд был правомочным не только потому, что он созван по какому-нибудь уставу, а потому, что он отвечает на грозные события дня, вы должны немедленно принять постановление, что Съезд считает необходимым мирное разрешение конфликта. Съезд должен сказать, желает ли он прекращения кровопролития*». По записям видно, что в этот момент Мартов «сорвался»: «*Мартов выставляет целый ряд обвинений по адресу большевиков». Это была ошибка: ясно, что съезд, уже практически большевистский, враждебно встретит такие обвинения: эмоции захватили всех. Прорываясь сквозь крики протеста. Мартов читал резолюцию меньшевиков-интернационалистов, резолюцию, которая в создавшихся условиях уже не могла не вызывать чувства протеста у делегатов, одержимых одной мыслью: «Вся власть Советам!»* «Принимая во внимание, 1) что переворот, отдавший власть в Петрограде в руки Военно-революционного комитета за день до открытия съезда, совершен одной лишь большевистской партией средствами чисто военного заговора; 2) что этот переворот грозит вызвать кровопролитие, междоусобие и такое торжество контрреволюции, которое задавит в крови все движение пролетариата и вместе с тем погубит завоевания революции, и 3) что единственным исходом из этого положения, который еще мог бы остановить развитие гражданской войны, могло бы быть соглашение между восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства... фракция меньшевиков-интернационалистов предлагает съезду для этой цели назначить делегацию для переговоров с другими организациями демократии и всеми социалистическими партиями. Впредь до выяснения результатов работы этой делегации фракция меньшевиков-интернационалистов предлагает съезду приостановить свою работу»[8].

— Соглашение между восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями... Тогда, в ту ночь, в зале, набитом разгоряченными, взбудораженными «плебейскими» делегатами с фронта, из глубин России, ощутившими наконец власть в руках **их** *Советов, могли ли они оценить значение того, что предлагал Мартов?*

— Что-то говорили, как отмечено в записи, «несколько товарищей с фронта», но что именно, к сожалению, так и осталось неизвестным. Можно, однако, предположить, что

сказанное ими скорее шло «по линии» Мартова, поскольку как только сразу вслед за ними в зале появились члены большевистской фракции Городской думы, заявившей о своей готовности «победить или умереть» вместе со съездом, их встретили бурными аплодисментами. Именно в этот момент, стремясь окончательно парализовать возможное влияние речи Мартова на какую-то часть еще колеблющихся депутатов и закрепить уже практически одержанную победу, большевики двинули в бой свою «тяжелую артиллерию» — Троцкого, без сомнения, лучшего большевистского оратора 17-го года.

— О чем же говорил Троцкий? Ведь и этот деятель был навеки вычеркнут из списка «героев революции».

— Архивная запись не содержит речи Троцкого, отмечает лишь то, что в «горячей речи» он дал «резкую отповедь меньшевикам и эсерам». Но содержание этой речи известно по другим источникам. «*Восстание народных масс,*— гремел над залом голос Троцкого,— *не нуждается в оправдании. То, что произошло — это восстание, а не заговор. Мы закаляли революционную энергию петербургских рабочих и солдат. Мы открыто ковали волю масс на восстание, а не на заговор... Наше восстание победило. И теперь нам предлагают: отказаться от своей победы, заключить соглашение. С кем? Я спрашиваю: с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда?.. Но ведь мы видели их целиком. Больше за ними нет никого в России. С нами должны заключать соглашение, как равные с равными, миллионы рабочих и крестьян, представленные на этом Съезде, которых они не в первый и не в последний раз готовы променять на милость буржуазии? Нет, тут соглашение не годится! Тем, кто отсюда ушел, как и тем, кто выступает с подобными предложениями, мы должны сказать: Вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна, отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории!*»[10]

Нельзя не признать: заряд огромной мощи чувствовался в этой речи, и выступление Мартова, произнесенное охрипшим, прерывающимся голосом, конечно, блекло перед ней. Была в речи Троцкого и истина: внушительная часть рабочих и солдат шли за большевиками — это признавали почти все, в том числе и сам Мартов. Но в блеске ораторской ажитации Троцкий, может быть, и искренне ошибался. Утверждение, что за ушедшими со съезда в России больше никого нет — было, конечно, скоропалительным. Троцкий с пафосом зачитал резолюцию, предложенную большевистской фракцией съезда. Это был суровый обвинительный вердикт всей политике «соглашателей» — меньшевиков и эсеров — с послефевральских до октябрьских дней, нанесших «неизмеримый урон делу революции» и безнадежно скомпрометировавших себя «в глазах рабочих, крестьян и солдат». Вот почему,— констатировала резолюция,— «уход соглашателей не ослабляет съезда, а усиливает его, так как очищает от контрреволюционных примесей рабочую и крестьянскую революцию»[11]. Содержание и тон резолюции, безусловно, не только захлопывали, но и на все гвозди забивали дверь вслед за ушедшими меньшевиками и правыми эсерами. Это был явный перебор. Троцкий уводил съезд намного дальше того рубежа, до которого большинство его готово было идти. Одно дело революционная риторика Троцкого, осуждавшая меньшевиков и эсеров за их уход, другое — официальная резолюция, фактически клеймившая их как контрреволюционеров. Психологический переход тут был слишком резок. Этим, по-видимому, воспользовались член Исполкома Совета крестьянских депутатов Е. Гуревич, призвавший крестьянских делегатов покинуть съезд, и, что более существенно, Камков, выступивший от фракции левых эсеров. С самого начала они занимали особую позицию: с одной стороны, отвергали резолюцию правых эсеров (зачитанную на съезде Гендельманом) об уходе со съезда, с другой — поддерживали позицию Мартова и меньшевиков-интернационалистов за единство революционной демократии. Исход съезда был уже решен. Вновь выступивший Луначарский давал ему объяснение, но тон его был уже иной: «*Мы все единогласно приняли предложение Мартова... Против нас повели форменную атаку, говорили о гробах, в которые нужно вколачивать гвозди, стали называть нас преступниками, авантюристами и т. д... К тем, которые ушли, уже давно не применимо название революционеров,— они прекращают даже свою соглашательскую работу и открыто переходят в лагерь корниловцев. С ними нам разговаривать не о чем*».

Дальнейшее хорошо известно. В 4-ом часу ночи с 25 на 26 на съезд пришло сообщение о взятии Зимнего дворца...

— Второе заседание не было столь бурным. Основные противники сломлены. Власть у большевиков. Свершилось!

— Второе заседание съезда открылось в 9 часов 26 октября, на нем появился Ленин. Началась конструктивная работа съезда. Были приняты «Декрет о мире», «Декрет о земле», постановление «Об отмене смертной казни», резолюция против погромного движения. Декрет об образовании большевистского правительства — Совета народных комиссаров и др. «*В 5 ч. 15 м. утра,*— говорится в записи,— *тов. Каменев объявляет II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов закрытым и возглашает: «Да здравствует революция! Да здравствует социализм!» Зал оглашается криками. Члены Съезда поют «Интернационал» и расходятся*».

— Был ли съезд достаточно представительным, чтобы претендовать на право всероссийской власти?

— Думаю, нет. Его делегаты, бесспорно, выражали волю значительной части населения, в основном рабочих и крестьян. Но интересы других слоев общества, в том числе интеллигенции, представлены не были. Это понимали и делегаты. Поэтому и правительство, созданное здесь, стало очередным временным. Предполагалось, что проживет оно лишь до Учредительного собрания, но в январе 1917 года оно было распущено.

Через много лет, будучи уже изгнанным из Советской России, Троцкий вспоминал о II съезде Советов: «Когда я доложил о совершившейся ночью смене власти, воцарилось на несколько секунд напряженное молчание. Потом пришли аплодисменты, но не бурные, а раздумчивые. Зал переживал и выжидал. Готовясь к борьбе, рабочий класс был охвачен неописуемым энтузиазмом, нерассуждающий энтузиазм сменился тревожным раздумьем»[12].

Они еще не знали, что ждет их впереди...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Троцкий Л. История русской революции. Т. 2. Берлин, 1931, с. 327.
2. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР). Ф. 1235. Оп. I. Д. 6. Л. 2
3. Там же. Д. 8. Л. 1.
4. Троцкий Л. История русской революции. Т. 2, с. 332.
5. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957, с. 94.
6. Минц И. И. История Великого Октября. М. Т. 2, с. 962.
7. Суханов Н. Н. Записки о революции. М. Т. 7, с. 219—220.
8. ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. I Д. 8. Л. 5.
9. Троцкий Л. История русской революции. Т. 2, с. 336.
10. Там же. с. 337.
11. См. Второй Всероссийский съезд Советов. М.; Л., 1928, с. 7—8.
12. Троцкий Л. Моя жизнь. Ч. II. Берлин, 1930, с. 48.

БИБЛИОГРАФИЯ

Октябрьская революция. Мемуары. Сост. С. А. Алексеев. М.; Л., 1926.

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М., 1928.

Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1—2. Берлин, 1931.

Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957.

Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1957.

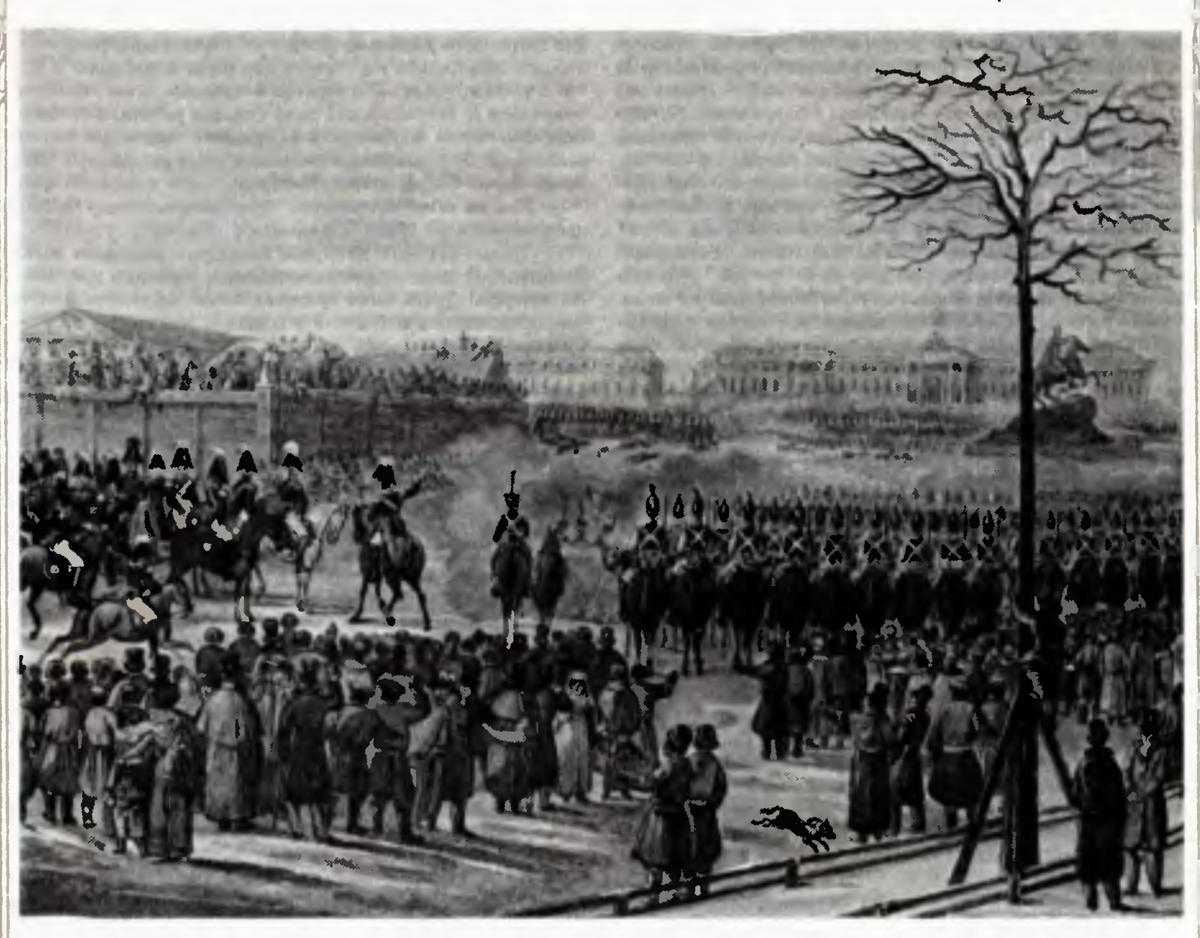
Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 2. Л., 1967.

Рабинович А. Большевики приходят к власти. Пер. с англ. М., 1989.

Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. I. М., 1991.

АЛЕКСАНДР КОРНИЛОВ

ЗАГОВОР НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ

Лекция IV

Царствование императора Николая I.— Условия, при которых он вступил на престол.— Вопрос о престолонаследии.— Неопубликованный манифест Александра об отречении Константина.— Замешательство и междуцарствие после смерти Александра до 14 декабря 1825 года.— Переговоры Николая с Константином.— Вступление на престол Николая.— Восстание 14 декабря 1825 года.— Его подавление.— Личность императора Николая.— Биографические сведения о нем до его воцарения.— Расследование о тайных обществах.— Расправа с декабристами и результаты знакомства с ними императора Николая.— Влияние Карамзина и навеянная им программа царствования.

К о времени вступления на престол императора Николая в ходе внутреннего управления и вообще в положении дел внутри России накопилось много тяжелых, неблагоприятных обстоятельств, которые в общем создавали для правительства положение чрезвычайно запутанное и даже довольно грозное.

С начала царствования Александра накопилось, как мы видели, много поднятых и неразрешенных вопросов, разрешения которых нетерпеливо ждала передовая часть общества, приучившаяся к оппозиционному отношению к правительству еще со времени Тильзитского мира и континентальной системы и успевшая, после близкого общения с Европой в 1813—1815 годах, выработать себе определенные политические идеалы. Идеалы эти шли совершенно вразрез с реакционным направлением правительства, выражавшимся к концу царствования Александра в самых обскурантных и нелепых формах. Все это, как мы видели, привело мало-помалу не только к острому недовольству и брожению среди передовой интеллигенции, но и к образованию в среде ее прямого заговора, ставившего резко революционные цели.

Это революционное движение завершилось в силу случайных обстоятельств преждевременным и неподготовленным взрывом 14 декабря 1825 года — взрывом, который помог правительству Николая быстро ликвидировать и подавить это движение жестокими репрессивными мерами. В результате страна лишилась лучших и наиболее живых и самостоятельных представителей передового мыслящего общества, остальная часть которого была запугана и терроризирована мерами правительства, а правительство оказалось совершенно разобщенным в предстоявшей ему трудной работе с умственными силами страны на все время царствования Николая.

Между тем еще важнее и труднее, нежели политические и административные задачи, стоявшие перед Николаем, были те социально-экономические задачи, которые назрели ко времени его царствования под влиянием развития общего социального процесса в России, ход которого, как мы видели, обострился и ускорился под влиянием наполеоновских войн. Развитие этого процесса продолжало двигаться и обостряться в течение всего царствования Николая и привело в конце концов к кризису, происшедшему под влиянием нового внешнего толчка — неудачной крымской кампании, выдвинувшей на историческую сцену с роковой необходимостью период великих преобразований 50-х и 60-х годов.

Нам предстоит теперь изучить события и факты, в которых проявлялся ход этого процесса.

Вступление на престол императора Николая произошло в исключительныех обстоятельствах, обусловленных неожиданной смертью императора Александра и весьма странными распоряжениями его по вопросу о престолонаследии.

По закону о престолонаследии 5 апреля 1797 года, изданному императором Павлом, если у царствующего императора нет сына, ему должен наследовать следующий за ним брат. Таким образом, так как у Александра в момент его смерти не было детей, то наследовать ему должен был следующий за ним брат — Константин Павлович. Но Константин Павлович, во-первых, с самого малолетства имел, как он заявлял неоднократно, такое же отвращение к царствованию, какое вначале выражал и сам Александр; с другой стороны, в его семейной жизни произошли обстоятельства, которые формально затрудняли его вступление на престол: еще в начале царствования Александра Константин разошелся со своей первой женой, которая в 1803 году уехала из России. Затем они долгое время жили врозь, и Константин поднял, наконец, вопрос о расторжении этого брака, добился развода и женился вторично на польской графине Жаннете Грудзинской, которая получила титул светлейшей княгини Лович. Но брак этот считался морганатическим, и потому не только их дети лишались прав на престол, но и сам Константин Павлович, вступив в этот брак, как бы тем самым отказывался от престола. Все эти обстоятельства поставили вопрос о переходе прав престолонаследия к следующему за Константином брату еще в царствование Александра. Несмотря на это, Константин Павлович до смерти Александра продолжал считаться наследником престола и носить связанный с этим титул цесаревича. Следующим за ним братом был Николай. Хотя Николай и говорил потом неоднократно, что он не ожидал, что ему придется царствовать, но, в сущности, то обстоятельство, что он являлся естественным преемником престола за устранением Константина, было очевидно всем лицам, знавшим закон о престолонаследии. Сам Александр делал Николаю еще в 1812 году весьма недвусмысленные намеки на то, что ему придется царствовать, а в 1819 году уже прямо заявил ему это, предупредив о возможности своего отречения в недалеком будущем.

В 1823 году Александр признал необходимым сделать на этот счет формальное распоряжение — не столько на случай своей смерти, сколько на случай своего собственного отречения от престола, о чем он в то время крепко подумывал.

Переговорив еще в 1822 году с Константином, Александр получил тогда же от него письменное отречение от престола; затем об этом был составлен манифест, подписанный Александром, в котором он отречение Константина признавал правильным и «назначал» наследником престола Николая. Это вполне соответствовало и тому обстоятельству, что при воцарении Александра присяга приносилась ему и наследнику, «который назначен будет».

Но этот манифест об отречении Константина и о назначении наследником Николая удивительным образом не был опубликован. Вместо того, чтобы опубликовать его, Александр секретно приказал князю А. Н. Голицыну снять с него три копии, затем подлинник передан был митрополиту Филарету для положения на престол Успенского собора в Москве, где он должен был храниться в глубокой тайне, а копии были переданы в Государственный совет, в Сенат и в Синод для хранения в запечатанных конвертах с надписью на конверте, переданном в Государственный совет, рукою Александра: «Хранить в Государственном совете до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть, прежде всякого другого действия, в чрезвычайном собрании». Подобные же надписи были и на других двух конвертах. Все эти копии были переписаны рукою князя Голицына, и, кроме вдовствующей императрицы Марии Федоровны и Константина (который манифеста не видел, но знал, по-видимому, о его существовании), сам манифест был известен только князю Голицыну и Филарету. Единственно, что можно придумать в объяснение этого поведения Александра,— это то, что Александр делал все это главным образом на случай своего отречения, и так как отречение могло быть актом только произвольным, то он и думал, конечно, что все дело останется в его руках.

Когда в Петербург пришло 27 ноября 1825 года известие о смерти Александра, то Николай счел невозможным воспользоваться неопубликованным манифестом и, зная от Милорадовича, что гвардейские войска в Петербурге отнюдь не расположены в его пользу, хотел не прежде вступить на престол, как добившись от Константина формального и торжественного отречения в его пользу. Поэтому он начал с того, что присягнул Кон-

---

Продолжение лекций из «Курса истории России XIX века» (См. «Родина», №№ 8—12, 1991)

стантину как законному императору и, не слушая Голицына, который настаивал на распечатании пакета с манифестом, хранившегося в Государственном совете, приказал тотчас же привести к присяге Константину войска петербургского округа, а затем с донесением обо всем этом и с изъявлением своих верноподданнических чувств отправил к Константину в Варшаву особого посланца.

Константин ответил через брата Михаила, гостившего тогда в Варшаве, что он давно уже отрекся от престола, но ответил это частным письмом, не дав этому акту опять никакого официального характера. Николай считал, что такого письма недостаточно, тем более что петербургский генерал-губернатор граф Милорадович советовал ему, ввиду нерасположения к нему гвардии, действовать как можно осторожнее.

Чтобы избежать недоразумения, Николай отправил в Варшаву нового посланца, прося Константина приехать в Петербург и подтвердить лично свое отречение. Но Константин лишь вновь подтвердил частным письмом, что он отрекся еще при жизни Александра, но лично приехать не может, и что если на этом будут настаивать, то он уедет еще дальше.

Тогда Николай решил, что приходится прекратить эти затянувшиеся на целых 2 недели переговоры и объявить самому о своем вступлении на престол. Собственно, манифест об этом был написан им при помощи Карамзина и Сперанского уже 12 декабря, но опубликован он был лишь 14 числа, и на это число была назначена общая присяга в Петербурге новому императору.

В конце этого необычного междуцарствия до Николая разными путями стали доходить тревожные вести о настроении умов в Петербурге и вообще в России, но Милорадович, хотя и советовал действовать осторожно, однако отрицал возможность серьезного возмущения вплоть до самого 14 декабря.

Между тем члены тайного общества, находившиеся в Петербурге, решили воспользоваться этим небывалым замешательством в своих видах: им представлялось, что не может быть более благоприятного случая, чтобы поднять восстание и потребовать конституции.

14 декабря, когда был издан манифест о том, что Константин отрекся и что следует присягать Николаю, члены Северного общества, главным образом гвардейские офицеры и моряки, собиравшиеся ежедневно у Рылеева, сделали попытку убедить солдат, что Константин вовсе не отрекся, что Николай действует незаконно и что следует поэтому твердо стоять на своей первой присяге Константину, требуя при этом конституции. Заговорщикам удалось, однако ж, взбунтовать целиком только один московский гвардейский полк; его примеру последовали несколько рот гвардейского флотского экипажа и отдельные офицеры и нижние чины других частей войск.

Собравшись на Сенатской площади, восставшие заявили, что считают законным императором Константина, отказываются присягать Николаю и требуют конституции.

Когда весть об этом дошла до Николая, он счел дело очень серьезным, но все же хотел принять сперва меры для окончания его, по возможности, без пролития крови. С этой целью он сперва отправил увещевать бунтовщиков Милорадовича, который пользовался, как известный боевой генерал, значительным престижем среди войск и особенно был любим солдатами. Но когда Милорадович приблизился к взбунтовавшимся частям войск и заговорил с ними, в него немедленно выстрелил один из заговорщиков, Каховский, и Милорадович упал с лошади смертельно раненный. Так как к бунтовщикам в это время присоединились несколько батарей артиллерии, то увещевать их вызвался в качестве начальника всей артиллерии великий князь Михаил Павлович, но и в него был сделан выстрел Вильгельмом Кюхельбекером, и Михаил Павлович, хотя и не был ранен, должен был, однако ж, отъехать. Затем для увещевания солдат был послан митрополит Серафим, но и его они не послушали и кричали ему, чтобы он удалился. Тогда Николай распорядился, по совету окружавших его генералов, атаковать восставшие войска при помощи конной гвардии, которой командовал Алексей Федорович Орлов, брат бывшего члена Союза благоденствия Михаила Орлова. Орлов двинулся было в атаку, но лошади его не были подкованы как следует, между тем была гололедица, и они не могли идти быстрым аллюром, так как ноги у них разъезжались. Тогда генералы, окружавшие Николая, стали говорить, что необходимо положить этому предел, потому что население мало-помалу присоединяется к бунтовщикам. Действительно, на площади появились толпы народа и штатских лиц. Тогда Николай распорядился стрелять; после нескольких выстрелов картечью на близком расстоянии вся толпа бросилась бежать, оставив много убитых и раненых. Не ограничиваясь этим, по инерции стреляли еще и вслед толпе, когда она бросилась бежать по Исаакиевскому мосту (это был мост прямо с Сенатской площади к Васильевскому острову), и тут было еще убито и ранено довольно много народа.

Этим, в сущности говоря, все восстание в Петербурге и было прекращено. Все остальные войска присягнули безропотно, и инцидент был исчерпан. Николай приказал, чтобы на другой день никаких трупов и следов происшедшего не оставалось, а услужливый, но неразумный обер-полицмейстер Шульгин приказал бросать трупы прямо в проруби, отчего потом долго ходили толки, что при спешности этой уборки вместе с трупами бросили в прорубь и тяжелораненых. Впоследствии обнаружилось, что со стороны Васильевского острова целый ряд трупов примерз ко льду; сделано было даже распоряжение не брать в ту зиму здесь воды и не колоть льда, потому что во льду попадались части человеческого тела. Таким мрачным событием ознаменовалось начало нового царствования.

Затем последовали обыски и аресты по всему Петербургу. Арестовано было несколько сот человек — и среди них много неприкосновенных к делу, но вместе с тем были арестованы и все главные вожаки.

Николай Павлович еще 10 декабря получил первое предупреждение от молодого поручика Ростовцева о готовящихся в гвардии беспорядках. Почти в то же время он получил и от Дибича (начальника главного штаба его величества, находящегося при Александре в Таганроге) копии доносов о заговоре в Южном обществе, где в январе 1826 года произведена была тоже попытка вооруженного восстания Сергеем Муравьевым при Белой Церкви. Поэтому следствие началось сразу о всех тайных обществах, которые в то время существовали в России. Следствие это наполнило собою первые месяцы царствования Николая.

Но прежде чем приступить к изложению первых шагов царствования императора Николая, необходимо дать некоторые сведения о его личности. Николай был третьим сыном императора Павла и после смерти отца остался 5-летним ребенком. Воспитание его взяла на себя целиком его мать, Мария Федоровна. Александр же из ложной деликатности не считал себя вправе вмешиваться в это дело, хотя, казалось бы, воспитание возможного наследника престола является делом государственным, а не частным. Впоследствии, впрочем, отдельные случаи вмешательства Александра в это дело были, но они были скорее в невыгодную сторону. Историки царствования Николая, вернее его биографы,— потому что истории этого царствования еще не существует,— большей частью придерживаются взгляда, очень распространенного и среди современников той эпохи, что Николай воспитывался будто бы не как

будущий император, а как простой великий князь, предназначенный к военной службе, и этим объясняются те недочеты в его образовании, которые впоследствии чувствовались довольно сильно. Этот взгляд совершенно не верен, так как для лиц царской фамилии должно было представляться с самого начала вполне вероятным, что Николаю придется царствовать. Не могла в этом сомневаться и императрица Мария Федоровна, которая знала, что Константин царствовать не желает и что у Александра и у Константина нет детей. Поэтому нет сомнения, что Николай воспитывался именно как наследник престола, но воспитание его от воспитания Александра тем не менее отличалось чрезвычайно сильно.

Мария Федоровна, по-видимому, не только не хотела сделать из него военного, но с детских лет старалась его охранить от увлечения военщиной. Это, однако, не помешало Николаю приобрести очень рано вкус именно к военщине. Объясняется это тем, что самая постановка дела воспитания была неудачной, так как ей не благоприятствовала ни обстановка двора, ни педагогические взгляды самой императрицы. Во главе воспитателей Николая вместо Лагарпа, состоявшего при Александре, был поставлен немецкий рутинер, генерал Ламсдорф, которого Мария Федоровна в интимных разговорах и письмах попросту называла «papa Lamsdorf» и который по старинке и организовал воспитание Николая.

Николай был мальчик грубый, строптивый, властолюбивый; искоренять эти недостатки Ламсдорф считал нужным телесными наказаниями, которые он применял в значительных дозах. Забавы и игры Николая и его младшего брата всегда приобретали именно военный характер, всякая игра притом грозила кончиться дракой благодаря своенравному и претенциозному характеру Николая. В то же время атмосфера, в которой он рос, была атмосфера придворная, причем сама мать его Мария Федоровна считала важным делом соблюдение придворного этикета, и это лишало воспитание семейного характера. Есть сведения о том, что в раннем возрасте Николай проявлял черты детской трусости, и Шильдер приводит рассказ о том, как Николай в пятилетнем возрасте испугался пушечной стрельбы и куда-то запрятался. Но едва ли можно этому факту, если он имел место, придавать особое значение, так как в том, что пятилетний мальчик испугался пушечной пальбы, нет ничего особенного. Трусом Николай не был, и личную храбрость он впоследствии проявлял как 14 декабря, так и в других случаях. Но характер у него с детства был не из приятных.

Что касается учителей, которые были к нему приставлены, то поражает чрезвычайно случайный и скудный их выбор. Например, его гувернер, французский эмигрант Дю-Пюже, учил его и французскому языку, и истории, не будучи к этому достаточно подготовлен. Все преподавание сводилось к внушению Николаю ненависти ко всяким революционным и просто либеральным взглядам. Учился Николай чрезвычайно плохо; все учителя жаловались, что он никаких успехов не выказывает,— исключение представляло лишь рисование. Позднее он выказывал, впрочем, большие успехи в военно-строительном искусстве и проявлял склонность к военным наукам вообще.

Когда он вышел из детских лет, то к нему были приглашены, именно как к будущему наследнику престола, очень почтенные и сведущие учителя: так был приглашен довольно солидный ученый, академик Шторх, читавший ему политическую экономию и статистику; профессор Балуганский — тот самый, который являлся в финансовой науке учителем Сперанского в 1809 году,— преподавал Николаю историю и теорию финансов.

Но сам Николай Павлович вспоминал впоследствии, что он за этими лекциями зевал и что у него от них ничего не оставалось в голове. Военные науки ему читал инженерный генерал Опперман и разные офицеры, приглашенные по рекомендации Оппермана.

Мария Федоровна думала было для довершения образования отправить обоих своих младших сыновей, Николая и Михаила, в Лейпцигский университет, но тут император Александр неожиданно заявил свое veto и предложил вместо того отдать братьев в проектированный тогда Царскосельский лицей, но когда этот лицей был открыт в 1811 году, то вступление туда великих князей тоже не состоялось, и все их образование так и ограничилось домашними занятиями.

В 1812 году Николай Павлович, которому исполнилось в это время 16 лет, очень просил разрешить ему участвовать в действующей армии, но император Александр отказал ему в этом и тут-то впервые намекнул ему, что ему предстоит в будущем более важная роль, которая не дает ему права подставлять свой лоб под пули врага, а обязывает приложить больше стараний к подготовлению себя к своей высокой и трудной миссии.

В действующую армию Александр разрешил своим братьям явиться лишь в 1814 году, но они тогда опоздали к военным действиям и прибыли, когда кампания 1814 года уже кончилась и войска находились в Париже. Точно так же опоздал Николай Павлович и к войне 1815 года, когда Наполеон бежал с острова Эльбы и когда император Александр опять позволил своему брату прибыть к войскам. Таким образом, собственно, во дни своей юности, во время наполеоновских войн, Николаю не удалось даже издали видеть настоящее сражение, а удалось только присутствовать на великолепных смотрах и маневрах, которые последовали по окончании кампании 1814 и 1815 годов.

Чтобы покончить с характеристикой воспитания императора Николая, надо упомянуть еще, что в 1816 году было предпринято путешествие его по России для ознакомления со страной, а затем ему предоставлено было поездить по европейским дворам и столицам. Но эти путешествия совершались, так сказать, на курьерских с головокружительной быстротой, и Россию молодой великий князь мог видеть только поверхностно, лишь с внешней ее стороны, и то преимущественно с показной. Точно так же ездил он и по Европе. Только в Англии он пробыл несколько дольше и видел парламент, клубы и митинги, которые, впрочем, произвели на него отталкивающее впечатление, и даже побывал у Овена в Нью-Ланарке и посмотрел его знаменитые учреждения, причем и сам Овен, и его попытки улучшить судьбу рабочих произвели тогда на Николая Павловича благоприятное впечатление.

Замечательно, что Мария Федоровна опасалась, чтобы молодой великий князь не приобрел вкуса к английским конституционным учреждениям, и поэтому для него была написана обстоятельная записка министром иностранных дел графом Нессельроде, имевшая целью предохранить его от возможных уалечений в этом отношении. Но те впечатления, которые Николай Павлович вынес из поездки по Англии, показали, что записка эта была совершено излишней: очевидно, он всем предшествующим воспитанием был застрахован от всякого увлечения так называемым либерализмом.

Это путешествие по Европе закончилось сватовством Николая к дочери прусского короля Фридриха Вильгельма, принцессе Шарлотте, с которой он и вступил в брак в 1817 году, причем вместе с православной верой супруга его приняла наименование великой княгини Александры Федоровны. В 1818 году, когда Николаю Паaловичу был всего 21 год, он уже сделался отцом семейства: у молодой четы родился будущий император Александр Николаевич (Александр II.— *Ред.).* Весь конец царствования Александра I протек для Николая отчасти в радостях семейной жизни, отчасти во фронто-

вой службе. Очевидцы свидетельствуют, что Николай был в эти годы хорошим семьянином и хорошо чувствовал себя в своей семье. Общественная деятельность его заключалась в эти годы исключительно в военной службе. Правда, Александр и в это время неоднократно делал ему намеки на то, что ожидает его впереди. Так, в 1819 году он имел с Николаем, как я уже упоминал, очень серьезный разговор, причем Александр определенно предупредил своего младшего брата и его жену о том, что он чувствует утомление и думает отречься от престола, что Константин уже отрекся и что царствовать предстоит Николаю. Затем в 1820 году Александр вызвал Николая на конгресс в Лайбах, говоря, что Николай должен знакомиться с ходом иностранных дел и что представители иностранных держав должны привыкнуть видеть в нем преемника Александра и продолжателя его политики.

Несмотря, однако же, на все эти разговоры, происходившие всегда с глазу на глаз, во внешней жизни Николая никаких существенных перемен не последовало. Он был еще в 1817 году произведен в генералы и затем почти до конца царствования был командиром гвардейской бригады; правда, на нем же лежало почетное заведование военно-инженерным ведомством, но большая часть его времени уходила именно на командование бригадой. Дело это было скучное и малопоучительное для будущего повелителя великой страны. В то же время оно было сопряжено и с неприятностями, так как главной задачей великого князя было восстановление наружной дисциплины в войсках, сильно поколебавшейся в них во время заграничных походов, в которых офицеры привыкли выполнять правила военной дисциплины только во фронте, а вне его считали себя свободными гражданами и даже ходили в штатском платье. С этими привычками они вернулись и в Россию, а Александр, особенно заботившийся о сохранении в армии воинского духа и считавший весьма важным делом наружную дисциплину, признавал необходимость сильно подтянуть в особенности офицеров гвардии. В этом деле «подтягивания» гвардии одним из самых преданных миссионеров и явился Николай Павлович, который подтягивал свою бригаду не за страх, а за совесть. Сам он в своих записках жаловался, что делать это было ему довольно трудно, так как он повсюду встречал глухое недовольство и даже протест, ибо офицеры его бригады принадлежали к высшим кругам общества и были «заражены» вольнолюбивыми идеями. В своей деятельности Николай часто не встречал одобрения и в своем высшем начальстве, а так как он педантично настаивал на своем, то скоро своей строгостью возбудил против себя в гвардии почти всеобщую ненависть, доходившую до такой степени, что в момент междуцарствия 1825 года Милорадович счел себя обязанным, как я уже упоминал, предупредить его об этом и посоветовать вести себя как можно осторожнее, не рассчитывая на общественное сочувствие к себе.

Александр, несмотря на то, что для него, по-видимому, было решенным вопросом, что Николай будет после него царствовать, вел себя по отношению к нему очень странно: он не только не подготовлял его к делам правления, но даже не ввел в состав Государственного совета и других высших государственных учреждений, так что весь ход государственных дел шел мимо Николая. И хотя есть сведения, что после решительных предупреждений Александра сам Николай Павлович переменил свое прежнее отношение к наукам и стал исподволь готовиться к упраалению государственными делами, стараясь теоретически познакомиться с ними, но несомненно, что это мало ему удалось, и он на престол вступил в конце концов неподготовленным — ни теоретически, ни практически.

Те лица, которые стояли к нему близко, как, например, В. А. Жуковский, который сперва был приглашен учителем русского языка к великой княгине Александре Федоровне, а потом сделался воспитателем ее старшего сына и довольно глубоко вошел в их семейную жизнь, свидетельствуют о том, что Николай в этот период у себя дома был совсем не тем суровым и неприятным педантом, каким он являлся в своей бригаде. И действительно, его домашний антураж был совершенно другой, чем антураж военный. Главным его другом по службе был генерал Паскевич, который был строгим, тщеславным и бездушным фронтовиком, игравшим впоследствии большую роль в деле организации русской армии именно в этом напраалении. Что же касается семейного круга Николая, то тут его окружали такие люди, как В. А. Жуковский, В. А. Перовский и др., простые умные и симпатичные люди, не часто встречающиеся в придворной атмосфере.

Вступив на престол при тех обстоятельствах, которые я уже охарактеризовал, Николай Павлович счел первой своей задачей расследовать до самых сокровенных глубин все причины и нити «крамолы», которая, по его представлению, чуть не погубила государство 14 декабря 1825 года. Он, несомненно, преувеличивал, особенно в первое время, значение и численность тайных революционных обществ, любил выражаться возвышенным слогом относительно этих событий и своей собственной роли в них, все представляя в героическом виде, хотя бунт, который произошел в Петербурге, на самом деле по тем материальным силам, какими располагали заговорщики 14 декабря, был, в сущности, довольно бессилен, и если мог иметь какой-нибудь успех, то разве благодаря тому феноменальному беспорядку, который царил в это время во дворце. Аресты и обыски, которые производились широкой рукой, охватили едва несколько сот человек со всей России, причем из человек пятисот, которые были захвачены, большая часть была впоследствии выпущена и освобождена от преследований. Таким образом, при всей строгости сыска и при замечательной откровенности большинства обвиняемых в их показаниях под суд было отдано в конце концов всего 120 человек.

Но Николаю этот заговор и по окончании дела представлялся чудовищным и громадным, и он был твердо уверен, что 14 декабря он спас Россию от неминуемой гибели. Так же смотрели на дело и многие приближенные. Очень трудно отделить здесь поддакивания и лесть от искреннего представления об этих событиях. При самой коронации, когда Николай вступил в Успенский собор, московский митрополит Филарет, имевший тогда репутацию свободомыслящего архиерея, в своей речи сказал между прочим: «Нетерпеливость верноподданнических желаний дерзнула бы вопрошать: почто Ты умедлил? Если бы не знали мы, что как настоящее торжественное пришествие Твое нам радость, так и предшествовавшее умедление Твое было нам благодеяние. Не спешил Ты явить нам Твою славу, потому что спешил утвердить нашу безопасность. Ты грядешь, наконец, яко царь не только наследственного Твоего, но и Тобою сохраненного царства...»

Было немало людей, которые именно так и представляли себе дело. И вот Николай в первые полгода своего царствования оставил в стороне все государственные дела и даже военные, все силы направил на розыск корней заговора и на утверждение личной своей и государственной безопасности. Сам он явился если не прямо следователем, то ревностным верховным руководителем всего следствия, которое производилось над декабристами. Как следователь, он был часто пристрастен и неуравновешен: проявлял большую вспыльчивость и очень неровное отношение к лицам подследственным. Это отразилось и в мемуарах декабристов. Некоторые из них,— кому пришлось испытать на себе сравнительно человечное отношение верховного следователя,— его хвалят, другие рассказывают, что он на них набрасывался с необыкновенным раздражением и несдержанностью.

Отношение изменялось в зависимости от предвзятых взглядов на некоторых подсудимых, от различного отношения к разным лицам и просто от личного настроения Николая. Сам он в одном из писем к Константину с большой наивностью писал, что учреждением верховного уголовного суда над декабристами он показал чуть ли не пример конституционного учреждения; с точки зрения современной юстиции, эти слова могут показаться только насмешкой. Все дело свелось к инквизиционному расследованию, чрезвычайно глубокому и подробному, особой следственной комиссией, руководимой самим Николаем, которая и предрешила весь конец дела. Верховный же суд являлся просто торжественной комедией. Он состоял из нескольких десятков лиц: в него входили сенаторы, члены Государственного совета, 3 члена Синода, затем 13 человек были назначены в число этого верховного синедриона по повелению императора Николая,— но никакого суда, в том смысле, в каком мы привыкли понимать это слово, собственно, не было. Ни судебного следствия, ни прений сторон — было только торжественное заседание такого судилища, перед которым каждый подсудимый приводился в отдельности; его допрашивали чрезвычайно кратко, а некоторым даже только читали сентенцию, так что многие из подсудимых были уверены, что их не судили, что им только был прочитан приговор какого-го заглазного инквизиционного учреждения. Так была обставлена уголовная сторона этого дела. Николай в конце концов проявил большую жестокость и беспощадность к подсудимым, но сам он считал, и по-видимому искренне, что проявляет лишь полную справедливость и гражданское мужество. И надо сказать, что как ни был он пристрастен на следствии, в конце концов всех покарал одинаково беспощадно,— как Пестеля, которого считал исчадием ада и в высшей степени зловредным человеком, так и Рылеева, которого он сам признавал в высшей степени чистой и возвышенной личностью и семье которого оказал существенную материальную поддержку. По приговору верховного уголовного суда пять человек были присуждены к казни четвертованием — им император Николай заменил четвертование повешением; 31 человек были приговорены к обыкновенной казни — через расстреляние; Николай заменил ее им каторжными работами — бессрочными и частью на 15—20 лет. Соответственно он понизил наказание и другим; но большая часть все же была отправлена в Сибирь (некоторые после многолетнего заключения в крепостях), и только немногие были отданы в солдаты без выслуги.

Для последующего хода правления немаловажна была и другая сторона этого исключительного процесса. Николай, стремясь обнаружить все корни крамолы, выяснить все ее причины и пружины, углублял дело расследования до чрезвычайности. Он хотел добиться всех причин недовольства, доискаться скрытых пружин, и благодаря этому перед ним мало-помалу развернулась картина тех непорядков русской общественной и государственной жизни того времени, размеров и значения которых он и не подозревал раньше. В конце концов Николай понял, что эти непорядки значительны и что недовольство многих имело основание, и уже в первые месяцы царствования он заявлял многим лицам,— в том числе и представителям иностранных дворов,— что он сознает необходимость серьезных преобразований в России. «Я отличал и всегда буду отличать,— сказал он французскому посланнику графу де Сан При,— тех, кто хочет справедливых преобразований и желает, чтобы они исходили от законной власти, от тех, кто сам бы хотел предпринять их и Бог знает какими средствами».

По приказанию Николая одним из делопроизводителей следственной комиссии (Боровковым) была даже составлена особая записка, в которую были включены сведения о планах, проектах и указаниях, полученных от декабристов во время допросов или сообщенных в записках, составленных некоторыми из них по собственному почину, другими — по желанию Николая.

Таким образом, Николай совершенно сознательно считал небесполезным и даже необходимым заимствовать от декабристов, как людей очень умных и хорошо продумавших свои планы, все то, что могло ему пригодиться в качестве материала для государственной деятельности.

Упомянутая записка, составленная Боровковым, в заключении своем намечала и определенные выводы, из которых, конечно, лишь некоторые были навеяны показаниями декабристов, другие же вытекали из общего впечатления от выяснившегося перед императором Николаем внутреннего состояния государства. Боровков так резюмирует эти выводы о насущных нуждах государственного управления: «Надобно даровать ясные, положительные законы; водворить правосудие учреждением кратчайшего судопроизводства; возвысить нравственное образование духовенства; подкрепить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами в кредитных учреждениях; воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами; направить просвещение юношества сообразно каждому состоянию; улучшить положение земледельцев; уничтожить унизительную продажу людей; воскресить флот; поощрить частных людей к мореплаванию,— словом, исправить неисчислимые беспорядки и злоупотребления». В сущности, отсюда можно было извлечь целую государственную программу, но Николай принял из нее к сведению лишь те факты и выводы, которые наиболее его поразили.

Во всяком случае среди декабристов он видел по большей части не неопытных юношей, которые руководствовались одним юношеским пылом, а целый ряд лиц, которые были ранее приобщены к делам высшей и местной администрации. Таков был Н. И. Тургенев — статс-секретарь Государственного совета и директор одного из департаментов Министерства финансов, таков был Краснокутский — обер-прокурор Сената, Батеньков — один из близких сотрудников Сперанского, а одно время и Аракчеева, барон Штейнгель — правитель канцелярии московского генерал-губернатора. Николай не мог не видеть ума таких представителей декабристов, как Пестель и Никита Муравьев, но даже у второстепенных членов тайных обществ, таких, как Батеньков или Штейнгель, он мог черпать немало полезных указаний.

Когда процесс декабристов был кончен в июне 1826 года, а пять человек, считавшиеся главными заговорщиками, казнены, в манифесте, изданном по случаю коронации 13 июля 1826 года, освещалось и отношение Николая к тайным обществам и бросался взгляд на его собственную будущую деятельность. «Не от дерзких мечтаний, всегда разрушительных,— сказано было между прочим в этом манифесте,— но свыше усовершаются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления.

В сем порядке постепенного усовершенствования всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к нам путем законным, для всех отверстым, всегда приняты будут нами с благоволением: ибо мы не имеем, не можем иметь другого желания, как видеть отечество наше на самой высокой ступени счастья и славы, провидением ему предопределенной».

Таким образом, манифест, появившийся тотчас после расправы с декабристами, обещал ряд преобразований, и едва ли можно сомневаться, что первые намерения

Николая в начале его царствования были намерениями преобразовательными. Направление и содержание этих преобразований должны были зависеть от общих воззрений и взглядов молодого самодержца на существо и задачи государственной власти в России.

Уяснить и сформулировать самому себе эти общие политические воззрения и взгляды Николаю Павловичу удалось при самом вступлении на престол — главным образом благодаря Н. М. Карамзину, который, несомненно, явился в этот трудный момент наставником и интимным советником нового молодого и неопытного властелина России. Если от декабристов Николаю Павловичу пришлось получить первые поразившие его сведения о беспорядках и злоупотреблениях в делах управления, то Карамзин еще ранее дал ему, можно сказать, общую программу царствования, до такой степени пришедшуюся Николаю по вкусу, что он готов был озолотить этого незаменимого в его глазах советника, стоявшего уже в то время одною ногою в гробу *.

Карамзин, как вы знаете, не занимал при Александре никакого правительственного поста, но это не мешало ему выступать иногда сильным и резким критиком правительственных мероприятий — как в момент наибольшего расцвета либеральных предложений в эпоху Сперанского, так и в конце царствования, когда Карамзин резко осуждал политику Александра по польскому вопросу и не скрывал от него своих отрицательных взглядов и на военные поселения, и на обскурантную деятельность разных Магницких и Руничей в области народного просвещения и цензуры.

По вступлении на престол Николая дни Карамзина были уже сочтены: в самый день 14 декабря он простудился на Дворцовой площади, и хотя потом два месяца перемогался, однако же слег в конце концов и через полгода умер, не воспользовавшись фрегатом, снаряженным по высочайшему повелению, чтобы везти больного историографа в Италию. С первых дней междуцарствия, начавшегося 27 ноября 1825 года, Карамзин по собственному побуждению ежедневно являлся во дворец и там специально проповедовал Николаю, стараясь передать ему свои воззрения на роль самодержавного монарха в России и на государственные задачи данного момента. Речи Карамзина производили на Николая Павловича огромное впечатление. Карамзин, искусно умея сохранить полное уважение, даже благоговение к личности только что скончавшегося государя, в то же время беспощадно критиковал его правительственную систему — до того беспощадно, что императрица Мария Федоровна, постоянно присутствовавшая при этих беседах и, может быть, даже способствовавшая их возникновению, воскликнула однажды, когда Карамзин слишком резко обрушивался на некоторые меры прошлого царствования: «Пощадите, пощадите сердце матери, Николай Михайлович!», на что Карамзин отвечал, не смутившись: «Говорю не только матери государя, который скончался, но и матери государя, который готовится царствовать».

Каковы были взгляды Карамзина на роль самодержавия в России, вы уже знаете из содержания записки его о древней и новой России, представленной им императору Александру в 1811 году. Эту записку Николай Павлович не мог тогда знать, ибо единственный экземпляр ее был передан императором Александром Аракчееву и лишь в 1836 году — после смерти Аракчеева — был найден в его бумагах. Но Карамзин развил те же взгляды впоследствии (в 1815 году) во вступлении к своей «Истории Государства Российского», и это вступление было, разумеется, известно Николаю. В уме же Карамзина мысли, выраженные в записках, поданных им Александру («О древней и новой России» — в 1811 году и «Мнение русского гражданина» — в 1819 году), несомненно, сохранялись в неизменном виде до конца его жизни. Карамзин, верный в этом случае взгляду, заимствованному им у Екатерины II, считал, что самодержавие необходимо России, что без него Россия погибнет, и эту мысль он подкреплял примерами моментов смуты в истории России, когда самодержавная власть колебалась.

В то же время на роль самодержавного монарха он смотрел как на своего рода священную миссию, как на постоянное служение России, отнюдь не освобождая монарха от обязанностей и строго осуждая такие действия государей, которые, не соответствуя пользам и интересам России, основывались на личном произволе, капризе или даже на идеологичесих мечтаниях (как у Александра). Роль подданного в самодержавном государстве рисовалась Карамзину не в виде бессловесного рабства, а как роль мужественного гражданина, обязанного безусловным повиновением монарху, но в то же время долженствующего свободно и искренно заявлять ему свои мнения и взгляды, касающиеся государственных дел. Политические взгляды Карамзина были при всем их консерватизме несомненно утопией, но утопией, не лишенной известного подъема и искреннего, благородного чувства. Они стремились придать политическому абсолютизму известную идейность и красоту и давали возможность самовластию, к которому Николай был склонен по натуре, опираться на возвышенную идеологию. Под непосредственные и полусознательные личные стремления Николая они подводили принцип и давали молодому самодержцу готовую систему, вполне соответствовавшую его вкусам и наклонностям. Вместе с тем практические выводы, которые Карамзин сделал из своих общих воззрений, были так элементарны и просты, что не могли не понравиться и с этой стороны Николаю Павловичу, свыкшемуся с юных лет с идеями военной фронтовой службы. Они показались ему построенными на мудром и величественном основании и в то же время были ему вполне по плечу.

Взгляды, внушенные Карамзиным, не исключали в то же время возможности и даже необходимости приняться за исправление тех злоупотреблений и неустройств русской жизни, которые выяснились Николаю при его сношениях с декабристами. Карамзин, при всей консервативности его взглядов, не был ни реакционером, ни обскурантом. Он решительно осуждал обскурантные меры Министерства духовных дел и народного просвещения и изуверные подвиги Магницкого и Рунича, отрицательно относился к деятельности Аракчеева и к военным поселениям и строго порицал злоупотребления финансового управления при Гурьеве. После 14 декабря 1825 года он говорил одному из близких к нему людей (Сербиновичу), что он «враг революций», но признает необходимость мирных эволюций, которые, по его мнению,— «всего удобнее в направлении монархическом».

Доверие к государственной мудрости Карамзина было в Николае Павловиче так сильно, что он собирался, по-видимому, дать ему постоянный государственный пост; но умирающий историограф не мог принять никакого назначения и вместо себя рекомендовал в сотрудники Николаю более молодых своих единомышленников из числа членов бывшего литературного общества «Арзамас»: Блудова и Дашкова, к которым скоро присоединился и еще один видный арзамасец — Уваров, давший впоследствии окончательную формулировку той системе официальной народности, отцом которой был Карамзин.

* Незадолго до смерти Карамзина ему была назначена пенсия в 50 тыс. руб. в год с тем, чтобы после смерти пенсия эта передавалась его семье (Срав. Погодин. «Н. М. Карамзин», т. II, стр. 495, где приведен и самый указ об этом министру финансов от 13 мая 1826 года).

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

С праздником светлого Рождества!

Открытки из коллекции Ю. Комболина. Санкт-Петербург

В последнее время мы как-то потеряли вкус к праздникам, а ведь на Руси всегда любили и умели радоваться. Гуляла на все лады масленица, благоговейно справлялась Пасха, весело встречали Рождество Христово.

В конце прошлого века обязательным элементом празднования Рождества стала поздравительная открытка. Лучшие художники того времени — Васнецов, Билибин, Бем работали над рождественскими эскизами.

Съ праздникомъ
Рождества Христова

Съ новымъ годомъ.

Такъ одѣнетъ украшенья
Ёлка будетъ заглядѣнье

АЛЕКСАНДР ПАНАРИН

ЖЕСТОКОСЕРДИЕ ДЕМОКРАТИИ

Сейчас, когда обществу открывается запретная прежде история нашей революции, мы воспринимаем всю эту неслыханную вакханалию насилия, святотатственных посягательств на культуру, мораль и здравый смысл народа как театр абсурда, как непостижимый «провал истории». Но реальная история общества — пора уже отдать себе в этом отчет — это поле столкновения множества возможностей, а сама историческая закономерность есть победившая возможность.

Фото В. Филимонова (г. Владимир)

Вот только — *почему* победившая?

Поиск ответа на этот вопрос естественно приводит к исследованию ментальности (типа мышления и миропонимания, присущего обществу или социальной группе) как фактора, побуждающего людей делать тот или иной выбор в переходные, «судьбоносные» периоды истории. В отличие от социальной психологии, история ментальности, как пишет историк и культуролог А. Я. Гуревич, «сосредоточивает свое внимание не на настроениях, конъюнктурных, легко изменчивых состояниях психики, а на константах, основных представлениях людей, заложенных в их сознание культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением».

Если рассматривать проблему тоталитаризма, не принимая во внимание фактор ментальности, то очень легко впасть в упрощение. Ведь тоталитаризм — это не просто деспотия, хотя бы и невиданная по своим масштабам и амбициям. В его основе лежит глубокий религиозно-эсхатологический подтекст, связанный с древним мифом о конце света, конце истории. Вопреки очевидному, конец света пугает не всех. Возможны такие состояния индивидуального и коллективного сознания, при которых конец, гибель, обвал истории выступают не в качестве абсурда, хаоса, а обретают «высший» моральный и метафизический смысл, связанный с восстановлением попранной справедливости, воздаянием, реваншем слабых над сильными. Данные современной этнографии позволяют утверждать, что в религиозных ритуалах всех древних культур содержится архетипическое предвосхищение практики тоталитарного государства. В частности, это ритуалы *«перевертывания статуса»* («кто был никем, тот станет всем»), *предельного упрощения* структуры социума (ср. с революционной утопией о «полном» социальном равенстве и уничтожении такого «проклятия», как разделение труда), гибели богов и конца мира. Во всех культурах существуют празднества ритуального расставания со структурной иерархией. Вот как описывает М. Мариот праздник холи («любви») в сельской Индии: «Кто эти улыбающиеся мужчины, которых так безжалостно бьют по голеням женщины? Это самые зажиточные крестьяне из брахманов и джатов...» А преследующие их «самые отважные драгуны из этого батальона под чадрой — это жены батраков из низших каст, ремесленников или слуг...». Не случайно В. И. Ленин назвал революцию «праздником эксплуатируемых и угнетенных». Едва ли не каждый акт революции, эмпирически выступающий как детерминированный *чрезвычайным* стечением обстоятельств, символически предугадывается и просматривается заранее.

Возьмем один из самых первых, знаменующих полный разрыв коммунизма с социал-демократией и с общедемократической традицией,— разгон Учредительного собрания и последовавшее за этим ограничение всеобщего избирательного права. Эмпирически обе эти акции легко объясняются «логикой обстоятельств». Еще в июле 1917 года Ленин и большевики требовали скорейшего созыва Учредительного собрания, так что «доктринальной» предубежденности в отношении его как будто не просматривалось. Разогнать его «пришлось», когда обнаружилось, что большевики оказались в нем в меньшинстве, что грозило реваншем «мелкобуржуазного большинства».

Прошло, однако, совсем немного времени, и Ленин в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» освятил эти меры уже как неизбежные, предопределенные логикой революции вообще. В самом деле: эксплуататор не может быть равен эксплуатируемому, и если свободная соревновательность формально равных людей в гражданском обществе закономерно порождает фактическое их неравенство,— следовательно, государство «диктатуры пролетариата», чтобы помешать этому, должно осуществлять перманентное насилие над гражданским обществом. Задача пролетарского государства — не более не менее — перевернуть исконный, тысячелетиями существующий «естественный порядок», состоящий в том, что сильные и деятельные возвышаются над слабыми и нищими духом. Очень важно отметить, что «слабые» и «сильные» выступают здесь не столько в социологическом, статусном значении, сколько в антропологическом: сильные — это те, кто при нормальном ходе вещей всегда будут выигрывать, а слабые — это те, что при соблюдении правил игры, укоренившихся в гражданском обществе, в человеческой истории вообще, обречены проигрывать.

Различие между буржуазно-демократической республикой, «жестокосердной» по отношению к слабым, и государством диктатуры пролетариата выступает как различие секулярной системы, «попустительствующей» естественному ходу вещей и потому доктринально и репрессивно «ленивой», и сакральной системы, направленной против стихийно сложившегося, греховно-несправедливого порядка жизни, и потому вынужденной быть недреманным оком «высшей справедливости».

Это непрерывное деспотическое вмешательство власти во все социальные процессы порождает невиданный на Западе парадокс «бюрократической харизмы». По Веберу, бюрократия представляет собой систему «неумолимой безличности», последовательно нейтральную в ценностном отношении и стремящуюся лишь к организационно-управленческой рациональности. Советская же бюрократия, тесно связанная с тоталитарным режимом, с самого начала была ориентирована на харизматический образ «защитника слабых и обиженных». Все ее умопомрачительные импровизации в сфере управления, бросающие вызов здравому смыслу, содержали сакрально-харизматический подтекст. Бюрократия у нас выступила как псевдорелигиозная структура, основанная на двойной подмене светских структур.

Во-первых, при *подборе кадров* соображения профессионально-производственной целесообразности вытеснялись сакральными и ритуальными принципами («преданность идее», предпочтение выходцам из «структурных низов» и т. п.).

Во-вторых, это подмена *обыденного — чрезвычайным.*

Вся организация общественной жизни таила в себе эсхатологический подтекст — ощущение кануна «роковых событий», призванных дать «окончательную развязку» всех общественных проблем. Эта мистика способствовала разрушению нормальной жизни, уклада, этики, профессионального усердия. Уместно ли, в самом деле, заниматься «малыми делами» перед лицом грядущей вселенской катастрофы, хотя бы и понимаемой оптимистически — как сотворение прекрасного нового мира из хаоса?

Вот почему, когда задумываешься о тотальной неустроенности нашего повседневного существования, о нашем бивуачном, едва ли не кочевническом быте, приходит в голову одно объяснение: пока другие страны созидали свое благополучие, мы жили ожиданием начала новой эры — и теперь расплачиваемся за то, что в этом чаянии идеальной справедливости заменили личную свободу индивида государственным попечительством над ним.

В отличие от тоталитаризма, псевдорелигиозного по своей природе, демократия является *светской* системой. Ее главные принципы — суверенность, самодеятельность и ответственность. Эти принципы утверждаются вместе с отделением духовной власти от политической и отказом от архаичного идеала «соборности». Демократия не рассматривает граждан как прихожан единой церкви, не требует от них постоянных свидетельств в верности «великому учению». Отношения групп, имеющих различные интересы, интерпретируются в демократии не по-манихейски — как непримиримая борьба сил добра и зла, а в светской форме — как деловое партнерство.

Такая светская «холодность» деловых отношений разительно контрастирует с опекунской сентиментальностью тоталитаризма. Последний в масштабах общества насаждает отношения, поразительно напоминающие особую «патронажную» субкультуру, сформировавшуюся в свое время вокруг монастырей и церковных приходов, где постоянно кормились нищие, юродивые, блаженные и т. п. Пресловутые «социальные гарантии» тоталитаризма очень похожи на систему подаяний «нищим духом». Трудящиеся должны постоянно «благодарить партию» и «лично» ее вождей за *заботу*, отвечать на эту *заботу* «ударным трудом». При этом действительных социальных гарантий оказывается, по сравнению с развитыми странами, совсем немного. Однако сознанию, воспитанному в обстановке «соборности», представляется обнадеживающим то обстоятельство, что в нашем обществе, в отличие от «бездушного» Запада, силы, от которых исходят воздаяние или наказание, воплощены в лицах, к ним можно апеллировать. А попробуйте апеллировать к рынку!

Демократия как светская, т. е. идеологически нейтральная система, предъявляет ко всем равные требования. Ее законы отличаются неумолимостью автомата. Здесь нельзя преступника отдать на поруки

в *трудовой коллектив* — он должен будет отвечать в строгом соответствии с законом,— а директор предприятия не может съездить в министерство и «выклянчить» себе какие-то льготы или добиться, чтобы ему «скорректировали» плановые задания в сторону уменьшения...

Люди инициативные и предприимчивые, прочно стоящие на ногах и имеющие что предложить в рамках отношений обмена и партнерства, ценят цивилизацию именно за этот нелюбезный нашим догматикам вещный, анонимный характер общественных связей, не просматриваемых сверху. Ведь внешние связи — альтернатива личной зависимости и патернализму.

Но такая «холодная» вселенная никак не устраивает тех, кто подменяет деловые и профессиональные критерии морально-религиозными и идеологическими. Я уже не говорю о миллионах маргиналов и люмпенов, не способных выносить тяготы повседневности и постоянно скользящих в зазеркалье с помощью алкоголя или других сильнодействующих средств, к числу которых, как показывает опыт, относится и политическая магия. Они порою могут переносить невероятные лишения и предпринимать отчаянные усилия, но органически не способны выдерживать нормальную ритмику «срединного времени». Им куда ближе лозунг: «Десять лет героического труда — десять тысяч лет безоблачного счастья». В самой истории они видят патерналистскую систему и требуют от нее гарантий. Этим требованиям и отвечали истматовские положения о «непреложных исторических закономерностях» и «решающих» формационных преимуществах.

В самом деле: считалось, что достаточно уничтожить частную собственность — и ход жизни уподобится эскалатору, выносящему всех нас наверх, к светлому будущему. Ясно, что народу, заполучившему столь основательные гарантии, не о чем было беспокоиться. Вся реальная история общества, с ее сложностью и непредсказуемостью, связанными со свободой и выбором, подменялась запрограммированной псевдоисторией. Вместо постоянно бодрствующего, чуткого к изменениям хода вещей исторического сознания формировалось сознание пассивное, детерминистское.

Подобно тому, как в экономике нашей стране предстоит перейти от административно-командной, «госплановой» системы к самодеятельному рыночному хозяйству, в философии истории нам также предстоит осваивать понятие самодеятельной — не прибранной к рукам и непредопределенной, событийной истории.

Здесь опять-таки проявляется жестокосердие демократии: будучи открытой политической системой, основанной на свободной соревновательности различных политических партий, она исключает однозначные и окончательные решения. Она не знает заранее помеченных любимцев — постоянных передовиков истории. И потому при демократии исключается существование постоянного «авангарда», так же, как и наличие «великого учения», имеющего в запасе готовые ответы на все основные вопросы человеческого бытия. Необходимость самостоятельно определяться на крутых поворотах истории отпугивает воспитанное в лоне марксистской церкви сознание не меньше, чем перспектива хозяйственной самостоятельности — нерадивых *«командиров производства»*. Как заметил С. С. Аверинцев, «наша опасность заключена в вековой привычке перекладывать чуждое бремя власти на другого, отступаться от него, уходить в ложную невинность безответственности».

Здесь возникает основная, может быть, дилемма нашей демократизации. Имеют ли право различные слои и группы населения самостоятельно решать главные вопросы своего общественного бытия, обладают ли они сами умом, честью и совестью, или только «авангард» действительно представляет «ум, честь и совесть нашей эпохи», а уделом народа остается состояние невменяемой безответственности и неукоснительное следование воле «авангарда»? От ответа на этот вопрос зависит выбор принципов деятельности партий. Либо та или иная партия строит свою деятельность *демократически,* в духе принципов представительства, с учетом наказов тех массовых слоев, чьи интересы она представляет, либо она строит ее *теократически,* на основе верности разного рода «великим учениям», что предполагает знание «высших интересов» масс как бы заранее, помимо всяких их наказов.

Последний принцип несовместим с парламентской демократией и вообще делает бессмысленными всякие выборы. Ведь как должна вести себя партия, даже и проигравшая выборы, но уверенная в том, что, вооружившись «великим учением», она постигла смысл истории и потому лучше знает «подлинные интересы» народа, чем сам народ? Ясно, что она объявит результаты выборов сомнительными, а сознание избирателей — искаженным, заблудшим, манипулируемым, и заявит о своей готовности, несмотря ни на что, оставаться у власти и вести народ дальше все к той же великой цели. И народу придется снова испытывать на себе жестокую сентиментальность тоталитаризма, видящего в гражданах невменяемую, несовершеннолетнюю паству, которая «пока еще» не доросла до демократии.

Демократия невозможна без последовательной деидеологизации государственного управления, без разделения духовной и политической власти. Суверенного гражданина никто не вправе воспитывать: в духовно-ценностной сфере, в вопросах мировоззрения он должен быть так же самостоятелен, как и в сфере хозяйственной. В цивилизованном демократическом государстве, основанном на принципе многопартийности, партии воздерживаются от роли духовных пастырей граждан. Функции партий в таком государстве сводятся к тому, чтобы, во-первых, представлять и отстаивать различные групповые интересы в разнообразных системах принятия решений, и, во-вторых, участвовать в конкурентной борьбе за власть (подчиненную законам и контролируемую парламентом) путем выдвижения альтернативных проектов на общенациональном рынке политических идей, «покупателями» которых являются избиратели.

Но демократия противостоит не только теократии. Не менее решительно она противостоит *технократии*. Основой технократии является так называемая общенародная, а на самом деле экспроприированная государством у народа собственность. При такой форме собственности все природные, людские и интеллектуальные ресурсы предоставляются ведомствам бесплатно, и нещадно, хищнически используются; не производство служит общественным целям, а общество с его многообразными социальными и культурными подсистемами рассматривается как придаток производства. Все связи общественного человека узурпированы его служебной функцией: «человек после работы» у нас совершенно пассивный, «неангажированный индивид», отстраненный от участия в принятии решений. Но демократия невозможна вне территориального принципа жизнестроения, ибо основным пространством жизни человека является не отрасль, а территория. Только будучи коллективными собственниками богатств территории (региона), граждане становятся хозяевами своей жизни.

Различие между демократией и технократией заключается прежде всего в том, что при чисто технократической модели решения принимаются исключительно ведомствами на основе технико-производственной информации. Такая модель и господствовала вплоть до середины 60-х годов, когда государственные планы стали называться уже не просто «экономическими», но планами экономического и социального развития. Но и это мало что изменило по существу: планы по-прежнему верстались как сумма ведомственных планов, а местные территориальные органы подключались со своими заявками постфактум (пресловутый «остаточный принцип»).

Фото Александра Нотрусова

При демократической же модели решения принимают сначала территориальные органы, а затем ведомства, и учитывается при этом сначала социальная информация, а потом уже технико-производственная.

На этом парадоксе демократии — приоритете политика-дилетанта перед экспертом-специалистом — издавна спекулируют ее технократически ориентированные критики. Дело политика — представлять те или иные социальные интересы, дело эксперта («технократа») — анализировать существо проблемы. Кому отдать приоритет? Перед нами дилемма того же типа, что и описанная выше на примере конфликта теократического и демократическо-представительского принципов. Там речь шла о том, должна ли партия, вооруженная «великим учением», уступать воле избирателя. Здесь речь о том, должны ли управленцы и эксперты, вооруженные специальными знаниями, уступать воле депутатов, которые представляют интересы избирателей. В рамках демократической парадигмы ответ несомненен: да, должны. Этот принцип имеет не только конституционно-правовое, но и глубокое эвристическое основание. Опыт показывает, что при принятии решений менее всех склонны заблуждаться не «хладнокровные эксперты», а те, кому предстоит расплачиваться за ошибочные решения. Проницательность заинтересованных слоев населения бывает, как правило, выше.

И теократическим, и технократическим поползновениям демократия противопоставляет принцип, открытый в свое время Реформацией: в делах спасения и сам папа римский мне не указчик. Принципиальное доверие по отношению к выбору, сделанному рядовыми гражданами, готовность безусловно подчиниться ему, невзирая на какие бы то ни было соображения государственной пользы, ведомственной необходимости, производственно-технической целесообразности отличает демократическую ментальность от любой другой.

Повторю еще раз: демократия жестокосердна. Это создает известные неудобства для тех, кто привык к покровительству думающего и решающего за нас государства. Но такова неизбежная оборотная сторона уважения к личности. Высокомерному тоталитаристскому всеведению демократия противопоставляет свое принципиальное незнание «последних истин», которые она предоставляет самостоятельно открывать рядовым гражданам. И в этом — ее действительная гуманность, ее подлинное добросердечие, в корне отличающееся от извращенной сентиментальности тоталитаризма.

БОРИС ШЕРГИН

ОТХОДЯЩАЯ КРАСОТА

Громадная, полная электрическим светом, аудитория Московского политехнического музея. И более двух с половиной тысяч человек, в глубоком безмолвии внимающих маленькой, совсем сказочной старушке в синем сарафанчике и пестреньком платочке. Старушка поет!..

Вдаль устремлены ясные глаза, а чистый старческий голос льется в древних, мерно прекрасных напевах классических былин. Величавые, загадочные тени реют, предстают «умному» взору и кажутся странно близкими.

Уходят богатыри... И звучит жуткий, трагический напев песни о казни Грозным своего сына.

Растрогав всех полной великой печали и тихой грусти в мелодии и содержании побывальщиной о князе Михайле, убившем свою кроткую «кнегиню», сказительница по программе заводит быстро-веселую плясовую скоморошину * «Кострюк». В такт лихому напеву старушка начинает помахивать платочком, прихлопывать в ладошки. Чем далее, тем веселее. Сказительница не только поет, она «играет» «Кострюка» и водит за собой настроение слушателей, покоряет их. «Небылицу в лицах», скоморошину, полюбившуюся всей Москве песню с нелепыми, потешными образами и подмывающим, стихийным припевом подхватывает вслед за певицей и гремит тысячей голосов вся аудитория.

Потом бесконечные овации.

Сказительница эта, выступающая ныне в Москве, покорившая москвичей, удостоенная в Твери, куда ездила петь, торжественной встречи и грандиозных проводов, приглашенная уже в Петроград,— наша землячка, пинежская крестьянка Марья Дмитриевна Кривополенова. Старухе 72 года.

Привезла ее в Москву артистка Ольга Эрастовна Озаровская, известная художница-этнограф.

В газете «Архангельск» уже сообщалось, как артистка «обрела» сказительницу:

Марья Дмитриевна, всю жизнь

боровшаяся с горькой нуждой, собирала милостыню в деревне Великий Двор и случайно зашла в дом, где жила г-жа Озаровская. Тут выяснилось, что старушка знает много былин-старин. Уезжая в Москву, О. Э. Озаровская взяла с собой и Кривополенову.

Имя Кривополеновой уже было известно науке.

Пятнадцать лет назад ученый специалист Григорьев, записывая по р. Пинеге словесные произведения народного творчества, встретил Марью Дмитриевну и записал весь ее обширный репертуар. Он признал ее одной из лучших сказительниц на Севере — обетованной земле всех ценителей русской красоты.

В предисловии к былинам этой сказительницы собиратель дает и биографические сведения о ней.

С детства жила Марья Дмитриевна в большой нужде. Во время приезда на Пинегу Григорьева жив был еще ее муж, горький пьяница и буян. Часто приходилось ей обращаться к мирской помощи. Потом мужа убили в лесу бродяги. Это не внесло перемены в жизнь Марьи Дмитриевны. По-старому, когда своего хлеба не было, она с дочкой питалась Христовым именем.

Но приезжает на Пинегу артистка Озаровская, и... открывается самая светлая страница в жизни сказительницы.

Она в той самой «каменной Москве», про которую так часто пела в своих старинах. О Кривополеновой пишут в журналах и газетах, о ней делают доклады в ученых обществах, с нее пишут портреты, о ней собираются издать монографию, ею заинтересованы все.

И это нисколько не удивительно. Скромная, маленькая, даже неграмотная старушка — большая художница в душе. Эта художественность натуры ярко выступет в отношении сказительницы к окружающему ее миру и во всех ее словах. Чувствуя себя полноправным членом общества, Марья Дмитриевна вся живет в эпохе Грозного царя и очень любит о нем петь. Автомобили, трамваи и т. п. чудеса большого города не производят на нее большого впечатления.

Для нее важно лишь то, что здесь «Каменна Москва», царские терема, гробница Грозного, дом Скуратова — «Скурчатки».

В Третьяковской галерее сказительницу поразили «Богатыри» Васнецова, и она тут же каждому из них спела соответствующую былину.

Выучив старины еще в детстве, от столетнего своего деда, Марья Дмитриевна с глубоким чувством поет их. Она удивительный лирик в душе. И в слова, и в напев своих былин вкладывает она всю душу. Вносить лиризм в исполнение эпических песен, может быть, черта позднейших сказителей, но эта черта в высшей степени симпатична в Марье Дмитриевне. Тем более что певица сохраняет все разнообразие и оригинальную красоту былинных напевов. Напевы эти передаются от певца певцу неизменно, наравне с текстом, и, забыв почему-либо древний «голос» — мелодию былины, не станет уж ее петь, а перескажет обычной речью.

По преемству приняв свои былины из глубины времен, сказительница Марья Дмитриевна Кривополенова передала теперь это драгоценное наследие науке. Записанное, оно сохранится «на все времена», но грустно становится, когда представишь себе, что скоро навеки отзвучат вещие голоса и закроются ясные очи последних былинных сказителей.

Публикация
ЛАРИСЫ ШУЛЬМАН

* Скоморошина — песня, былина, назначением которой было развеселить слушателей. Из таких скоморошин составлялся репертуар древнерусских скоморохов.

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА

ОБОРОТНИ, БЕСЫ, ЛЕШАКИ...

1. ВЕЩИЩИЦЫ

Сивая кобылица

В деревне Первомайка, еще когда бабушка моя была в девках, Петр Уварыч издалека привез себе жену. И чудные дела стали твориться в деревне. По ночам бегает по улице сивая кобылица с большой гривой, что так и плещется на ветру и блестит в лунном свете. Кто кобылицу увидит — к ней стремится, а она копытом калечит или забивает насмерть.

Как-то мужик хлыстом стегнул ее по морде (хлыст нарочно приготовил), так жена Петра Уварыча несколько дней не выходила из дому. А как вышла по воду — на лице у нее увидели шрам. Сказали ее мужу, но он ее любил без памяти и слушать ничего не хотел.

И вот мужики сковали цепь, неводом поймали кобылицу и приковали к железному столбу. Утром смотрят: а ко столбу прикована та красавица, уже мертвая, и густые волосы растрепались по ветру. Мужики стояли, понурив головы, жалея чудной ее красоты. Прибежал муж, увидел, страшно закричал, проклял деревню и уехал вдаль, на родину погубленной жены.

(*Записано от Суслопаровой Марии Николаевны в мае 1991 г., в д. Шайдуриха Свердловской области.*)

Интересно, что кобылица сивая: сравним с Сивкой-буркой — вещей коуркой. Сивый цвет, бурый — волшебный, магический; думаю, по ассоциации с цветом земли в земледельческой магии.

Из древних языческих обрядов доносятся и отголоски культа столба, железного столба. Известен также «позорный столб»: «приковать к позорному столбу». («Пригвождена к позорному столбу славянской совести старинной»...— Марина Цветаева.)

Женщина-сорока

У моей свекровушки был свояк Миша Шурыгин. И он держал квартирантов, мужа с женой, уже пожилых. Он-то сам пимы подшивал, что ли. И вот его жена сорокой летала.

Однажды она ушла, обернулась сорокой и улетела. А тело свое прикрыла во дворе корытом. Дядя Миша рано пошел лошадь запрягать и ногой нечаянно своротил корыто. Утром бьется в окно сорока. Зима, сорок нигде нет, а тут бьется так и этак, прямо разбивается о стекло! Старик-квартирант и говорит:

— Это моя ведь дура летат! — И пошел во двор корыто наладить.

Наладил — она влетела в свое тело и сразу же вошла в избу. Это она сорокой-то и билась.

Потом она долго лежала, болела... Ишь, раз не вовремя в тело-то свое попала...

Что дальше было? Миша им отказал: «Мне таких квартирантов не надо!»

(Записано от А. А. Петровой, с. Висим)

Былички о превращениях женщин — в старину их называли вещицы (от вещий) — бытуют широко по всей России.

2. ПОКОЙНИКИ

Муж пришел к жене

На девятый день по смерти мужа мне надо было месить квашонки. Вот я лежу, слышу — за дверью он идет: в чем схоронили — это башмаки-то стучат. Открыл дверь, вошел, стоит и смотрит на меня. Меня так и ободрало...

— Ты поче сюда пришел?! Ты ушел от нас — иди! Иди на х... (меня так женщины научили сказать). И словно ветер прошел: дверь схлопала — и никого не стало.

А на сороковой день я боялась проспать квашонку. И вот вижу сон: на печи бы мы с соседкой спим, а он бы между нами лезет.

— Куда это ты?

— А вам пора вставать.

Я встала — а квашонка уж подошла.

(Записано от М. Н. Суслопаровой)

Муж тащит жену за ноги

У моей свекровушки Екатерины Николаевны было два сына. Ей не было еще и тридцати лет, знать-то, когда ее муж умер. И вот он к ней стал ходить. Она поддалась — он и ходил. И что у ней творилось... Вот золовки и деверья сидят все в избе. Вдруг ведра в сенях загремят, покатятся. Выйдут: ведра стоят смирнехонько. Или вот ровно рвет крышу. Посмотрят — ветра нет, все тихо...

Сын ее — мой шурин (тогда еще парень) и говорит матери:

— Что про тебя-то говорят! Если это правда, я даже хлеба твоего есть не буду!

Выследил он все дело. Мать на печи лежит против двери — и вот в полночь дверь открывается, и входит отец. Схватил мать за ноги и давай тащить. Она закричала. Парень матерок закрутил (как научили), схватил кочергу и бьет. Как хватит — так и падет вперед на пол: пусто перед ним, никого нет. А поднимется — снова отец стоит. Он опять маты завязыват, опять бьет — пусто, встает — отец перед ним...

Это он мне сам часто рассказывал. Как выпьет, так и рассказывает: «Бью — пусто, встаю — отец стоит!»

К матери его потом привозили бабушку на лошади, лечили ее и вылечили. Покойник не стал ходить.

...А не всех вылечивали.

Даша Ерохина схоронила мужа. При всех, бывало, ругат его: чтоб ты пропал! А как умер, стала тосковать, и он стал ходить к ей. Люди стали замечать: отворит ворота и машет рукой, прощается. Дорога из ее ворот идет прямо на кладбище. Это он идет по проулку на кладбище, а люди его не видят.

Так он ее и замучал. Умерла она вскоре после него.

(Записано от А. А. Петровой, с. Висим)

Мать летает к детям

Мне было лет десять. У Балкиных, брата с сестрой, умерла мать. Они по ней шибко тосковали. И вот мать стала к ним летать.

Как-то ночевали у бабушки Агафьи; в семь утра бежим от нее, глядим — перед нами горящая головешка летит, искры так и сыплются! Куда она полетит? А на крышу Балкиных пала и рассыпалась.

Мы потом бабушке Агафье рассказали, а она:

— Значит, правду люди говорят...

Это уж я самовидец.

Эти ребятишки спали со своей бабкой. И вот ночью она их держит, а их все равно с постели тащит. Вот кака сила!

(Записано от А. А. Петровой)

Мать забрала ребенка

Мать умерла и оставила грудного ребенка. А ее родная сестра — она мне своя была — день и ночь сидела возле зыбки, качала, вся измучилась, ребенок все плакал. Вот она и вскричала:

— Господи! Когда же это кончится!

И слышит голос своей сестры:

— Потерпи еще немного, я ребенка на днях заберу. А сейчас покормлю, успокою.

Ребенок стал сосать губками будто грудь и заснул. Через несколько дней он умер.

(Записано от Людмилы Хабаровой, 1936 года рождения, село Висим, июль 1991 года)

Ну, чем не баллада Жуковского? Интересна ритуальная роль мата, отгонявшего нечистую силу: отголоски древней магии.

3. НЕЖИТЬ

Леший унес

В сутках есть роковой час, может быть, даже только одна минута, когда нельзя поминать нечистую силу...

Девку послали в сени, а она там задержалась. Вот ее ждали-ждали, а отец возьми и скажи: что ее, леший что ли унес? Вышли в сени — девки нет. Всю ночь не было. Утром вышли из избы — а по-за огородами на снегу огромные, двухсаженные следы. Пошли по ним и вышли на опушку леса. Там девка в расщелину меж двумя стволами сросшимися засунута, уже мертвая, как была — в платье, простоволосая...

Бес посватался

Девка одна была и красавица, и работница, но все свадьбы — мимо, женихи — мимо. Никто не сватается. В сердцах она и скажи: «Хоть черт посватается — пойду!» И в тот же вечер кони вороные подкатывают ко крыльцу, и трое заходят в дом, в черненых полушубках, в шапках. Шапок не снимают. И вот сватают одного: молодой, чернявый, собой хорош. Мать девушки поклонилась гостям в ноги, да и заприметила у жениха-то неладное... Вынесла мать икону и осенила ею дочь и жениха — так все гости в прах и рассыпались... А это она копыта у жениха-то заприметила, когда ему в ноги поклонилась: ей-то неладно показалось, что шапок они не снимали.

Повитуха у беса

А другую девку вот так-то и замуж выдали. Когда сватали, поставили условие: сейчас же увезем. Увезли — и с концами, никто ее больше не видел.

А у них в соседях жила бабка-повитуха, ее хрёсна. Вот в полночь кони вороные остановились у крыльца, и входит в дом чернявый, молодой, собой красавец, в черном полушубке, в шапке:

— Поедем!

— Надолго ли?

— Не знаю, как родит.

— Ак ведь печь не истопилась, труба не закрыта.

— Все будет управлено, не бойся. Собирайся скорее. Деньги дам больше.

Она и согласилась: видит, он все одно не отстанет.

Конь летит без дороги, только храпит. Сперва-то знакомые луга были, а потом пни да буераки, да овраги, уж света белого не видать. И вот стал конь как вкопанный. Частокол с острыми кольями. За ним терем. А в тереме-то молодуха рожает. Повитуха и узнала крестницу. Роды были тяжелые, повитуха приняла мальчика. Вот чернявый и говорит:

— Будешь жить здесь две недели, пока она не поправится. (А роженица это время ходит по краю, между жизнью и смертью.) Повитуха осталась. В доме том никого нет, кроме роженицы да хозяина, слуг не видно, а стол к обеду накрыт кем-то невидимым богато: все питья-яства наставлены, а после все чисто убрано.

— Хорошо тебе тут живется, крестница?

— Хорошо, только одиноко.

Через две недели хозяин повез повитуху обратно. Днем повез, а как выехали за частокол — вдруг темно сделалось. Ночью и домой привез. Вошли в избу — а там как топилась печь, как догорало сосновое полешко — вот-вот догорит и рассыплется, как кот лакал молоко из блюдечка — так и доедает. Будто прошла всего-то одна минута, как они уехали... Хозяин повитуху богато одарил и наказал никому не говорить о том, где она была. «Только скажешь — умрешь».

Она всю жизнь молчала, а перед смертью рассказала.

(Все три последних сюжета записаны в июле 1991 года в г. Богданович Свердловской области, от Хлыстиковой Антонины Михайловны, 1950 года. Рассказы она привела по памяти со слов своей матери, уроженки деревни Каменный ключ Пермской области.)

* * *

Предыдущий выпуск мифологической прозы («Родина» № 4 за 1991), который назывался «Нечистая сила», хотя правильнее было бы его назвать «Неведомая сила», т. к. речь там также и о силе крестной — необходимо дополнить.

Сюжет «Бог наказал» представляет собою один из вариантов легенды о странствованиях Спасителя и апостолов по земле в нищенском, странническом виде. Варианты легенды опубликованы в книге А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды» (Казань, 1914 г.) и перепечатаны недавно в книге серии «Библиотека русской фантастики», том 2 — «Звездочет». Приведенный в «Родине» № 4 вариант является оригинальным, хотя и менее выразительным, чем яркие и сочные фольклорные записи прошлого века.

АЛЬФРЕД ТУЛЬЧИНСКИЙ

МИКЕЛАНДЖЕЛО ЖИВЕТ ВО ФЛАШИНГЕ

Никогда за столетнюю историю русских в Америке ни один еженедельный журнал не имел на обложке номера 450. Никогда, за сто лет жизни русских в зарубежье, ни одно еженедельное издание не разошлось таким тиражом — более двух миллионов экземпляров! И еще один удивительный факт: делается этот журнал практически в одиночку — выходцем из России.

Я всегда считал себя счастливым человеком. По двум причинам: первое — я никогда не делал работу, которая была мне не по сердцу. Второе — мне всегда хватало того, что я имел. Я прожил жизнь ТАМ, не дав ни разу взятки, не унизившись ни перед кем. И менять себя в Америке было не только абсурдно, это было невозможно. Не говоря уже о том, что здесь никто из нас коренным образом не изменился: просто хорошие стали втрое лучше, плохие — в сто раз хуже.

Я приехал сюда, не имея ни одного надежного знакомого. Начинал жить «на ощупь», плохо зная английский. Вот почему я твердо решил в первое время не подходить близко к русским изданиям: сначала надо бы сориентироваться, осмотреться и хоть немного изучить язык. У меня было устойчивое, хоть и наивное, желание — стать американцем, а не тянуть с собой тяжелый воз русских проблем и ментальности. Мог ли я знать тогда, что это абсолютно невозможно?

До сих пор у меня на стене в рамке висит первый чек, полученный в Фар Рокэвее, где я работал в бригаде «арт-терапевтов». Это красивое слово означало вот что: приходилось каждый вечер лечить искусством настенной (хорошо еще, что не наскальной!) живописи группы пожилых душевнобольных. Работа была адовой, но я вдруг понял, что даже почти без языка нахожу контакт с этими по-своему счастливыми людьми, не подозревающими о нашем «нормальном» мире с его проблемами, не менее страшными, чем их проблемы... Через год, когда я ушел с этой работы и переехал в Форест Хиллз, Квинс, состоялось мое знакомство с Михаилом Моргулисом. Что и кто бы о нем ни говорил, он очень добрый человек, помогавший в ту пору самым разным людям. Не знаю, откуда в нем появился «зуд» к издательской деятельности, тем не менее, он предложил мне начать выпускать вместе с ним маленькую газету «Литературное Зарубежье», которая поначалу была органом Нью-Йоркского клуба писателей. О клубе говорить ничего не могу, потому что не знаю его точного назначения...

Газету мы все-таки сделали, и, кажется, неплохую — при имевшихся очень малых средствах. Со дня выхода в свет этой газеты и началась моя профессиональная жизнь (точнее — школа!) в Нью-Йорке, потому что именно в тот день я впервые понял, что есть что...

Когда-то, отправляясь работать в Арктику на самую северную в мире Норильскую студию телевидения, я был уверен, что там, где люди живут в исключительно трудных условиях, они должны быть теплее, добрее и лучше, чем те, кто живет на материке в «нормальных» условиях. Позже я понял, почему заблуждался. Но, видимо, северный урок меня мало научил, потому что, отправляясь в Америку, я почему-то тоже думал, что здесь люди должны вести себя не так, как в Союзе, ведь здесь — «чужой монастырь», где при полном незнании местных законов и языка иммигранты вынуждены держаться друг друга с единственной целью — поддерживать и согревать ближнего, того, кто рядом...

После выхода в свет двух выпусков «Литературного Зарубежья» меня пригласили работать в «Новое русское слово» («НРС»). Была весна 1980 года. Функций у меня там было много, зарплата — ничтожно малая, но любые перегрузки и безденежье можно было бы вынести, если бы не атмосфера в редакции. Она была лично для меня настолько трудной, что я задал себе простой вопрос: для чего ты приехал в Америку — чтобы получать каждый день новые огорчения?.. И, проработав два года, я ушел «на улицу», в никуда. Работая в газете, я не имел возможности оглянуться и не имел понятия о том, что в Америке никто не уходит просто так: не подготовив следующее место работы. А я ушел — просто так, ни с кем не поругавшись. Наоборот — со всеми обнявшись. Ушел по своему желанию, кажется, первый за всю долгую историю газеты.

Надо было как-то жить. Даже не жить, а — выжить. Помню, я писал в «Панораму», в «Новый американец», но спасение не приходило... Пробовал работать для американских пресс-агентств, получалось малоэффективно, мешал языковой барьер... В то время, кстати, выходило несколько еженедельных изданий, но они издавались как-то «нервно», скачками, появлялись и вскоре исчезали. Я наблюдал этот процесс как бы со стороны и не мог понять, почему люди, не имеющие никакого опыта в журналистике, так упорно тянутся к издательскому делу? Вывод напрашивался самый простой: многие не могли справиться с амбициями и мечтали видеть свое имя напечатанным на любой газетной или журнальной полосе. Дело не в том, что выходили и тут же закрывались издания: никто из делавших попытки не задумывался о том, что они губят ИДЕЮ, приносят непоправимый вред культуре издательского дела, вызывая у читателя справедливое раздражение и недоверие к каждому появляющемуся на свет журналу. Моя память не в силах вместить все названия, появлявшиеся на издательском небосклоне Нью-Йорка, но почему-то помню журнал с убийственным названием «Мася», в котором было мало печатных слов, все больше непечатные. Помню уникальное событие: перед выходом в свет «женского» журнала был устроен грандиозный бал, и, видимо, в него и ушли все творческие силы его создательниц, которым было не стыдно уже в третьем, последнем, выпуске исправлять ошибки шариковой ручкой. На мой вопрос, заданный одной из создательниц этого журнала: «Как можно так не уважать читателя и исправлять ручкой по типографской печати?», прозвучал ответ: «Ничего, и так сожрут». Не сожрали. Не приняли. Потому что есть только один способ вызвать к себе уважение читательской массы — не считать их всех глупее себя, как это делали многие. Сразу же «сгорали» те издатели, кто сначала брезгливо произносил что-нибудь о «брайтонской публике, для которой стыдно писать»... Понятно, что слово «Брайтон» на языке наших многих интеллигентов означало нечто местечковое, недостойное их высокого стиля и образа мыслей. Я уверен, что внутри Садового кольца в Москве и в районе Гостиного двора в Ленинграде тоже достаточно местечковой публики. А где-нибудь в деревне Роскошка под Ярославлем есть вполне интеллигентные люди.

О том, что наши амбиции часто «перевешивают» все остальные качества, общеизвестно. Откуда это пошло, теперь никто и не вспомнит. Десять лет назад, с кем ни поговори, каждый приехавший казался главным врачом, главным инженером или народным артистом. По этому поводу я не могу не вспомнить уникальную историю, случившуюся со мной в Италии. В Риме я три недели работал в Отделе переводов анкет иммигрантов. Там мне в руки попала анкета одного ленинградца, который в графе «образование» написал черным по белому: «Окончил Ленинградский МГУ». Какой, скажите, сатирик способен придумать такое прекрасное сочетание?! Но в нем, как в капле воды, отразилась вся наша амбициозность, принявшая массовый масштаб. Поэтому было вполне понятно, откуда амбиции у людей, склонных или близких к творческим профессиям.

Не могу не вспомнить удивительный случай, происшедший в самом начале 1984 года. Как-то вечером в мою маленькую квартиру-студию на 64 авеню пришел интеллигентный с виду, аккуратненький человек, оказавшийся скульптором с Украины. Едва переступив порог, он произнес такой монолог: «Знаете, я создал шедевр, от которого американцы должны буквально сойти с ума. Поэтому я прошу, чтобы именно вы написали обо мне в «Нью-Йорк таймс», а назвать очерк можно так: «Микеланджело живет во Флашинге». Не знаю, откуда нашлись у меня силы сдержаться при таких словах. Но «Микеланджело» был так настойчив, что отказать ему хотя бы в знакомстве с его шедевром я не смог. Поехали во Флашинг, где моему взору предстала громадная обнаженная белоглиняная девушка, американка по месту жительства, родная сестра дарницких «девушек с веслом».

После того случая я дал себе слово: если когда-нибудь напишу книгу о нашей жизни в Америке, то она будет называться так, как просил утонченный лирик-скульптор — «Микеланджело живет во Флашинге».

Однажды я проводил в воскресном клубе встречу с полным составом только что родившейся редакции газеты «Новый американец». Это было их первое публичное появление и «проявление». Все десять человек были исключительно торжественны, вели себя в соответствии с предназначенной миссией и говорили, что хотят сделать первую настоящую еврейскую газету, без которой иммиграция задыхается... Гости вели себя со скромностью гениев, на которых было дозволено поглядеть простолюдинам. Половина десяти имела раньше какое-то отношение к прессе. Остальные верили, что могут делать все не хуже других. Их энтузиазм при финансовой поддержке со стороны должен был дать отличные плоды. Но случилось так, что довольно скоро «машина» дала сбой, который читатели заметили не сразу. А когда заметили, было поздно, «Новый американец» в первом варианте распался.

Наблюдая весь процесс с самого начала, я не мог представить себе, что это издание, вернее, его люди, сыграют важную роль в зарубежном издательском процессе. Было немного странно видеть, как с самого начала участники редакции «НА» шумно и без тени сомнения буквально «назначали» друг друга заместителями классиков и уже заговорили о «наших Герцене и Огареве», отметили и своего «Чехова», появился зам у Достоевского. Довольно долго держалась вакансия на должность Толстого. Занять ее никому так и не удалось — редакция захирела, а потом и совсем распалась. Позже создатели «Нового американца» были «перетасованы» во всех возможных издательских «колодах», но остаться сильной творческой единицей при довольно хорошем начальном потенциале они не сумели.

Больше того, трения и сопутствующие этому процессы в «НА» перешли в ожесточенную войну с «Новым

В прошлом году редакция познакомила читателей с наиболее значительными эмигрантскими изданиями: «Новый журнал», «Континент», «Посев», «Синтаксис», «Собеседник»... Сегодня у нас в гостях главный редактор журнала «Калейдоскоп» (США).

русским словом», которое никого трогать не собиралось и занималось своим ежедневным делом. Кто выиграл в той войне? Никто! Кто проиграл вчистую? Читатель. Огромная масса людей, только начавшая осваивать новую землю, учившаяся делать первые шаги по Америке, всерьез понадеялась на людей, открывших «НА», ждала от них поддержки. А получила, в результате, удар под ложечку.

Начался 1982 год. Я искал выход, понимая, что ни за что не начну никакого нового издания в компании с другими. Во-первых, «других» профессионалов было очень-очень мало, во-вторых, я усвоил важное правило: не дай Бог здесь запачкать имя в каком-то скандале — в Америке не спасут никакие деньги, если имя девальвировано.

О ежедневной газете не могло быть и речи. Еженедельник? Но как в одиночку его делать, не имея ни цента, ни надежной помощи? И какой еженедельник? Какой людям нужнее? Интереснее? Я ведь понимал, что имею дело с очень сложной читательской аудиторией, имеющей колоссальный диапазон вкусов, настроений, критериев... Я отдавал себе отчет в том, что ни при каких обстоятельствах невозможно собрать под одной обложкой материалы, чтобы они ПОНРАВИЛИСЬ СРАЗУ ВСЕМ. Это исключалось!

Я терялся в догадках и уже был склонен к мысли, что идея издания собственного журнала абсурдна, но вдруг, в какой-то момент, нашел «ключик» к решению собственной загадки. Внимательно наблюдая за выходившими в свет изданиями, я увидел одну очевидную закономерность: большинство пишущих лезло из кожи вон, чтобы застолбить свое имя в иммигрантских писательских святцах и, главное,— чтобы выглядеть оригинальнее, чтобы УДИВИТЬ НАРОД СЛОВОМ. Это было их заблуждение, хотя амбиции никому не возбраняются, тем более — людям творческим. Считая себя человеком счастливым, начисто избавленным от подобных амбиций, я решил пойти по иному пути: НЕ УДИВЛЯТЬ НИКОГО СЛОВОМ, а НАХОДИТЬ ТАКИЕ СЛОВА, которые могут помочь людям в этой трудной, порою опасной, жизни. Кроме того, я знал, что наш читатель еще в Союзе устал от канцелярской, сухой газетной лексики, поэтому и язык общения с ним тоже должен быть другим, более ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ.

Почти десять лет работы на телевидении привели меня к мысли: выступая с экрана, ты, независимо от размера аудитории, как бы говоришь с каждым один на один. Тот же метод я решил применить и в журналистике, то есть — писать телевизионным, живым языком. Итак, вторая составляющая была тоже найдена — манера разговора.

С третьей было сложнее — о чем говорить? Я подумал: если создавать журнал, то только такой, чтобы он был полностью посвящен ПРОБЛЕМАМ ЧЕЛОВЕКА. Человека вообще — и здесь, на Западе, и там, в России, и в других, менее понятных нам частях света. Я понимал, что людям надо спокойно, без излишней, навязчивой дидактики открывать мир, в котором они живут, независимо от того, хорош он или плох... Самым трудным было то, что я не делился своим замыслом ни с одной живой душой. Только приятель, электронщик по профессии, бывая у меня, знал, что я готовлю. «Кому нужен твой Человеческий или Человечный журнал? — издевался он.— Ты что, не видишь, что большинство приехало сюда не за человеческим словом, а за удобствами?»...

Я сопротивлялся его выпадам, а сам, оставаясь наедине со своими мыслями, думал: и правда — какому числу людей может быть интересно то, о чем я хочу с ними говорить? Ведь от этого зависела экономическая сторона бизнеса, о котором я тогда не имел вообще никакого понятия. Ну хорошо, рассуждал я: в Нью-Йорке живет около ста тысяч наших иммигрантов. Даже если представить худшее — что восемьдесят тысяч из них заняты устройством, еще десять читают только по-английски, а другие пять тысяч не читают по-русски, то все-таки оставалось пять тысяч, ради которых, я уверен, стоило работать и рисковать.

И вот в декабре 1982 года настал момент, когда надо было «открывать свои карты». Первыми, кто узнал о моем замысле, были Лена и Сергей Довлатовы. У них дома я рассказал о своем плане, и через несколько дней Лена стала набирать журнал, автоматически превратившись в моего первого сотрудника.

Почему я дал такое название журналу — «Калейдоскоп»? Примерно месяц я искал название, перебрал больше десятка, а в результате остановился на этом: во-первых, калейдоскоп — это старинный, симпатичный оптический прибор с постоянно меняющимися образами, во-вторых, это слово одинаково звучит по-русски и по-английски. Калейдоскопичность образов и тем освобождала меня от обязательных, раз и навсегда заведенных рубрик. Я придумал новый формат и размер журнала, потом его переняли все остальные, шедшие следом...

За неделю до выхода первого номера мою квартиру обокрали — я выходил к Довлатовым на пятнадцать минут, не больше. Вернувшись, застал свой более чем скромный дом разгромленным: воры ушли через окно в кухне и пожарную лестницу до моего возвращения. К счастью, «бумаги» не тронули, и подготовленный для типографии выпуск уцелел.

Не могу передать вам свое состояние в момент, когда в январе 1983 года увидал оттиск первого номера. Помню только, что сначала я не столько обрадовался, сколько понял свою обреченность, почувствовал, что пути назад нет и что отныне каждый вторник к полуночи надо сдавать очередной выпуск в китайскую типографию «Линко», знакомую любому хоть раз касавшемуся русского издательского дела.

Скажу сразу: в течение примерно года я не знал ни одного выходного дня. Буквально ни одного! Первые недели были совсем необычными: с одной стороны, я, сжав кулаки, работал, искал путь для журнала, а с другой — я знал, что на меня обращены сотни любопытных глаз, в которых были вопросы: когда прекратится этот нелепый эксперимент? когда он сломается? — ведь нельзя же поверить, что он продержится физически... Все думали, что я вот-вот сломаюсь, а я только «закалялся», у меня по ходу дела крали идеи и темы, устраивали бойкоты с рекламой, изустно обливали помоями клеветы, а я ни разу не отвечал на выпады.

Я не очень верю в принцип подставления второй щеки, если ударили по первой. Но я не мог и не хотел отвлекаться, тратить энергию на нелепую борьбу, нужно было сберегать силы... Я понял тактику неприятелей: они старались выбить меня из равновесия частыми телефонными звонками, тексты которых я, конечно, передать на бумаге никак не могу. Бывало и хуже: в один далеко не прекрасный вечер пропороли ножом шины автомобиля, развозившего мой журнал.

Старались вовсю и писатели. Выступая в разных городах Америки, они не скупились на слова, объясняя публике — всерьез о моем журнале и говорить нечего. Один дошел до того, что в Торонто на своем вечере сказал, что видел в Нью-Йорке, как в «Калейдоскоп» заворачивают завтрак...

А тут как раз вышел номер «Журналистского ревю», изданного Колумбийским университетом. Прочитав там название моего журнала и узнав у кого-то, что «его выпускает практически один человек», профессор М. напросился ко мне в гости, потому что он не мог поверить в подобную информацию. Он приехал, рассказал, что занимается историей издательского дела два десятка лет и практически исключает возможность «продолжительного выпуска еженедельного журнала

одной творческой единицей». Пришлось показать ему все операции подготовки журнала к печати — от «А» до «Я». «Видите ли,— говорил он,— я не могу рассказать кому-либо из коллег о том, что я здесь видел, потому что меня посчитают лгуном. Извините, но это так».

Он пожелал мне всяческих благ и сохранения сил, обнял на прощание и ушел. Через секунду раздался звонок в дверь. «Я забыл задать последний вопрос: назовите мне имя безумца, поверившего в вашу затею и давшего вам «секьюрити мани», то есть несколько сотен тысяч долларов, чтобы продержаться хотя бы первые полгода?» «У меня не было ни цента,— сказал я в ответ,— и моя соседка и приятельница, чудесная и сердечная Рита Кунцевич, заняла триста долларов на печать первого тиража, первой тысячи журналов».

Он снова назвал меня безумцем и убежал. Я был благодарен ему за урок, потому что с того дня никакие критики или обозреватели со стороны американцев меня уже не интересовали.

Вскоре произошло важное событие — вышла еще одна ежедневная газета. Многие вздохнули: может, хоть теперь монополисты из «НРС» зашевелятся, ведь появилась конкуренция... Ничего не случилось, к сожалению, новая газета не смогла продержаться. Но кто, скажите, дал ежедневной газете П. Палея и Е. Рубина самую первую рекламу? «Калейдоскоп»!

В начале второго года жизни моего журнала «Новый американец» был уже у смертного одра. Побывав у разных хозяев, он «переплыл» Гудзон и оказался в Нью-Джерси. Как-то мне позвонил В. Добров и пригласил для «серьезного разговора». Помню, мы встретились с ним и его соиздателем Джозефом Шнебергом в Гринич Виллидж. Они сказали мне дословно следующее: «Новый американец» умирает. Мы хотим его спасти, тем более что солидная американская компания берет нас на довольствие. Мы перебрали все варианты и абсолютно уверены — в Нью-Йорке нет ни одного профессионала, кроме тебя, кто бы мог спасти газету. Поэтому предлагаем, мы берем на себя всю техническую сторону издания «Калейдоскопа», освобождаем тебе минимум три дня в неделю, а за это ты становишься главным редактором «Нового американца» и ведешь сразу два издания»...

Я подумал, что для меня это временный выход из положения. И промелькнула мысль: попробую довериться, а вдруг они окажутся приличными людьми?! Я согласился.

Через несколько дней я приехал работать в Нью-Джерси со своей единственной помощницей, которую только-только принял на работу и мало знал. Моих новых партнеров, вернее, их «приличия», хватило ровно на две недели. Сначала они подкупили мою нестойкую помощницу, а потом пытались дважды сорвать выпуск «Калейдоскопа». Ценой адовых усилий мне удалось спасти мой журнал от саботажа, и в день, когда в их редакции уже был готов для меня отдельный кабинет, я покинул их навсегда, ничего не выясняя, не ругаясь, просто стараясь забыть их имена.

На очень короткое время я случайно оказался единственным человеком, побывавшим одновременно редактором двух известных всей эмиграции изданий, при этом чудом избежал ловушки...

После этого «НА» был перелицован в «Журнал».

Это был мой последний «живой» контакт с так называемыми коллегами в Нью-Йорке. Остатки веры в чью-то человечность отпали. Я ушел в полную изоляцию и понял, какое это счастье!

Но события не заставили себя ждать. Следующий удар пришел в виде созданной из боеспособных остатков первой версии «Нового американца» редакции журнала «Семь дней». Как мне тут же доложили друзья из «НРС», его создали специально, «чтобы убить «Калейдоскоп». Формулировка была вовсе не смешной, а скорее грустной. Силы в «Семи днях» были солидные, но я решил не изменять своей политике: никак на это не реагировал, а делал свое дело. Время тогда было «плодотворное», и люди, не спавшие по ночам из-за дефицита печатной славы, выпустили на русский рынок еще несколько разных журналов.

Еще через короткое время последовало «мщение» того же «Нового американца». В одном из номеров они напечатали «письмо читателя» следующего содержания: «Я не раз бывал в гостях у Тульчинского,— писал его автор,— и видел, как этот человек-оркестр, сидя на кухне среди грязных тарелок, делает свой журнал»... Легко понять, что я никогда не видел в глаза «автора» этой мерзости, но беда не в нем (в Америке человек может писать или говорить безнаказанно все что угодно!), беда была в издателях «НА», позволивших себе поместить подобное письмо на своих страницах. Вскоре «Новый американец» прекратил свое существование навсегда.

После этой истории меня больше всего занимала мысль: почему нужно обязательно стараться «убить» другой журнал? Почему на Западе нужно жить с такими мерками и настроениями, игнорируя единственный справедливый закон о свободной конкуренции? Кого сделало более талантливым желание «убить» конкурента?

Я напомню исторический факт: в Берлине, где было очень много русских иммигрантов (хоть и гораздо меньше, чем сейчас в Нью-Йорке), в двадцатых-тридцатых годах выходило больше сорока ежедневных русских газет!!! И все как-то жили! Никто никого не «убивал». А в громадном Нью-Йорке невозможно издать хотя бы вторую ежедневную газету. Сейчас я могу признаться, что в течение последних пяти лет ко мне обращались четыре группы разных людей с просьбой создать газету, альтернативную «НРС». Они не скупились на деньги, предлагали любую сумму. Но я твердо отказался, потому что газета — это серьезное дело, и делать ее нужно в компании единомышленников, людей приличных и надежных, а такую компанию собрать в Нью-Йорке пока что невозможно. К нашему общему огромному сожалению. Я давно утвердился в мысли: если бы здесь, в США, выходило десять РАЗНЫХ еженедельных русских журналов, то их бы читали с удовольствием. Интересных тем и направлений на свете много, но зачем ломать голову, когда можно безнаказанно «одалживать» то, что рядом лежит...

Выходцы из России страшно разбросаны и разобщены. Никакие мои усилия изменить что-то пока не приносят видимого успеха, но я все равно верю, что при каких-то обстоятельствах произойдет взрыв, который заставит нас придвинуться друг к другу.

Помню, в 1984 году, во время Олимпиады в Лос-Анджелесе, меня пригласили на местное русское радио, и во время интервью какой-то слушатель по телефону попросил меня ответить на вопрос: «Как бы Вы могли одной фразой охарактеризовать жизнь иммигрантов из Союза в Америке?». Я ответил так: «Русская иммиграция — это как бы громадная деревня, у которой все до единой хаты с краю». И сейчас, через шесть лет, этот образ остается в силе, хотя я знаю: это плохо, незаслуженно и абсурдно для такой массы энергичных, образованных, много повидавших и страдавших людей. Я никогда не ставил перед собой глобальные задачи, поэтому полностью уверен в том, что за почти восемь лет «Калейдоскоп» никогда не изменял направления и всегда хоть чуточку, но помогал многим поддерживать в себе или близких душевное тепло и человечность.

Когда-то один очень мудрый старый человек, проживший в Америке больше пятидесяти лет, сказал мне: «Запомните, молодой человек, я видел здесь самых разных людей с нашей родины. Многие могут вам посочувствовать, когда у вас беда, многие могут даже помочь, но успеха вам не простят никогда».

«Великий немой»

Кинооператоры — люди бывалые, им есть что вспомнить, о чем рассказать. В этом нас убеждают и воспоминания одного из первых русских операторов — Ивана Сергеевича Фролова, начавшего работу в кино в 1907 году и снявшего за полвека служения кинематографу более ста фильмов.

На его глазах, при его активном участии, зарождалось русское кинопроизводство. Этому посвящены многие страницы его воспоминаний, написанных более 30 лет назад и до сих пор не опубликованных, за исключением главы «В Ясной Поляне», где автор рассказывает о киносъемках Л. Н. Толстого *.

Да, не каждому оператору приходилось начинать самостоятельную работу с таких высот — съемки великого писателя и мыслителя. Как явствует из воспоминаний, идея этой первой съемки Л. Н. Толстого также принадлежит Фролову. Приехав со своим шефом, известным кинопредпринимателем А. Дранковым, Фролов провел первую киносъемку Л. Н. Толстого на балконе его яснополянского дома в знаменательный день 80-летия великого писателя. Толстой в те дни болел и попросил вывезти его на балкон в креслесамокате. Фролову удалось запечатлеть улыбку Толстого, когда он, слегка покачивая головой, что-то говорит своей жене...

Как же мы благодарны оператору за эту съемку, и как возрастает ее эмоциональное напряжение, когда читаешь строки Толстого из его обращения к «людям-братьям», написанного тогда же, в августе 1908 года, буквально за неделю до съемки:

«Жизнь мира, человечества всего, как она идет теперь, требует от нас злобы, участия в делах нелюбви к одним братьям ради других, не дает блага ни другим, ни нам. Милые братья, ради вашего блага, сделайте это: усомнитесь в той, кажущейся вам столь важной, внешней жизни <...> — все это ничтожные и жалкие пустяки в сравнении с той душой, которую вы осознаете в себе <...> Живите только для нее и ею, той любовью, которой она зовет вас...»

Вот так, немые кадры, снятые Фроловым, в соединении с голосом души великого писателя создают эффект звуковой съемки, до которой тогда, в 1910 году, было еще так далеко.

О том, как совершенствовался в своей профессии Фролов, говорит его послужной список — фильмография его работ, как бы мы сказали сегодня. Это фирмы Ханжонкова и Дранкова, контора «Кинолента», «Русское кинематографическое товарищество», Торговые дома «Варяг», «Русь» и др.

В «Руси» Фролов попал в ситуацию, о которой следует рассказать. Это дополнит воспоминания оператора, внесет еще один штрих в наше представление об атмосфере кинематографа той поры. Начиналась эта история «за здравие» в буквальном и переносном смыслах. В «Руси» запускалась картина под весьма впечатляющим названием «Жизнь рвет цветы, чтобы смерти сплести венок». Владелец «Руси» — костромской купец Трофимов, человек религиозный, перед началом съемки устроил в павильоне молебен, пригласив попа и архимандрита. Отслужили службу, выпили за успех дела, и на другой день приступили к съемкам. Оператором фильма был Фролов.

Когда часть фильма была отснята, Трофимов предложил посмотреть материал на экране. Погас свет. Прошла минута, другая, но изображение на экране не появилось. Так продолжалось до конца ролика. Оказалось, Фролов купил у дельцов бракованную пленку, на начало же рулона была подклеена качественная пленка. Так дельцы провели оператора. Трофимов был во гневе. Здесь же в кинозале он заявил, что картину он закрывает (и действительно закрыл), а Фролов, если где с ним встретится, чтобы переходил на другую сторону. Так зрители и не увидели картину «Жизнь рвет цветы, чтобы смерти сплести венок».

Но Трофимов был человеком отходчивым, влюбленным в кинематограф, мастерство Фролова, замечательно снявшего первый фильм «Руси» — «Дочь истерзанной Польши» («Культурные варвары XX века»), ценил, и содружество их продолжалось и дальше.

Каких только фильмов не довелось снимать Фролову в те годы! Здесь исторические фильмы: «Владимир Красное солнышко» и «Взятие Азова». Здесь экранизации литературных произведений: «Палата № 6» по Чехову и «Душа волжанина разбита» по повести Горького «Фома Гордеев». Здесь много детективов: уголовно-приключенческий фильм из жизни купечества «Волжский дьявол», уголовная драма по материалам нашумевшего процесса известного в те годы авантюриста инженера Гилевича «Скальпированный труп», одна из серий о приключениях авантюристки Софьи «Сонька Золотая ручка».

Но особенно много в послужном списке Фролова драм (роковые страсти бушевали тогда на экране!). «Миллионеры» — «драма из купеческой жизни», «Княжна Дуду» — «пьеса из великосветской жизни», «Искупление» («Чаша жизни») — «любовная драма с убийствами», «Наследники Каина» — «жуткая раздирательная драма»...

Один из таких «великосветских» киносюжетов иронически запечатлен в известном стихотворении А. Блока:

...В кинематографе вечером
Знатный барон целовался
Под пальмой
С барышней низкого званья,
Ее до себя возвышая...
Все было в отменном порядке.

Приведем еще несколько названий ранних работ Флорова: «О, как убийственно мы любим», «Загубленная жизнь», «Девушка из подвала», «Сорванная роза».

Но Фролов работал не только в художественном кинематографе, его камера документально фиксировала подлинные события того времени: дело Бейлиса, финал Распутина.

Когда разразилась первая мировая война, фирма «Русь» откликнулась на эту трагедию драмой «Герои мировой войны братья Панаевы». Фильм рассказывал об офицерах гусарского ахтырского полка братьях Борисе, Гурии и Льве Панаевых, погибших на австрийском фронте. Как сообщала пресса, «сценарий составлен по подлинным письмам героев, фотографиям и собственным рисункам». Ставил фильм режиссер Е. Петров-Краевский, бывший трагик Петроградского народного дома, сыгравший роль Степана Разина в фильме «Понизовая вольница» («Стенька Разин и княжна»). Как известно, с этого фильма, снятого в 1908 году, ведет начало русский художественный кинематограф. Снимал фильм «Герои мировой войны братья Панаевы» кинооператор И. Фролов.

Некоторые из этих фильмов сохранились. Находятся они в Госфильмофонде, так что их можно увидеть и сегодня. Когда же экран возвращает нам «страсти» «Великого немого», это дает возможность поразмышлять о многом...

МАРК ВОЛОЦКИЙ,
киновед

* «Из истории кино». Документы и материалы. Выпуск 11. Москва. «Искусство», 1985, сс. 62—79.

ИВАН ФРОЛОВ

Кинофирма «ВАРЯГ»

...Как возникло это киноателье? Кто его создал и руководил им?

У фирмы «Варяг» были две хозяйки: вдова банковского воротилы мадам Штерн и владелица косметического кабинета мадемуазель Елизарьянц. Августина Савельевна Штерн унаследовала от мужа изрядное состояние, позволявшее жить широко и богато. Ее квартира занимала целый этаж в особняке у Никитских ворот. Вдова Штерн была доброжелательным, мягким, ровным и спокойным человеком, но тяжело больным. Ей было за пятьдесят. Кинопроизводством она занялась случайно.

У одинокой и скучновато жившей вдовы появилась приятельница и компаньонка, косметичка Сандухта Елизарьянц. Войдя в доверие к богатой женщине, она вызвалась быть ей «родной сестрой»: ухаживать, оберегать, лечить, помогать в ведении дел.

Но поскольку никаких дел у вдовы Штерн, по существу, не было, мадемуазель Елизарьянц предложила создать ателье по производству синематографических картин.

Так возникло «Товарищество «Варяг» с павильоном для съемок на Воробьевых горах и кинолабораторией в Денежном переулке. Хотя косметичка Елизарьянц не вложила ни одного своего рубля в создание фирмы, она считалась равным компаньоном нового предприятия.

Все сотрудники ателье с первых же дней возненавидели 56-летнюю «мадемуазель» Елизарьянц, опасались каждого появления старой девы, расточавшей потоки ругани, пускавшей в ход кулаки и потому прозванной «Салтычихой».

Косметичка, ставшая, по существу, хозяйкой кинофирмы, всегда и всем была недовольна, имела склонность каждого считать жуликом. Рабочих в павильоне называла дармоедами. Походя ругала и оскорбляла их, всегда старалась урезать заработок каждого сотрудника ателье. Средства, необходимые на постановку картин, она стремилась всячески сократить.

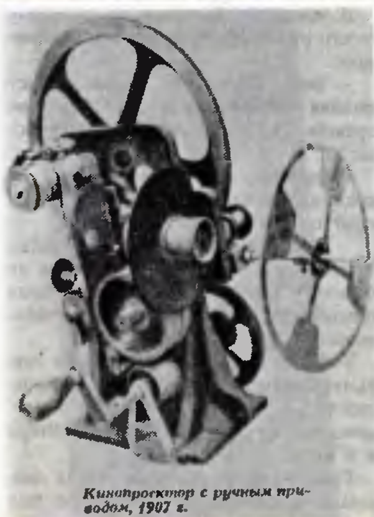
Ко времени моего прихода в ателье «Варяг» основная его владелица А. С. Штерн вложила в новое кинопредприятие значительную сумму денег. Сама она, в силу болезни, появлялась у нас редко, никогда никого не обижала, была со всеми приветлива.

...В павильоне, между тем, готовились к постановке «Именины Касьяна». Помимо натурных съемок, проведенных нами за четыре дня, предстояло снять ряд сцен в декорациях, изображавших крестьянскую избу и зал в особняке фабриканта.

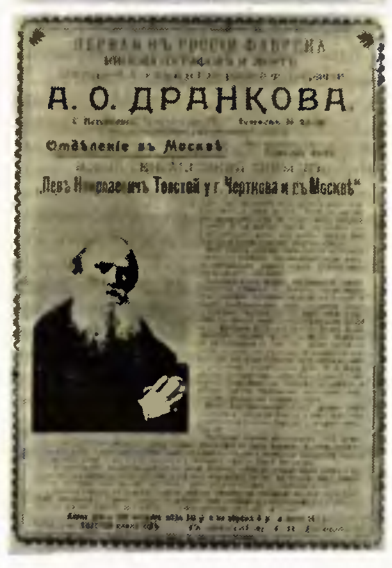
Уже заканчивалась установка декораций, все шло нормально, если бы не пресловутая мадемуазель Сандухта. Она буквально отравляла всем существование непрерывными придирками, руганью, попреками.

На беду нашу А. С. Штерн захворала и некому было утихомирить распоясавшуюся Сандухту.

Кинопроектор с ручным приводом, 1907 г.

Работа в ателье становилась невозможной, съемка обоих фильмов тормозилась. Что было делать? Пришлось нашему малоподвижному режиссеру Новикову нанести визит больной хозяйке и рассказать ей о проделках ее компаньонки.

Новиков ничего не утаил от мадам Штерн.

— Вашу сподвижницу ненавидят, называют ее Салтычихой, идолом, чертом в юбке и тому подобное. Она мешает нам снимать фильмы. Одно ее появление в павильоне заставляет людей разбегаться в разные стороны. Примите меры, пока не поздно...

По-видимому, между компаньонками произошло серьезное объяснение, после которого Сандухту Елизарьянц будто подменили.

Она внезапно стала очень вежливой и приветливой, готова была оказать любую помощь.

Узнав, что для съемки «бала у фабриканта» нужно обставить павильон дорогой мебелью и украсить его шикарной люстрой, компаньонка заявила, что позаботится об этом.

У одной из своих богатых клиенток косметичка выпросила на несколько съемочных дней необычайно красивую и дорогую люстру. У другой была взята роскошная обстановка гостиной. Больше того, энергичная Сандухта уговорила многих своих клиенток вместе с их мужьями принять участие в сценах, изображающих бал у фабриканта.

Скупая по натуре, она искренне радовалась возможности сэкономить некую сумму, причитавшуюся статистам.

Съемка «бала у фабриканта» была назначена на ближайший солнечный день. В павильоне не было искусственного освещения, снимали только при дневном свете и всецело зависели от погоды.

И вот настал день, когда мне впервые довелось самостоятельно снимать в кинопавильоне игровой фильм.

Богатая декорация, шикарная мебель, редкой красоты музейная люстра, сверкавшая в лучах солнца, проникавших сквозь стеклянные стены нашего павильона. Под звуки специально приглашенного военного оркестра танцевали богато наряженные в соответствующие платья и костюмы «дамы и кавалеры», не нанятые статисты, а состоятельные люди тогдашнего «света».

Сандухта Артемьевна ликовала: ведь это благодаря ей создана иллюзия настоящего бала, проходящего в столь богатой обстановке.

— Снимайте, Фролов, снимайте хорошенько! — говорила она мне.— Не каждому фотографу выпадает счастье снимать не каких-то жалких статистов, а настоящих аристократов...

Я всячески старался, чтобы кадры «бала» получились четкими, выразительными.

По окончании съемок ликующая мадемуазель Елизарьянц пригласила некоторых участников массовки в ресторан

Крынкина, находившийся вблизи нашего павильона, неподалеку от Москвы-реки. Там для высокопоставленных статистов был устроен обед, во время которого она поблагодарила всех приглашенных за их благосклонное участие в киносъемке.

Так завершился памятный мне день первой моей павильонной, весьма ответственной съемки.

На следующее утро была назначена киносъемка последних кадров в декорации «крестьянская изба». Утро выдалось дождливое. Я заехал в лабораторию, сдал в проявку негативы, где запечатлены были сцены «бала», зарядил кассеты и отправился с ними в павильон. Оба режиссера — Новиков и Чайковский — ожидали меня.

— Как получился бал? — в один голос спросили они.

Художника-декоратора Гвоздева тоже интересовали результаты вчерашней съемки. Если все вышло на ленте благополучно, значит, можно разбирать декорации «зал фабриканта».

Из лаборатории мне сообщили по телефону:

— Негативы проявлены, все в порядке!

Оба режиссера, художник, да и сам я тоже вздохнули с облегчением. Случись у меня неудача, вероятно, Сандухта разнесла бы нас в пух и прах.

...Дождь усиливался. Стеклянная крыша павильона стала протекать, вода заливала чужую мебель, выпрошенную для киносъемки. Рабочие начали ее спасать.

Павильон заливало все больше. Стекла наверху частично оказались разбитыми. Дорогая люстра, увековеченная в кадрах «бал у фабриканта», мокла так, словно она висела на улице.

Рабочим поручили снять ее с потолка и унести. Поставив по обе стороны люстры высокие стремянки, люди стали отвязывать ее от перекладины, затем начали спускаться по стремянкам с люстрой в руках вниз.

Здесь и случилась беда. Молодой рабочий, державший с одной стороны на металлической трубе люстру, поскользнулся на мокрой ступеньке, потерял равновесие и упал... Следом за ним упала и вдребезги разбилась люстра.

К несчастью, именно в этот момент вошла в павильон наша грозная Сандухта. Все замерли. Стояла полная тишина, нарушавшаяся лишь стонами лежавшего плашмя на мокром полу павильона паренька.

Увидев разбитую люстру, Сандухта потемнела. С искаженным от гнева лицом и сжатыми кулаками она подбежала к упавшему рабочему и с размаха ударила его ногой по спине.

Тот застонал, сделал попытку приподняться. Но тут совсем, видимо, потерявшая над собой контроль «мадемуазель» нанесла рабочему сильный удар ногой в бок.

Молодой парень, собрав силы, вскочил на ноги, подхватил обрезок толстой доски и швырнул его в хозяйку. В цель он не попал. Доска, пробив стеклянную стену, вылетела во двор.

Вслед за ней стремительно выбежала из павильона не ожидавшая для себя ничего доброго совладелица кинофирмы «Варяг». Она вскочила в ожидавшую ее извозчичью пролетку и велела гнать вовсю. Так она, пожалуй, уберегла себя от неминуемой расправы.

...Предстояло закончить съемку фильма «Именины Касьяна», перенесенную из-за дождя на другой день. К десяти часам утра нужно было начать работу.

В лаборатории уже печатали позитивы «бала у фабриканта», еще несколько дней требовалось, чтобы завершить работу над этим фильмом и выпустить на экраны первую продукцию кинофирмы «Варяг».

В павильоне все было подготовлено к съемке. Декорацию «крестьянской избы» установили в надлежащем месте, но помимо рабочих, гримера и художника никого на месте не оказалось.

В чем дело? Вызываю по телефону своего режиссера Чайковского, спрашиваю:

— Борис Витальевич, скажите, будет сегодня съемка или нет? Актеры не пришли. Вас тоже нет. Что происходит?..

Чайковский извиняется, что не успел предупредить об отмене съемки и сообщает последние новости.

— Оказывается, наша хозяйка мадам Штерн взялась за ум. Ничего сама не смысля в кинематографии, она решила обзавестись понимающим дело компаньоном.

Товарищество «Варяг», не успев еще выдать на гора никакой продукции, подверглось реорганизации. Фирма переименована в «Торговый дом А. Штерн и К°».

Сандухта Елизарьянц не вошла пайщиком в кинофирму. Вместо нее был взят в компаньоны опытный кинематографист Константин Маркович Бреннер.

Едва только я повесил телефонную трубку, раздался звонок.

— Здравствуйте, господин Фролов. С вами говорит Бреннер. Очень прошу вас поскорее закончить съемки фильма «Именины Касьяна». Нам с вами предстоит немедленно приступить к новой работе. Надеюсь, вы не откажитесь... Теперь мы наладим производство как следует...

Новый совладелец нашей кинофирмы предложил поставить инсценировку повести А. П. Чехова «Палата № 6». Постановку поручили тому же Чайковскому, операторскую работу — мне. Главные роли исполняли А. Бестужев, Н. Алексеев, А. Неверов. Работа над фильмом заняла около месяца. Это был для того времени срок немалый.

Кинорежиссер Чайковский очень внимательно подходил к фильму. Он много времени уделял репетициям. Если видел, что исполнители утомлены и роли у них получаются недостаточно четко, спокойно предлагал:

— Давайте-ка отложим съемки на завтра. Отдохнете, продумаете все и получится так, как нам нужно. Ведь мы Чехова экранизируем...

Репетировать по несколько раз, да еще откладывать на завтра самый процесс киносъемки в те времена было не принято. Чайковский говорил нашей хозяйке мадам Штерн: «По-моему, пусть будет снято меньше, зато хорошо. Я против гонки, Августина Савельевна...»

Хозяйка не возражала, а это, конечно, сказывалось на качестве выпускаемой картины.

После работы в Московском драматическом театре, где Чайковский был режиссером и актером, он стал работать в кино с упоением, особенно когда перешел к самостоятельным постановкам фильмов. Борис Витальевич обдумывал каждый эпизод фильма, советовался с художником и оператором о построении кадра, делал предварительные зарисовки. Ему нравилось применение средних и поясных планов, что считалось тогда редкостью. Поработав некоторое время в павильоне, Чайковский начал разбираться и в освещении, пояснял мне, какую световую гамму хотелось бы ему применить для той или иной сцены.

За экранизацию «Палаты № 6» он принялся с великим рвением и на некоторое время сумел поднять настроение всей съемочной группы, от которой кинопредприниматели обычно требовали только поскорее отснять положенное количество метров. Бывало и так, что, придумав какие-то новые приемы или мизансцены и бесконечно довольный ими, Чайковский, после проведенной съемки, вдруг замечал: «Надо бы снять по-иному. Получилось бы много лучше. Переснимем, пожалуй...»

Но это были только слова. Просить разрешения на пересъемку целых эпизодов режиссер уже не решался. И тогда, прямо на глазах, вдохновение его падало, появлялась вялость, и он продолжал вести постановку, как говорится, спустя рукава.

Но все же фильм «Палата № 6» получился вполне удовлетворительным, что отмечала и тогдашняя печать. Хозяева фирмы хорошо заработали на этой ленте, а это для них было самым главным.

Такова история моего участия в создании двух игровых фильмов, на которых я испробовал свои возможности не только как кинорепортер, но и как павильонный оператор.

По следам убийства Григория Распутина

На исходе 1916 года я получил телеграмму, доставившую мне большое огорчение.

Мой друг, оператор Алексей Осокин, стал жертвой своего увлечения спортивным кинорепортажем. Он снимал для «Пате-журнала» конькобежные состязания на замерзшей Неве. Ища хорошую точку для съемки, Осокин решил взобраться на ледяной бугор и получше установить на нем свою тяжелую камеру. Он не заметил, как перекосились ножки штатива, ему защемило руку, он потерял равновесие и грохнулся с аппаратом в прорубь, находившуюся около бугра. Штатив растопырился, и камера не попала в воду. Но сам Осокин угодил под лед, находившиеся рядом люди еле извлекли его из проруби. Он был жив, но серьезно заболел. Его положили в Петропавловскую больницу с крупозным воспалением легких.

Сообщившие мне об этом несчастье тетки Осокина умоляли немедленно приехать в Петроград. Я выехал и сразу по приезде отправился в больницу. Мой друг был в тяжелом состоянии, часто терял сознание. Он почти не узнавал меня.

В комнате Алексея находилась привинченная к штативу камера. Ее привезли с места аварии в таком виде и положили на пол. Стенки съемочного аппарата были поцарапаны, стекла у счетчика и тахометра разбиты. Открыв головку аппарата, убеждаюсь, что ни одного кадра в тот роковой для себя день мой приятель не снял.

Утром 17 декабря в больнице сообщили, что состояние Осокина вызывает серьезные опасения. Температура свыше 41 градуса, пульс плохой.

Опечаленный, возвращался я в конце дня из больницы домой к Осокиным. Вокруг меня неистово орали газетчики. Они выкрикивали самые интересные новости только что вышедших вечерних газет.

Я был равнодушен к новостям и событиям. В тот момент меня только волновали сведения о температуре и общем состоянии моего друга.

...Продавцы газет неистовствовали. Они были горласты и назойливы, как никогда. Но что это они выкрикивают? Уж не ослышался ли я? Трубным голосом газетчики вещали на всю улицу: «Таинственное исчезновение Григория Распутина! Поиски Распутина продолжаются! Предполагается, что Распутин убит!»

Я купил газету.

На утро газеты трубили на все лады различные версии относительно царского фаворита, безграмотного мужика и хама Распутина, личного друга самой царицы.

В квартире Осокиных зазвонил телефон. Поднимаю трубку и слышу:

— Это вы, Алексей Петрович?

Коротко объясняю: он болен, состояние серьезное.

— Кто это говорит? — задает вопрос голос из трубки.

— Это его товарищ — Фролов.

— Дорогой мой, здравствуй! — ликующе восклицает тот же голос.— Не узнаешь? Это я, Дранков. Какое счастье, что ты у нас, в Петрограде! Ты мне нужен как воздух. Слышал, какая сенсация — Распутин-то!

— Читал. Угробили его,— равнодушно отвечаю Дранкову. Потом добавляю: — И правильно, собаке собачья смерть!

— Фролов, ты послушай только. Я получил разрешение на киносъемку этих событий. Завтра, возможно, начнем вместе снимать. Приготовься! Я позвоню.

— Мне сейчас не до съемок. Товарищ сильно болен.

— Ничего, встанет. За ним есть кому приглядеть. Приготовь камеру Осокина для съемки. Шутка ли! Такая сенсация! Ну, будь здоров, дорогой. Жди скорого звонка...

Дранков не заставил себя ждать. На другое утро он позвонил снова и коротко сообщил, что труп Распутина найден и надо ехать на съемку.

Когда мы встретились, Дранков рассказал, что ему разрешили снять все те места, где побывал Распутин в ночь на 17 декабря, когда было совершено убийство.

— Этот фильм будет называться «По следам убийства Распутина»,— пояснил Дранков.

В первый день мы произвели короткую съемку.

Тело Распутина из-подо льда извлекли (его нашли вблизи Петровского моста) и перенесли в деревянный сарай, находившийся на берегу. Вскоре туда был доставлен гроб.

Дранкову и мне приказали сфотографировать мертвого Распутина, сначала в одежде, потом раздетого. Дранков снимал своей фоторепортерской камерой, а я — киноаппаратом.

После наших съемок гроб с телом Распутина опечатали и отправили для вскрытия.

К нам подошел чиновник Министерства внутренних дел и передал приказание министра Протопопова: сдать все кино- и фотосъемки немедленно, прямо в кассетах и в непроявленном виде. Дранков сразу вручил ему шесть кассет со снятыми пластинками. Мне тоже пришлось извлечь кассету со снятой пленкой и вручить ее чиновнику. Ни одного из сделанных нами снимков не увидели не только зрители, но и мы сами.

А на завтра мы приступили к работе над созданием картины «По следам убийства Григория Распутина». Снимали те места, где в ночь на семнадцатое декабря проходил живой Распутин, где волокли его уже убитого.

Сняли мы днем по Гороховой улице, где проживал «наш друг», как именовала Распутина жена Николая II. Потом произвели съемку дома и двора графа Юсупова, на Мойке, где Распутина прикончили.

Мы снимали все, что можно было зафиксировать на пленку: следы крови на перилах лестницы, в вестибюле и во дворе, по которому волокли Распутина. Зрители увидели потом на экране двух городовых, дежуривших возле дома Юсупова и услыхавших выстрел в ночь убийства, прорубь у Петровского моста, откуда был извлечен труп, сарай, в котором он лежал мертвый. Снимали мы и Петровский мост, с которого сбросили Распутина, и паломничество «высших кругов» к месту обнаружения трупа.

В тот момент, когда я снимал прорубь, возле нее оказались высокопоставленные дамы света. Они негодовали. Раздавались выкрики:

— Это кощунство! Здесь пролилась святая кровь старца... А они станут это показывать в синематографе всякой черни, которая будет улюлюкать... Не позволим ему снимать... Гоните его!

Подоспевшие на помощь мастеровые люди помогли нам выбраться из круга агрессивно настроенных поклонниц «святого старца». Взвалив камеру на пролетку, где сидел уже Дранков, мы уехали прочь.

Спустя несколько дней из снятых нами кадров была наспех слеплена небольшая «сенсационная» картинка, выпущенная Дранковым в продажу. Он обожал сенсации и не прочь был на них заработать.

Пройдя по следам убийства Распутина, Дранков не прогадал. Хотя ничего значительного в этом фильме не было, зрители интересовались им, как всякой оперативной хроникой...

Красное на Волге

ЕВГЕНИЙ ШЕЛЕШНЕВ

Шум политических страстей здесь вовсе не слышен. Это там, где-то в далекой Москве, лидеры, митинги, флаги, перевороты...

Здесь, в костромской глубинке, жизнь вроде бы катится в привычной, от веку накатанной колее. Играют свадьбы, родят детей, работают, хоронят умерших, пьют водку. Одним словом, живут.

Соблазн толкает оглянуться, мол, как раньше, до семнадцатого года, хорошо здесь жили?.. Да что толку? Жили, честно говоря, разно. И грязь на дорогах по осени месили, только не трактором, а телегой, и хлеб сам собой в рот не прыгал. А домá? По сути, те же избушки...

Баба Лида (Лидия Ивановна Ситникова) одна из немногих коренных жителей Красного. Родилась она в 1910 году. Шестеро их было, всех кормил отец — крестьянин. Хозяйство было крепкое, потому и раскулачили. Как отец сгинул, сразу и мать померла. Потом, с мужем она выкупила свой старый отцовский дом, где и доживает одна свой век на Богом хранимой костромской земле.

Издавна процветает в районе ювелирный промысел, построен завод, художественное училище. И приключилась в здешних местах, после семнадцатого года, настоящая, крепкая смычка пролетариата с крестьянством. Слышали бы вы, что за шум производят местные бабы, бегущие в обеденный перерыв с ювелирного завода в продуктовый магазин. Бегут они туда, бедолаги, в надежде что-нибудь купить, а купить нечего. А вообще-то дефицитом здесь разжиться можно. Сдай, к примеру, в райпо две свиные тушки — тут тебе тренировочный костюмчик фирмы «Адидас». Сами понимаете, этот «Адидас» — вещь на селе первой необходимости. Если вдруг у вас случайно нашлись... двадцать две коровы, то вы можете вступить в семью счастливых обладателей автомобиля «Москвич ИЖ» — тоже здорово.

А люди играют свадьбы, родят детей, хоронят, пока еще работают, пока пьют водку, одним словом — пока живут.

Фото автора

Когда придет «вечерний час»?

Как писал авторитетный Марк Блок, историк в каком-то смысле похож на сказочного людоеда. Ведь его притягивает все, что пахнет человечиной. Для него все — документы, деньги, предметы быта, газеты и многое-многое другое — исторический источник.

И в то же самое время все это — объект исследований, предмет специального раздела науки — вспомогательных исторических дисциплин.

Их много. Каждая служит своему кумиру. Сфрагистика изучает печати, геральдика — гербы, фалеристика — ордена и медали, нумизматика — монеты. Постепенно вырабатываются приемы, помогающие быстро и правильно провести предварительную работу — например, взяв в руки древнюю рукопись, на которой почти никогда нет прямых указаний, определить, когда и где та была написана.

Как видим, вспомогательные исторические дисциплины носят сугубо практический характер. Они и возникли-то в свое время из повседневных потребностей быта. Так, герольды издавна проверяли, верно ли составлены родовые гербы, законно ли наследуются они владельцами. Генеалоги уточняли достоверность родословий. А для того, чтобы убедиться в подлинности документов, привезенных гонцом от соседнего правителя, скрупулезно проверялись печати и почерк. Разнообразные методы проверки были во многом позаимствованы историками XVIII века — тогда и появились вспомогательные исторические дисциплины, которым журнал «Родина» посвящает новый раздел. Читатель сможет заглянуть в творческую лабораторию историка, побольше узнает о повседневной жизни в прошлом, получит сведения, которые помогут другими глазами увидеть и исторический фильм, и музейные коллекции. Многие, возможно, приобретут какие-то практические навыки для составления собственной коллекции.

А сегодня, поскольку начинается новый год, речь пойдет о летосчислении и хронологии, принятых в христианском мире.

Современному человеку не часто приходит в голову, что часы изобретены сравнительно недавно, а полночь не всегда означала начало нового дня. В России очень долго ориентировались на восход и заход солнца, и «вечерний час», в зависимости от времени года, приходился на разные часы суток.

Только на государственных документах ставили дату — число, месяц, год. Большинство грамот указывало ее иначе: «до Петрова поста», «на Ильин день», «с Филиппова поста»... В быту летосчисление шло по церковным праздникам, недаром с именами святых связаны народные приметы, календарь — по ним предсказывалась погода. Часто и сами святые получали в народе вполне «домашние» прозвища.

Об одном и том же событии из жизни Москвы XVII века может рассказать и официальный документ, и посол европейской страны, и восточный купец. И все они укажут разные даты: в России летосчисление шло «от сотворения мира», в Европе — «от Рождества Христова», а на Востоке — по мусульманскому календарю. И чтобы точно определить, о каком событии идет речь, потребуется перевести все три даты в единую хронологическую систему.

Этим и занимается наука хронология, которая накопила множество сравнительных хронологических таблиц, таблиц солнечных и лунных затмений, землетрясений, появления комет. Кроме того, составлены формулы и графики, позволяющие определить дни недели каждого числа года. Невозможно представить, в какой ад превратилась бы работа исследователя, если бы каждый раз все хронологические расчеты приходилось начинать «с нуля».

ЕЛЕНА КАМЕНЦЕВА

ЛАБИРИНТЫ ВРЕМЕНИ

Укажем две даты: 6693 год и 1185 год. По разным системам летосчисления они соответствуют одному и тому же году. Только первая дата дана по эре «от сотворения мира», а вторая — по современной, «от Рождества Христова». Разница между цифрами составляет 5508 лет (по преданию, Христос родился в 5508 году «от сотворения мира»).

В лето 6693... Святославлич Игорь, внук Олгов, поеха из Новагорода, месяца апреля в 23 день, во вторник... В час вечерний Игорь же возрев на небо и виде солнце стояще яко месяць, и рече боярам своим и дружине своей: «Видити ли что есть знамение се?» Они же узревши и видиша вси и поникоша головами, и рекоша мужи: «Княже! се есть не на добро знамение се».

Летописную дату можно проверить — 23 апреля 6693 года по мартовскому календарному стилю был вторник. А как обстоит дело с трагическим предсказанием? По специальным таблицам устанавливается, что в указанный день наблюдалось полное солнечное затмение. И дата 23 апреля 6693 года переводится следующим образом — 1185 год: 6693—5508.Вот и получается, что 23 апреля 6693 и 1185 годов — это один и тот же день.

Одним из условий понимания дат и работы с ними является знание систем летосчисления. Остановимся лишь на тех деталях, которые играют особую роль в определении, проверке и переводе хронологических дат на современное летосчисление.

В 325 году Вселенский собор христианского духовенства в Никее принял решение, что все христиане должны пользоваться юлианским календарем *, по которому и пошел отсчет дней со времени официального принятия христианства на Руси. Тогда же вошла в употребление и эра от сотворения мира (поскольку она появилась в Византии, ее называют византийской эрой от сотворения мира).

И до 1492 года (7000 г.) Новый год чаще начинался весной — 1 марта, а иногда — 1 сентября. При переводе дат по мартовскому календарному стилю на современное летосчисление следует делать поправку, учитывая, что по эре от Рождества Христова новогодие — 1 января. Если событие приходится на март — декабрь, из даты по эре от сотворения мира вычитается 5508 лет, если же на январь-февраль — 5507 лет, т. к. эти месяцы по эре от Рождества Христова (1 января Новый год) относятся уже к следующему году. Если указан только год, без месяца, то вычитается и 5508, и 5507, а полученную дату обозначают через косую черту. Например, при переводе даты 6899 — получаем 1391/92 год. В 6899 году — 12 месяцев, из которых 10 приходятся на 1391 год, а 2 — на 1392-й.

С 1492 года (7000 г.) в России переходят на осеннее новогодие — с 1 сентября. Разница между византийской эрой от сотворения мира и эрой от Рождества Христова — 5508 лет. Поэтому перевод дат с 1492-го по 1700 год осуществляется следующим образом: если событие приходится на сентябрь—декабрь, то вычитается 5509 лет, если на январь—август — 5508 лет. В случае, когда приводятся одни только года, а месяц события неизвестен, вычитается 5509 и 5508, и полученную дату пишут через косую черту.

В 1699 году двумя указами Петра I устанавливается новое летосчисление. Вводится эра от Рождества Христова и новогодие — с 1 января, а также определяется порядок встречи Нового года (юлианский календарь при этом сохраняется).

В одном из указов говорилось: *«А в знак того доброго начинания и нового века в царствующем граде Москве, после должного благодарения к Богу и молебного пения в церкви и кому случится и в дому своем, по большим и проезжим знатным улицам знатным людям и у домов нарочитых духовного и мирского чина перед вороты учинить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых против образцов, каковы сделаны на Гостине дворе и у нижней аптеки, или кому как удобнее и пристойнее, смотря по месту и воротам, учинить возможно; а людям скудным каждому хотя по деревцу, или ветке на ворота, или над храминою своею поставить; и то б то поспело, ныне будущего Генваря к 1 числу сего года, а стоять тому украшению Генваря по 7-й день того ж 1700 года».*

И все же Петр допустил в указе ошибку. Он считал, что с 1 января 1700 года начинается новый, XVIII век, и очень торопился с переходом на эру от Р. Х., а между тем 1700 год завершал век XVII. XVIII же начался с 1701 года. Юлианский календарь сохранялся у нас до 1 февраля 1918 года.

С 1 февраля 1918 года в России был введен григорианский календарь. При этом было исключено 13 дней. Вместо 1 февраля 1918 года считали (1+13) 14 февраля. В 1918 году григорианская реформа прошла без особых эксцессов, правда, не сразу по всей стране.

Григорианский календарь в разных странах Европы вводился постепенно. Так, в Англии в 1752 году против этой реформы возражали дамы, постаревшие сразу на 11 дней. В Риге и вовсе случился «календарный бунт», так как григорианская реформа исходила от католического папы и ее не хотело принять лютеранское духовенство.

Рассказ о счете времени в России закончим таблицей, с помощью которой можно определить дни недели годов по эре от Р. Х. по юлианскому и григорианскому календарям формулой Карла Фридриха Гаусса для определения дня пасхи. В работе с датами часто приходится опираться на подвижные даты церковного календаря. Время их празднования зависит от даты пасхи в данном году.

* Юлианский календарь был принят Юлием Цезарем. С 46 г. до н. э. по 1582 г. разница образовалась в 10 суток, которые в октябре 1582 г. были исключены.

Правила перевода дат с юлианского календаря на григорианский следующие: даты конца XVI—XVII вв. переводятся путем прибавления 10 суток, для дат XVIII в. прибавляется 11 суток, для дат XIX в.— 12 суток, для дат XX—XXI вв.— 13.

Разница в 14 суток появится с 1 марта 2100 г., так как расхождение между календарями образуется за счет 29 февраля, которое имеется в 1700, 1800, 1900 годах юлианского календаря и отсутствует в григорианском.

Определение дня недели по юлианскому и григорианскому календарям (старый и новый стиль). Правила пользования.

1. В левой части таблицы следует отыскать строку, содержащую первые две цифры нужного года (по старому или новому стилю), а в верхней части — столбец со вторыми двумя цифрами года. Запомнить букву на пересечении строки и столбца.

2. В таблице с правой стороны найти нужный месяц. В строке, где находится этот месяц, отыскать замеченную ранее букву. Следует различать январь и февраль в простых и високосных годах: для простых они обозначены Iп и IIп, а для високосных — Iв и IIв.

3. В левой нижней части в разделе «числа месяцев» найти нужное число. Пересечение строки, в которой находится это число, со столбцом дней недели, расположенным под найденной буквой, даст искомый день недели.

Приведем пример.

6693 г. 23 апреля, поход князя Игоря на половцев. Переведем дату на эру от Р. Х. 6693 — 5508 = 1185 г. В левом столбце старого стиля отыскиваем число 11, а в верхней части таблицы число 85. На месте пересечения строки и столбца стоит буква А. В правой стороне таблицы месяцев в строке, содержащей IV (апрель — четвертый месяц), находим ту же букву А. Внизу под этой буквой находится столбец дней недели, а слева — числа месяца. Определяем, что 23 апреля был вторник. (Сравните с показаниями источника о походе на половцев князя Игоря, помещенного выше.)

Вторые две цифры года

Первые две цифры года (число столетий)							
	00	01	02	03		04	05
	06	07		08	09	10	11
		12	13	14	15		16
	17	18	19		20	21	22
	23		24	25	26	27	
	28	29	30	31		32	33
	34	35		36	37	38	39
		40	41	42	43		44
	45	46	47		48	49	50
	51		52	53	54	55	
	56	57	58	59		60	61
	62	63		64	65	66	67
		68	69	70	71		72
	73	74	75		76	77	78
	79		80	81	82	83	
	84	85	86	87		88	89
	90	91		92	93	94	95
		96	97	98	99		

Старый стиль	Новый стиль								Месяцы			
−3 3 10 17	— —	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	Iв	IV	VII	
−2 4 11 18	15 19	Ж	А	Б	В	Г	Д	Е	Iп			X
−1 5 12 19	16 20	Е	Ж	А	Б	В	Г	Д		V		
−0 6 13	— —	Д	Е	Ж	А	Б	В	Г	IIв		VIII	
0 7 14	17 21	Г	Д	Е	Ж	А	Б	В	IIп	III		XI
1 8 15	— —	В	Г	Д	Е	Ж	А	Б		VI		
2 9 16	18 22	Б	В	Г	Д	Е	Ж	А			IX	XII

1 8 15 22 29	Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс	
2 9 16 23 30	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс	Пн	
3 10 17 24 31	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс	Пи	Вт	Дни иедели
4 11 18 25	Чт	Пт	Сб	Вс	Пн	Вт	Ср	
5 12 19 26	Пт	Сб	Вс	Пн	Вт	Ср	Чт	
6 13 20 27	Сб	Вс	Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	
7 14 21 28	Вс	Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	

Формула К. Ф. Гаусса для определения дат русской христианской пасхи по юлианскому календарю.

Для выяснения дня пасхи необходимо определить значение математических величин обозначаемых буквами: a, b, c, d, e.

a= остатку от деления числа года на 19;
b= остатку от деления числа года на 4;
c= остатку от деления числа года на 7;
d= остатку от деления выражения $19a + 15$ на 30;
e= остатку от деления выражения $2b+4c+6d+6$ на 7.

Все расчеты имеют целью найти значение d и e. Пасха может быть в марте или апреле. В марте пасха будет, если $d + e$ меньше 9; если же $d + e$ будет больше 9, то пасха придется на апрель. Если пасха в марте, то следует сложить: $22 + d + e$, и получим число пасхи; если пасха в апреле, то следует вычислить: $d + e - 9$, и получим число апрельской пасхи.

Приведем пример определения дня пасхи в 1917 году.

1. Определим значение величины a:
$1917 : 19 = 100$, в остатке 17. Следовательно, $a = 17$.
2. Определим значение величины b:
$1917 : 4 = 479$, в остатке 1. Следовательно, $b = 1$.
3. Определим значение величины c:
$1917 : 7 = 273$, в остатке 6. Следовательно, $c = 6$.
4. Определим значение величины d:
$(19 \times 17 + 15) : 30 = 11$, в остатке 8. Следовательно, $d=8$.
5. Определим значение величины e:
$(2 \times 1 + 4 \times 6 + 6 \times 8 + 6) : 7 = 11$, в остатке 3. Следовательно, $e = 3$.

$d + e = 8 + 3$, т. е. больше 9. Следовательно, пасха придется на апрель. Отсюда, $8 + 3 - 9 = 2$. Пасха в 1917 году была 2 апреля.

Леонид СЕДОВ

ПЕСТРАЯ ДУША

ОБ ОТНОШЕНИИ К СМЕРТИ

Фото Валерия Арутюнова

Основным предметом социологического знания, каким бы способом оно ни добывалось и в каких терминах и концептуальных схемах ни выражалось, являются отношения, в которые прямо или опосредованно вступают люди.

Отношения, то есть устойчивый, продолжительный и обоюдный контакт, имеют различный характер в зависимости от значения, которое имеет для участников отношения его конец, или разрыв. Чисто формально (комбинаторно) можно представить четыре типа отношений по критерию разрыва для его участников. 1) От разрыва выигрывают оба или все участники. 2) Разрыв означает выигрыш для уходящего и проигрыш для остающихся. 3) От разрыва проигрывают и те и другие. 4) От разрыва выигрывают остающиеся и проигрывает уходящий.

Представленная таким образом типология может быть использована по крайней мере двояким способом. Во-первых, сами по себе различные отношения могут быть классифицированы в соответствии с указанными типами. Скажем, отношения взаимной любви, дружбы и т. д. принадлежат третьему типу; отношения азартной игры, банды, доходного дела — четвертому; отношения случайно сбившихся в тесном подвале бомбоубежища людей — первому и т. д. Во-вторых, можно утверждать, что с помощью данной типологии открывается возможность характеристики вообще всего строя отношений, в которые вступает тот или иной индивид. Для обоснования этого положения нам необходимо обратиться к явлению смерти.

Воспользуемся для получения дедуктивной классификационной рамки сеткой исходных понятий «уходящий» — «остающийся», «проигрыш» — «выигрыш», о которых говорилось выше. Перекрестное сочетание этих понятий дает четырехчленное деление, или типологическое поле, разделенное на четыре субквадрата.

Уходящий

проигр.(—) ———————————— *Выигр.(+)*

Остающийся

Попробуем, однако, отыскать эмпирические референты полученным аналитическим способом субквадратам. Для этого бросим беглый взгляд на мировые религии, взяв в рассмотрение (простоты ради) лишь китайскую, индийскую, европейско-христианскую и русскую культуры. Что внушают они смертному человеку?

I

Китайская культура решает проблему ухода оптимистически спокойным образом, присущим и другим, менее развитым культурам, основанным на культе предков (мальгашской, например). Собственно, ухода здесь нет. Человек с китайским мироощущением живет во вселенной, населенной «живыми мертвыми», продолжающими находиться с ним в тесной связи и помогающими ему жить в этом мире. Точнее говоря, весь мир, в том числе и мир мертвых, есть этот мир, и китаец, как никто другой, чтит старость и улыбается на похоронах. Как пишет Т. Григорьева: «Для китайского мудреца «смерти» в абсолютном смысле не существует (как односторонности, все появляется из небытия и возвращается в небытие, смерть переходит в жизнь, жизнь переходит в смерть)». Но то, что на уровне философской мудрости выглядит как дао, вечный покой, абсолютное иичто, на уровне народного мироощущения проявляется как культ предков, вера в существование «воплощенцев», то есть умерших, живущих среди живых в другом обличье, и в целом ряде обрядов и обычаев. Едва ли в какой-либо нной культуре, по-иному относящейся к смерти, возможно было бы, чтобы за главой государства — богдыханом повсюду возили гроб, чтобы гроб был естествеиной частью домашней обстановки, чтобы дарение гроба опасно больному рассматривалось как знак расположения и внимания, чтобы покупка гроба престарелым родителям считалась проявлением сыновней любви. Китайцы без боязни, с удовлетворением смотрят на смерть. Уходящий относится к смерти как к предстоящему далекому путешествию к людям, которых давно не видел, а остающиеся нередко продают все, чтобы только устроить пышные похороны родственнику. Китайское мироощущение в этом пункте выражено словами Конфуция: «Воздай мертвому все, как если бы он был жив...»

Итак, китайскую формулу отношения к смерти можно записать формулой ±, или «от ухода выигрывают все».

Не умирает и человек индийского мироощущения. Ему уготована бесконечная цепь рождений в разных обличьях и телесных воплощениях. Но в отличие от китайского отношения к жизни и смерти индийское окрашено пессимизмом во всем, что касается жизни. Цепь рождений превращается в тяжелую цепь, в бремя, от которого необходимо освободиться. Жизнь в любом ее проявлении есть страдаиие; освобождение от жизии, абсолютная и окончательная смерть есть благо, и если умирать, так умирать, превращаясь в ничто, сливаясь с великой пустотой — атмаиом, а это — удел святых, просветленных, будд. Народный взгляд на смерть выражен в индийской пословице: «Лучше сидеть, чем ходить, лучше спать, чем бодрствовать, а смерть — лучше всего».

Соответственно этому мироощущению жизнь всегда была дешева в Иидии, и презрение к земному, стремление к добровольному уходу из жизии, к повальному самоубийству сдерживалось только лишь за счет представлеиий о невозможности порвать цепь рождений без предварительного достижения соответствующего уровня святости. Остающиеся при этом обездоливаются уходом святых, тех, кто смог остановить колесо самсары (перевоплощений). Отсюда идея бодхисатвы, или пребывания святых, даже по обретении ими способиости уйти в вечное блаженство, в великое Ничто, в Нирвану, среди живших для того, чтобы помочь им сбросить с себя тяжкий груз бытия.

«Уходящий выигрывает, остающийся проигрывает»,— запечатлеио в культуре Индии и может быть выражено формулой ±.

II

Рассмотрим далее две оставшиеся типологические возможиости. Формула =, по всей очевидиости, более всего пригодна для описания иудео-христианской культуры. Строго говоря, в ее чистом виде она скорее относится к чисто еврейской культуре с ее «глобальиым пессимизмом» — неверием в потустороннее — и чрезвычайно обостренно отрицательным отиошеиием к иастоящему, даиному. «Глобальный пессимизм» еврейской культуры делает весьма проблематичным и существование еврейского социума, чему свидетельством вся напряженно мятежиая история еврейского народа. В христианской культуре этот глобальный пессимизм смягчается идеей воскресения. Христиании получает надежду иа спасение, но иадежда эта не столь безусловиа и беспроблемна, как в рассмотрениых выше вариантах индийского и китайского мироощущеиия. По сути дела, европеец, умирая, уходит в неизвестное. Он не знает наверное, что ждет его по ту сторону гроба, как будет оценеиа его жизнь на весах высшего суда, да и сам высший суд есть дело неопределенного будущего. И если жизнь есть приготовление к смерти и существоваиию после смерти, то и сам тот свет есть лишь предуготовлеиие к царству небесному, которое наступит после второго пришествия. Все существоваиие человека европейской культуры есть поэтому напряжеииое ожидание, полное острого ощущения времеиной перспективы и зависимости будущего от иастоящего. При всем том, что жизнь ощущается как «юдоль страдаиий» и «царство греха», а смерть как проблема, а не избавление, человеку европейской культуры представляется, что устроение настоящего может быть залогом и основой будущего. Уход человека из этой жизни воспринимается поэтому как горестное событие, как потеря. Устроение этого мира во имя будущего — сугубо европейская установка, с которой связан весь «прогрессизм» европейской культуры, сочетающий в себе бросающийся в глаза индивидуализм с менее заметной поверхностному наблюдателю, но составляющей едва ли не самый важный элемент европейской культуры человеческой солидарностью «остающихся», полных решимости «добиться освобождения своею собственной рукой» (у заимствовавших этот лозунг он наполнился иными смысловыми оттенками).

Совершив это маленькое обозрение трех мировых культур, вернемся к себе домой — и сразу на помиики, переходящие в веселье и пьянку. Что говорят оии покойнику? Что жаль его — много потерял несвоевремен-

но ушедший, да, что греха таить, остающиеся в конце концов от этого только выигрывают. Вот — сослуживцы, подумывающие о вакансии, вот — соседи по коммуналке, на время почтительно забывшие о мелочных склоках («нам-то хорошо, а ему каково!»), вот какие-то отдаленные знакомые, едва знавшие покойного, но довольные поводу выпить... В сочувственном отщеплении, как бы вне остающихся — те, «ближние», для которых смерть этого человека — удар и ущерб.

Пожалуй, ничто не дало бы такого богатого и доказательного материала об отношении русских к смерти, как эмпирическое исследование судьбы кладбища в России в сопоставлении с судьбой мест захоронения в других регионах. Можно предполагать, что нигде не найдется столько забытых, разрушенных и перепаханных кладбищ, сколько в России. Едва ли встретится и отношение к кладбищу как к месту, где гуляют и веселятся. Для России же это вполне характерно. Заслушаем по этому поводу П. В. Сытина:

«В 1750-е годы на месте убогого дома было открыто обыкновенное кладбище... Однако обычай населения собираться в «семик» для поминовения покойников не исчез, а принял лишь другую форму. Родственники похороненных на кладбище приходили в рощу на целый день, после еды и выпивки пели песни, играли на народных музыкальных инструментах, плясали, водили хороводы. В начале XIX века здесь было в «семик» уже обычное народное гулянье» (П. В. Сытин. Из истории московских улиц. М., 1958, с. 748).

Откуда у «христианнейшего» из народов такое удивительное ощущение преимущества всякой жизни перед всякой смертью? Разве не внушало православие те же представления о рае и аде, о воскресении Христа и Страшном суде, которые внушались его религиями западному человеку. Внушало-то внушало, да внушило ли? Мы берем на себя смелость утверждать, что русской культуре присуща высшая степень отсутствия чувства вечного, даже в самой примитивной его форме культа предков. Для анимистического по сути своей большинства русской нации христианская вера оставалась на протяжении веков внешним покровом над плотью языческих верований в домовых и водяных, который было красиво носить, но легко и сбросить. Опыт революции почти без остатка развеял иллюзию русских интеллигентов-идеалистов относительно христианскости русского народа-богоносца. Идея Христа не могла найти прочного места в лишенном четвертого, временного измерения сознании язычника, и картина распятия без труда заменилась другими картинами в обрядах и шествиях новой эпохи.

Итак, мы делаем, на первый взгляд, смелое допущение, что правый верхний субквадрат нашего типологического поля довольно точно совпадает с реальностью русской культуры, русского мироощущения, достаточно метко охватываемого формулой «Живи, пока живется», что в принятом в нашей работе формальном изображении имеет вид $\mp$. Утверждение это сразу переносит нас в область давних споров о религиозности или безрелигиозности русского народа и о свойствах русского православия, споров, начатых, пожалуй, еще полемикой Гоголя и Белинского, продолжавшихся вплоть до Великой Октябрьской революции, явившейся, казалось бы, вполне определенным эмпирическим подтверждением правоты тех, кто не особенно уповал на религиозные приверженности русских. Предлагаемое нами построение, бесспорно, ведет нас в один лагерь с Белинским и Чаадаевым, подчеркивавшими отсутствие у русского народа религиозного чувства. Не разделяя некоторых выводов, делавшихся «неистовым Виссарионом» из отмечаемых им национальных черт (его исторический оптимизм был опровергнут еще более неистовым «Виссарионовичем»), мы вместе с тем не можем не согласиться с его словами, обращенными к Гоголю:

«По-вашему, русский народ — самый религиозный в мире. Ложь! Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: годится — молиться, не годится — горшки покрывать. Приглядитесь пристальнее, и вы увидите, что по натуре своей это глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности». И далее: *«Мистическая экзальтация вовсе не в его натуре: у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме; и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем».*

Ясно, что сколько бы ни ломались копья в красноречивой полемике, положительный ответ на мучительные вопросы такого типа может быть получен лишь в результате детальнейшего рассмотрения судьбы христианской идеи на русской почве. И исходной позицией для такого рассмотрения должно быть стремление заглянуть «далее вывески», не дать себя смутить внешними атрибутами и названиями. Разумеется, многим покажется неверной или даже кощунственной мысль о том, что атеистически мыслящий европеец более находится в рамках религиозного христианского мироощущения, нежели православный русский, остающийся язычником (как писал Мережковский: «Язычество, притворившееся христианством, как у Толстого, или христианство, притворившееся язычеством, как у Ницше»)*.

III

...Одним из наиболее чистых вариантов культуры оптимистически земного типа можно считать исламскую культуру. «Ислам — это последовательное и искреннее византийство, освобожденное от всех внутренних противоречий. Он представляет собой открытую и полную реакцию восточного духа против христианства, систему, в которой догма тесно связана с законами жизни, в которой индивидуальное верование находится в совершенном согласии с политическим и общественным строем»*. В исламе получило наиболее четкое воплощение ощущение пропасти между земным и божественным, отношение к земному как к единственному данному для человека, а к богу как к силе, управляющей этим данным и требующей от человека слепого повиновения. Мир представляется человеку ислама незыблемой твердыней, по отношению к которой нельзя ставить вопрос о каком-либо прогрессе, моральном совершенствовании и т. п. «Идеал упрощен в мере, обеспечивающей ему немедленную реализацию. Мусульманское общество не могло иметь иной цели, кроме расширения своих материальных сил и наслаждения земными благами. Распространять ислам силою оружия и править правоверными с неограниченной властью и согласно правилам элементарной справедливости, установленным в Коране,— вот к чему сводилась вся задача мусульманского Государства»**.

* Чрезвычайно интересно сопоставить место и роль идеи православия в системе взглядов русского общества XIX века и идеи марксизма в том виде, в каком она укоренилась в современном русском обществе. Мы увидели бы, что, как это ни парадоксально, «православие» и «марксизм» в смысле их функциональной роли в этой системе окажутся почти синонимами. Главное сходство здесь — это утверждение правоты учения, настояние на том, что русский (советский) народ как таковой является носителем единственно правильной доктрины. При этом нравственно-религиозное ли, научное ли содержание доктрины забывается, и она становится, как говорил Соловьев о славянофильской идее, «номинальным основанием исключительных привилегий в пользу одного народа и в ущерб всем прочим. Из утверждения, что народ есть истинно христианский, не выводят того необходимого, казалось бы, следствия, что он во всех делах и отношениях своих, внешних и внутренних, должен действовать по-христиански и никого не обижать, а выводят, наоборот, что ему все позволено для поддержания и защиты своих собственных интересов». Правда, Соловьев отрицал за славянофилами право говорить от лица национального народного самосознания, полагая, что народ думает и чувствует иначе.

...Поразительно и психологическое сходство между теми критически мыслящими и честными душой славянофилами, которые, видя нравственное и экономическое отставание русского общества, сохраняли в то же время свою «мечтательную веру в Россию как в единственную христианскую нацию, как в избранный народ Божий», и современными марксистами-идеалистами, глубоко убежденными в том, что кризис советского общества проистекает из «искажений ленинизма». Разве не был похож Твардовский на К. Аксакова, самого восторженного и прямолинейного из славянофилов, объявлявшего, что русский народ, как он есть, не только лучше всех других народов, но даже есть единственно хороший, единственно христианский народ, но имевшего в то же время мужество заявить, что Россия может погибнуть, если не вернется на истинный путь, а останется чуждой духу русского народа восточной деспотией.

Оба этих великих гражданина своей страны, сами того не понимая, одной рукой укрепляли ствол национальной гордыни и спеси, а другой рукой пытались обрубить корявые ветви, на этом стволе с неизбежностью произрастающие.

IV

Русь получила свое православие в наследство от Византии в уже сложившемся мертво-догматическом виде***. Проповедники христианства, первые монахи и церковники были, естественно, представителями «языческой святости». Приход их в веселую землю киевских пиров и народных «глумотворцев» — скоморохов, кулачных боев и повального пьянства не мог обойтись без суровых конфликтов, однако с самого начала здесь в зародыше содержалась вся дальнейшая перспектива вырождения русской церкви в полугосударственный институт в услужении у князя мира сего. Перерождение христианства в климате славянской «посюсторонности» уже было подготовлено его византийской историей. Здесь же и начало будущего раскола нации на сторонников оптимистически патриотической идеи России как Третьего Рима или второго Израиля (или освободителя трудящихся всего мира), и носителей «православного аскетизма», отказывающихся видеть в существующем разгуле лучший порядок вещей. Казенный оптимизм, представление о том, что «синтез единства и свободы в любви» уже дан и достигнут в существующей русской церкви, а не есть идеал, к которому надо идти через бесчисленные препятствия и трудности, стали едва ли не главной отличительной чертой русского православия. Православная церковь стала в России государственным учреждением, «царством от мира сего» и тем самым «отреклась от самой себя, от собственной причины бытия, осудила себя на жертвенность и бесплодие». Иначе едва ли и могло случиться в культуре, лишенной чувства потустороннего и всеми своими инстинктами утверждающей здешнее, земное.

«Как же так? — воскликнет читатель.— Разве не утверждали лучшие, проникновеннейшие умы России, Достоевский, например, что русский народ — народ-богоносец?» Признаемся, что и мы краем уха слышали о таковых утверждениях и смущались в тайне души своей. Однако более внимательное прочтение Достоевского уничтожило наши сомнения. Более того, укрепило нас в уверенности в том, что русский народ — богоносец, но не христоносец, что главная идея русского православия есть вера в своего национального бога, освящающего русскую национальную особенность и обособленность. Это — вера в Бога — знаменосца побед и в Церковь — организатора и вдохновителя этих побед.

«Всякий народ,— говорит Достоевский,— до тех пор только и народ, пока имеет своего бога особого, а всех остальных на свете богов исключает без всякого примирения, пока верует, что своим богом победит и изгонит из мира всех остальных богов». Трудно не согласиться с тем, что в смысле этого оптимистического, жизнеутверждающего осознания своего превосходства русский народ всегда был народом-богоносцем. Но нельзя не согласиться и с Мережковским, который не усматривает в этой идее ничего христианского и даже заподозривает скрытое безбожие, ибо не бог здесь творит человека, а человек бога (как у Ницше: «В боге чтит народ свои собственные добродетели. Благодарит себя за себя — вот для чего народу нужен Бог»). В итоге, как совершенно правильно подчеркивает Мережковский, не православие становится главной чертой русских, а сама по себе русскость и есть необходимое и достаточное условие православия. Русский — значит православен, то есть прав.

Итак, кардинальным различием между европейским и русским мироощущением мы считаем пессимистическое в одном случае и оптимистическое в другом отношение к посюстороннему существованию. Это базисное различие, гораздо более глубокое и неискоренимое, чем любые догматы и оттенки вероучения, решающим образом отражается на судьбе оригинальных и заимствованных символов веры, институтов идей и идеалов, преобразуя их в нечто, отвечающее исконному духу культуры-должника. Воздействие это можно проследить буквально в любых проявлениях национального духа, но это — задача, выходящая за рамки настоящего сочинения.

Попытаемся наметить несколько следствий, вытекающих из оснований формулы русского мироощущения. Первая черта русского национального характера, коренящаяся в сиюминутности и посюсторонности русского мироощущения, может быть названа отзывчивостью. Поясним примером.

Некое лицо было справедливо наказано по судебной линии. Но, указывается в свежей газете, несправедливо, что наказание не последовало также по административной, партийной и товарищеской линиям. По логике вещей, справедливое наказание, повторенное трижды,— это уже не справедливое, а чрезмерное наказание. Но есть логика вещей, а есть логика людей.

Логика русских людей — это высокая отзывчивость, несоразмерная реакция на сиюминутное, данное, зримое. Это вещь общеизвестная. Как всякая душевная особенность, высокая отзывчивость — это не добро и не зло, а становится таковым лишь по обстоятельствам. Она проявляется и в слепой ярости, и повышенной агрессивности в ответ на малое ущемление (несдержанность, хамство), и в знаменитом хлебосольстве, гостеприимстве, стремлении нравиться здесь и сейчас. «Пестрая душа! То чистая собака человек, то грустит, жалкует, нежничает, сам над собой плачет...» (И. А. Бунин).

Достоевский в своем «Дневнике писателя» приводит характерный пример засечения мужиком своей лошади, которая не тянула (пример всемирной и очень высокой отзывчивости). В конце дела мужик совершенно растерялся от успешности своего предприятия: оно должно

* В. Соловьев, цит. соч., стр. 49.

** Там же.

*** Прямая преемственность и «внутреннее сродство между византийской сущностью и славянским духом» были подробно проанализированы немецким историком Рюкертом в соч. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung, II Band (Leipzig, 1857).

Он же писал, что для натурализации западноевропейской культуры в России «никогда и ни при каких условиях не было никакой возможности», что привлечение достижений западной культуры (Петром I) «как средства для определенных целей, как орудия государственной власти» и тот способ, каким это делалось, «служат свидетельством, что западная культура никогда не найдет здесь истинной родины».

было оборваться. В самом деле, высокая отзывчивость зачастую разрушительна, а обрывы приобретают тогда спасительный, охранительный, стабилизирующий смысл. Поэтому щедрая душа нуждается в обрывах; справедливость у нас — это дитя щедрости и обрыва. (И обрывы, со своей стороны, нуждаются в щедрости, которая их покрывает.)

Никто у нас, таким образом, не заинтересован на самом деле в каком-либо «прогрессе» справедливости. Дело же обстоит следующим образом: справедливо обрывать (останавливать, пресекать) несправедливость, но несправедливо бороться за справедливость.

«Самое что ни на есть любимое наше, самая погибельная наша черта: слово — одно, а дело — другое!» (И. А. Бунин). Но если ты ко мне несправедлив (а это так, щедрая душа!), то я с тобой, обратным ходом, нечестен — в этом нет ничего ни удивительного, ни погибельного. Неравенство слова делу — это определенное и неутилитарное отношение, то есть эстетика, эстетика лжи. При эстетичном же, то есть незаинтересованном восприятии не возникает и никаких недоразумений: ложь не перерастает в обман. Обман — это всегда дело двух: недостаточно одному соврать, необходимо еще другому поверить. Поэтому эстетика лжи развивается в условиях, когда «никто никому не верит». (Заметим, что тогда уже возможен совсем иной обман: когда один говорит правду, а другой ему не верит. Заметим также, что эстетика эта не зиждется на каком-либо особом искусстве: «лгать можно и искренно» (Достоевский). Искусства лжи нет, ложь безыскусственна; есть искусство обмана.)

Учитывая эту особенность нашей национальной культуры, можно даже утверждать, что в каком-то отношении русское общество свободно и гуманно более, чем какое-либо иное общество в мире. Здесь процветает невиданная свобода от обязанностей — нигде нет таких широких возможностей отлынивать от работы, красть казенное, подменять дело словами, а слова не считать делом, как в России. Общество нетребовательно к человеку, человек нетребователен к себе (свобода от совести). Все знают, что друг друга обманывают, и ни в ком это не вызывает чувства возмущения, ибо правда, понятая по-русски, не имеет ничего общего с абстрактной истиной. Это — правда сиюминутной пользы, прагматическая правда момента. В такой атмосфере человеку, если он не заражен инокультурными предрассудками, действительно вольно дышится, и модальный русский человек не поменяет эту свою особую свободу ни на какие свободы слова (которые для него не имеют ценности), ни на какие правовые гарантии (в которые он не верит).

Из этой же сиюминутности проистекает веселая беспечность, нерасчетливость русского характера, которая так привлекательна в непосредственном живом общении и часто приводится в контраст сухости европейцев, но которая в то же время обсрачивается неумением планировать, предвидеть наперед и думать о завтрашнем дне. Едва ли в какой-либо европейской стране возможно встретить пьяниц, укравших дорогую (1000 рублей) шубу и продающих ее тут же у магазина за 10 рублей, чтобы немедленно купить бутылку водки.

Далее из рассматриваемой формулы вытекает такое качество русской натуры, как ощущение безвыходности. «Данное дано». «Податься некуда». «Живем однова». «Здесь и сейчас лучше, чем там и потом». Все это — формулировки, различно схватывающие инстинктивную уверенность русских в том, что «по ту сторону» ничего нет. Эта безвыходность сродни безвыходности отношений, связывающих участников азартной игры. Любые азартные игровые отношения, если это сколь-нибудь длительные отношения, имеют в своей основе формулу «уходящий проигрывает, остающийся выигрывает». Эта же формула лежит и в основе безрелигиозности безвыходной реальности отношений русского общества, где никто не позволит себе покинуть игру до ее окончания и ничто так не осуждается, как уход, эмиграция, самоубийство, развод, да и сам ты не уйдешь от страха, что будет еще хуже, а обратно «за стол» не пустят. А смерть? А смерть недобровольная — так уж это тотальный проигрыш для тебя, как говорится, уходишь, проигравшись дотла и все оставив другим.

Так на основе безвыходности мироощущения меняется отношение первого типа, превращая русских в игроков со всеми присущими этой разновидности психического склада чертами. Не случайно, и не только потому, что сам был игроком, Достоевский решил взглянуть на русскую действительность со стороны карлсбадского игорного дома.

Упование на удачу, случай, стечение обстоятельств; уменье рисковать и неуменье работать — все это типичные черты азартной натуры, неоднократно отмечавшиеся Достоевским. «Трудов мы не любим, по одному шагу шагать непривычны, а лучше прямо одним шагом перелететь до цели или же попасть в Регулы...»* Вера в фортуну, в «фарт», в везение приучает наших соотечественников к поразительной несамостоятельности, безответственности, привычному ожиданию, что кто-то — бог ли, власти ли или иной кто о тебе обеспокоится, позаботится, за тебя решит и тебе укажет. Многомиллионная громада, стеснившись у колеса исторической рулетки, выигрывая и тут же опять спуская выигранное, ждет, что вот-вот свалится на ее головы манна небесная и можно будет уж вовсе не работать, а только подставлять рты. А его величество случай, «госпожа-удача» чаще всего олицетворяется в образе всесильного начальства, которому до поры до времени передоверяется вся ответственность и вся инициатива, но с которого затем и спрашивается бунтарским спросом за ненаступление рая на земле, за поражения, голодовки, отставание от «немца». А бедное начальство — само плоть от плоти этой массы — и считать наперед не умеет, и транжирить да по ветру пускать гораздо, а работать да копить — нет. Так что тяжело ему обеспечить все то, на что уповают доверившиеся ему иждивенцы, и, утомившись от забот от сирых сих, оно столь же безответственно, как и подопечные, начинает ловить шансы и заботиться прежде всего о своем животе, предоставляя события их «историческому ходу». Не в силу ли этой всеобщей безответственности и безынициативности так идеально приспособлен русский человек к существованию в армии и в лагере? Добровольное холопство столь же естественное состояние для рядового русского человека, сколь естественно самодовольное бездеятельное барство для русского вельможи.

Русское общество всегда делилось на благодетельствующих «отцов» и благодетельствуемых «детей». Отцы — это те, в ком воплощены народные представления об источниках всеобщего благополучия, кто знает секрет достижения побед, величия, изобилия и т. д. Царь, барин, генерал; вождь, секретарь обкома — все это разные обличья «уполномоченных благодетельствовать». Им позволено все. Они — судьба. На судьбу можно роптать, но глупо ее критиковать или противопоставлять ей свою волю, учить ее или подсказывать ей. Против судьбы можно восстать, наконец, чтобы затем вновь довериться иной судьбе в ином наряде. Но ничто так не претит русскому человеку, как видеть рядом с собой своего собрата, активно делающего свою жизнь, да еще с видами на будущее. Тут русский дух восстает, даже если это гениальный дух Достоевского, и начинается травля буржуа ли, кулака ли, жида ли, любого, кто проявляет осмотрительность, расчет, индивидуализм. Причем, противопоставляется всему этому не что-нибудь, а братство, которого «в природе французской, да и вообще западной, в наличности не оказалось», а у нас вроде как бы хоть отбавляй.

По поводу братства, правда, у русских мыслителей единодушного мнения никогда не было. В целом добродушно настроенный по отношению к своей нации В. Соловьев замечал, однако, что «добровольно делать добро для наших сограждан — что-то вроде квадратуры круга...» (В. Соловьев. Письма. М., 1923, с. 54, из письма М. Стасюлевичу). Что же, однако, в характере русского социального сцепления всегда было такого, что могло породить идеал братства, заложенного в природе нации, «несмотря на вековые страдания нации, несмотря на варварскую грубость и невежество, укоренившиеся в нации, несмотря на вековое рабство, на нашествия иноплеменников?» (Достоевский).

Во-первых, это — отзывчивость и щедрость души, о которых шла речь выше и которые коренятся опять-таки в сиюминутности и посюсторонности русского мироощущения. Затем это — страх остаться вне игры. Одиночество для «характерного» русского непереносимо. Он стремится жить кучно, стадно, «собрано», поминутно оглядываясь на своих соседей («как люди, так и я»), при этом подозревая, что каждый из них только и заинтересован, чтоб обчистить его догола и вытолкнуть вон. Жизнь сограждан В. Соловьева и Ф. Достоевского протекает в повседневной борьбе локтями за место в автобусе, у конфорки, у прилавка и т. д. В критические периоды истории (Грозный, Сталин) эта толчея приобретает чрезвычайно братоубийственный вид, в остальное же время составляет привычную атмосферу «игры с вылетами». Безвыходность в описанном выше смысле обеспечивает такому, казалось бы, обреченному на скорый распад социуму ту устойчивость, которая так поразительна для всякого, кто, наблюдая изнутри маленькую, но изнурительную «войну всех против всех», ждет, что вот-вот наступит конец и общество прекратит существование. Центростремительная затягивающая сила колеса рулетки оказывается не таким уж слабым источником интеграции. Цепляйся, жди случая, терпи, не доверяй ближнему своему, а, главное, не думай, что где-то лучше: по ту сторону жизни ли, границы ли еще хуже (ироническое «хорошо там, где нас нет»).

* Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 5, с. 62. У американцев есть поговорка, обобщающая их наблюдения относительно поведения прибывающих в страну эмигрантов. Согласно этой поговорке, немец, приезжая в страну, начинает копить деньги, француз стремится что-то быстро изобрести и разбогатеть, а русский ищет кошелек на мостовой.

ВОЙНА В ГОРАХ КАВКАЗА

ЧТО ОСТАНОВИТ ЕЕ? КАЖЕТСЯ, ОСТАЛОСЬ ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО – ПРИЗВАТЬ НА ПОМОЩЬ ВАРЯГОВ...

Северный Кавказ... Одна из самых горячих точек России. Кровавые сполохи гражданской войны уже давно вспыхивают в разных местах этого региона. Что же породило столь яростную ненависть среди еще недавно дружных и мирных (как казалось) соседей, есть ли пути выхода из этого кризиса, сколько нам всем отпущено времени, чтобы успеть помешать Кавказу превратиться во второй Ливан?.. Об этом наш корреспондент Елена Скворцова беседует с известным специалистом по межнациональным проблемам этого региона членом-корреспондентом АН СССР, заведующим отделом этнографии народов Кавказа института этнологии и антропологии АН СССР Сергеем Александровичем Арутюновым.

Владикавказъ.

Е. С. – Вся история человечества свидетельствует о том, что народы старались выработать основные нормы и кодексы именно *мирного* сосуществования. Пусть трудно, мучительно — через кровь, распри и войны,— но ведь пытались же! И результат налицо — мировое сообщество, ООН... Благотворность общих усилий можно оценить на примере Кипра, Ливана, а совсем недавно и Персидского залива.

В стремлении жить дружно не составляли исключение и кавказские народы. Так же, как и остальные, они аккумулировали в своей культуре средства приспособления к социальной и природной среде. Выжить одному, без помощи соседа, здесь было невозможно. Так появились обряды дружбы, куначества, побратимства... Кавказские народы веками отшлифовывали целый ряд обычаев, традиционных установок, которые были направлены именно на то, чтобы люди разных народностей могли жить рядом и не страдать от ущемления своего национального достоинства в этой пестрой этнической среде.

И вдруг — такой взрыв ненависти! Претензии предъявляются уже не только ко вчерашнему дню. Нет, счеты подчас сводятся за обиды столетией (!) давности. Достаточно неосторожного слова — уже пожар! Неужели мы сейчас наблюдаем проявление так называемой «исторической неизбежности»? Создается впечатление, что причины северокавказских конфликтов заложены изначально, всей логикой многовековых взаимоотношений этих народов, и вот сейчас долго зревшие нарывы прорываются один за другим...

С. А. – Ни в коем случае! Причины северокавказских конфликтов *никоим* образом *не* коренятся в природе самих этих народов. Не коренятся они ни в основе их взаимоотношений, ни в их реальной истории... Уж если упоминать «историческую неизбежность», то только в контексте последних семи десятков лет. Я абсолютно ответственно заявляю, что все эти конфликты на 99% порождены послереволюционной историей. Причем, из этих 99% добрых 85 падает на послевоенный период. Но даже принимая это во внимание, я считаю, что далеко не все конфликты, которые мы сегодня наблюдаем на Северном Кавказе, были неизбежны.

Некоторые, безусловно, можно назвать фатальными. Это те, которые произошли из-за несправедливого размежевания, произведенного после войны. Из-за преступных политических акций по изгнанию народов с их земель. Если не преступлением, то головотяпством или неумной политической махинацией было невосстановление Ингушетии в ее прежних границах. Ни чеченцам, ни ингушам ничего не дало то, что от Ставропольского края отрезали несколько районов и придали их Чечне. Скорее чеченцам даже стало хуже — это размыло их этническую однородность, появился ряд регионов с преобладанием русского или ногайского населения. Кстати для последнего это создает ряд сложностей... Таким образом, от произвольной перекройки границ 1957 года никто не выиграл. Зато хуже стало всем: чеченцам, ингушам, русским, ногайцам... Именно тогда была заложена мина замедленного действия, которая сейчас вот-вот готова взорваться в Пригородном районе Осетии, то есть на бывших ингушских землях, которые передали в состав Осетии. И хотя послепутчистские события в Грозном не носили специфически национальной окраски, национальные конфликты здесь все-таки не исключены.

В других районах тоже есть подобные мины, может быть, меньшего заряда и более долго тлеющие...

Уже хрестоматийным примером стал Карабах. Но ведь в природе и этого конфликта лежат те же причины: изначально неверное и нечестное решение национальных проблем породило постоянно тлеющую искру ненависти, которая только и ждала, чтобы разгореться в страшный пожар.

Вы говорите, они вспоминают вековые обиды... Но ведь традиционно армянский крестьянин с азербайджанским крестьянином не враждовал. Например, армянские средневековые источники очень доброжелательно рисуют первого хана Карабаха, установившего там азербайджанское правление, азербайджанца Панах-хана, и относятся к нему с большим уважением. Из этих источников Панах-хан предстает покровителем торговли, ремесел, защитником мирного существования этого региона...

Безусловно, были погромы и резня. Их, как правило, организовывали ханы, которые использовали религиозные различия для проведения своей феодальной политики. Но, судя по историческим материалам, это происходило не так уж часто, как пытаются сейчас представить защитники «национальных интересов». В основном же, погромы и резню в этих районах начали организовывать буржуазные круги — в той мере, в какой там развивался капитализм. Причины ясны: заинтересованность в своей политической монополии, в доступе к собственным рынкам сырья и рабочей силы... Всегда находятся люди, которые заинтересованы в войне.

В наше время интересы той или иной группировки легче всего провести в жизнь под национальными знаменами. Это такой символ, который проще всего ухватить, он лежит на поверхности. В средние века, например, когда национальное сознание было не очень сильным, поборники экстремизма поднимали, главным образом, религиозные знамена. В античности подобным символом служили философские идеи, принципы...

А сегодня, как это ни грустно признавать, можно быть уверенным: если нет еще самого конфликта, но есть его потенциальная возможность, то *обязательно* найдется горстка авантюристически настроенных людей, заинтересованных в том, чтобы сделать себе карьеру или набрать очки общественного престижа. И они *обязательно* попробуют разыграть националистическую карту.

Е. С. – То есть, Вы хотите сказать, что конфликтов как таковых на Кавказе нет? Что их причины искусственно созданы?

С. А. – Нет, конфликты, конечно же, существуют. Но они бы не принимали такую острую форму и их можно было бы потушить еще на зачаточном этапе, если бы не существовали такие группы, которым *выгодно* раздувание и обострение межнациональной розни.

Как бы то ни было, в регионе есть недовольство вполне реальным злом: экологической обстановкой, экономическим кризисом, социальной незащищенностью, обнищанием, коррумпированным начальством, своим личным малоземельем, когда рядом имеются неизвестно кому принадлежащие и хищнически используемые *массивы* земли (это особенная боль на Кавказе, где исконно существует особое отношение к земле из-за ее труднодоступности)... Множество причин, которые умело используются ревнителями национального.

Логика националистического мышления, как только она начинает развиваться, такова: если в Карачаево-Черкессии коррупция, то карачаевец начинает в этом обвинять черкесов. Захватили, мол, все посты, нас, карачаевцев, не допускают... Вот *мы* бы порядок навели!.. Здесь уже абсолютно упускается из виду то обстоятельство, что на этом посту кто ни сиди — все едино. Да это для них и не важно. А так как на Кавказе живет 50 народов, то теоретически возможны 1225 вот таких парных конфликтов. Конечно, не все они реализуются — просто в силу того, что некоторые народы живут далеко друг от друга и непосредственно не сталкиваются. Но там, где есть хотя бы два народа, всегда найдется возможность для конфликтов.

Е. С. – Сейчас это даже стало модным — во всех наших бедах винить «группку», «горстку», «некоторых

лиц» и т. д., которым это выгодно... Но скажите на милость — *ради чего* им этим заниматься?

С. А. — Да хотя бы для того, чтобы в нашей кипящей ситуации вылезти наверх, набрать очки... В конечном счете — получить власть. Или кусочек власти. Часто даже не власть как таковую (не всякий на нее претендует), а некий престиж, влияние. В результате — какие-то чисто материальные выгоды, хотя бы на местном уровне... В общем-то, ничего другого.

У представителей других групп, которые *уже* имеют власть, игра на националистических настроениях и их разжигание — способ удержаться у власти. Для них это хорошая возможность списать собственную некомпетентность (а то и нечистоплотность) на исключительно горячий патриотизм. Пока они размахивают национальным знаменем, никто не решается сказать: «Вы, братцы, дураки, да к тому же воры и взяточники!»

Е. С. — И все-таки, мне кажется, что в гораздо большей степени на возникновение конфликтов в этом регионе влияют не пресловутые «группки», а давние и несправедливые обиды, которые десятилетиями копились, никак не разрешаясь... Свидетельством тому служат многочисленные разговоры с людьми из этого региона. Вы можете беседовать с ними долго и плодотворно, но — только до тех пор, пока не коснетесь одного из больных вопросов. И моментально все эти совершенно разные по характеру, принципам, убеждениям и занимаемым постам люди превращаются в нетерпимых врагов своих обидчиков.

С. А. — Эта давняя обида уже в достаточной степени заглохла. Она действительно *давняя*, и люди уже приспособились, как-то притерпелись к существующему статус-кво. Пока жизнь была более-менее благополучной, оно их так или иначе устраивало.

Конечно, происходили приглушенные национальные конфликты... Но, вспомните, как бывало: чуть только человек начинает заниматься изучением народных обычаев — его тут же таскают по инстанциям: «Зачем это нужно? А не пропагандируешь ли ты буржуазный национализм?..» Конечно, такая практика способствовала только развитию националистических веяний. Хотя бы потому, что людям свойственен дух противоречия, если с ними обходятся несправедливо.

Е. С. — Политика, проводимая государством по отношению к мусульманству, была даже более жестокой, чем та, которую испытала на себе православная Церковь. Не секрет — репрессии 70-х годов. Людей арестовывали даже за хранение в доме книг на арабском языке, безотносительно их содержания... Исламоведы утверждают, что именно это преступное неуважение к чужим убеждениям, подавление малейшего отзвука религиозного в быту (а у мусульман это связано неразрывно), презрение к древним традициям и укладу — все это принесет еще нам много страшных плодов в мусульманских регионах. По-моему, это еще одна, очень серьезная причина некоторых конфликтов на Северном Кавказе.

С. А. — Может быть. Но, давайте разберемся.

В Дагестане, например, ислам имеет давние и глубокие корни. С одной стороны, он искоренялся там — методами варварскими и жестокими. С другой — людям все-таки удалось сохранить много драгоценных памятников мусульманской культуры. Но это в Дагестане. Там особая ситуация.

Что же касается, скажем, Ингушетии, Кабарды, Карачая, Балкарии... Еще 200 или 250 лет тому назад они были христианскими. А до того, как стать христианами (еще лет 300—400 назад), жители этих регионов были язычниками. По существу, до сего дня они во многом таковыми и остаются. Я не хочу этим никого обидеть или унизить, потому что язычниками во многом остаются по сей день и грузины, и армяне, и даже русские (несмотря на то, что русское язычество преследуется уже 1000 лет)... К тому же я не могу сказать, что христианизация России или Армении было явлением однозначно положительным. Существовал очень ценный и чрезвычайно важный пласт языческой культуры, который христианизация, если не уничтожила, то, во всяком случае, сильно размельчила. И эти языческие представления, никак не связанные с высокими религиями, доминировали в идеологии простых людей и сельских жителей на значительной территории Закавказья и Северного Кавказа. Во многих местах эти представления были облачены в христианские или мусульманские одежды чисто номинально.

Сейчас положение меняется. По мере того как все выше и выше на каждом флагштоке вздымается национальное знамя, рядом с ним стремятся водрузить и знамя религиозное. И уже в Грузии грузинское православное христианство является как бы признаком грузинской национальной принадлежности. И уже сейчас ингуши и карачаевцы, которые мусульманами могут называться лишь с очень большой натяжкой (правоверные мусульмане где-нибудь в Аравии или в Египте с большим сомнением отнеслись бы к тому, чтобы этих людей по их образу жизни можно было бы назвать мусульманами), в национальном самоутверждении все более и более настойчиво подчеркивают свою исламскую принадлежность. И это опасно.

Я ни за что не позволю себе опуститься до того, чтобы охаивать какую угодно религию. Каждая религия содержит в себе прежде всего благое начало, определенные этические нормы — нормы взаимоотношений человека с человеком или человека с миром. Но в то же время я никак не могу согласиться с распространяющейся в последние годы позицией, что всякое религиозное возрождение — это безусловное благо. Потому что клерикализм есть зло. Религиозный фундаментализм и религиозный фанатизм есть безусловное зло. И ислам, так же, как и любая другая религия, содержит в себе эти два начала. Опасность заключается в том, что в нынешних условиях, когда будет подниматься исламское знамя (точно так же, как поднимается христианское знамя), те, кто размахивает им, будут делать акцент отнюдь не на гуманистические и прогрессивные начала религии, а именно на фундаменталистские, фанатические, сугубо реакционные начала. С этой опасностью нельзя бороться, борясь с исламом как таковым — то есть, запрещая ислам. С этой опасностью можно бороться, только опираясь на прогрессивные и гуманистические *направления*, на *людей* гуманистической ориентации в *самом* исламе. Это также относится и к любой другой религии.

Е. С. — Вы сказали, что Дагестан — особый регион. Является ли его многонациональность основой большего спокойствия в этой республике?

С. А. — Это кажущееся спокойствие. Дагестан сложен. Во-первых, там действительно очень силен ислам. Причем ислам высокой культуры. Поэтому там есть большой потенциал для развития его гуманистического начала. Но есть достаточный потенциал и для развития религиозного фанатизма.

Второе. В одном государственном образовании там живет много народов, которые имеют *общую* столицу и экономическую структуру... Это трудно делить. Народы в Дагестане живут очень чересполосно. Причем, это было резко усилено советскими мероприятиями, когда горцев переселяли на равнину. И сейчас там встают эти вопросы. Кумыки, например, говорят: «Верните нам наши земли, на которых вы поселили переселенцев с гор». Плюс ко всему, Грузия хочет, чтобы те аварцы, которые живут в Кахетии, вернулись бы в Дагестан. Существует и особая проблема с лезгинами, половина которых живет в Азербайджане и которые стремятся к объединению...

В-третьих. Между крупнейшими народами Дагестана

идет некоторая борьба за то, кому будут принадлежать органы власти.

Далее. В Дагестане, грубо говоря, есть три категории народов: народы, которые имеют письменность; народы, которые упомянуты в Конституции, но письменности не имеют; и, наконец, народы, которые народами не признаются — это кайтаги, кубачи, бежтинцы, цезы и др. Я думаю, что эти народы (хотя и маленькие — всего по нескольку тысяч) будут стремиться к тому, чтобы *в рамках* Дагестана иметь определенную автономию.

Е. С. — Вы хотите сказать, что при сохранении существующей ситуации, мы через некоторое время можем ожидать взрыва и в Дагестане?

С. А. — В разных местах Дагестана — вполне возможно. Да Бог его знает, какие там могут возникнуть проблемы! Я не знаю, какие претензии могут появиться

у аварцев к кумыкам и наоборот. На меня оба эти народа могут обидеться: мы, дескать, живем дружно, а вот какой-то Арутюнов сидит в Москве и разжигает между нами вражду. Нет, речь как раз идет о том, чтобы видеть даже, казалось бы, отдаленную, потенциальную опасность и заранее предпринимать мирные меры, чтобы ее избежать.

И здесь неоценимую помощь могли бы оказать традиционные кавказские институты — привлечение старейшин и мулл... Это как раз те институты правления в этих регионах, которые народ исконно уважает. Именно так недавно удалось предотвратить чечено-ингушский конфликт. Иногда оказывается достаточным просто сказать, что мусульманин не имеет права убивать мусульманина...

Е. С. — Автономиями декларированы суверенитеты. Но они остаются на бумаге: на Северном Кавказе нет экономических предпосылок для их реализации. В этих республиках слабо развита промышленность. Фактически туда завозится *все*. Поможет ли республикам Северного Кавказа стремление отделиться разрешить конфликты, или только обострит их?

С. А. — Стремление к суверенитету — естественное стремление каждого народа.

Существует суверенное Сан-Марино, суверенное Монако, Андорра, Гренада, Сент-Киттс и Невис, Науру, Тувалу (где всего, кажется, несколько тысяч населения — несколько коралловых островков)... Конечно, их суверенитет — понятие относительное. Они не содержат послов во всех государствах, иначе им всем пришлось бы разъехаться. У них нет своей армии, военно-морского флота и т. д.

Они осуществляют свой суверенитет в той мере, в которой им это позволяет их численность, размеры и экономическое благосостояние.

Поэтому, на мой взгляд, может существовать не только суверенная Кабарда, или Чечня, или Карачай, но также и (в рамках суверенного Дагестана) суверенная Бежта, или — в меру своих возможностей — вполне суверенные Кубачи.

Е. С.— Так все-таки способны эти суверенные теперь республики сами прекратить свои конфликты или нет? Ведь эта проблема не местного значения, не дело вражды одного или двух аулов. Этот вопрос могут урегулировать суверенные республики, если они таковыми являются на деле. А это возможно лишь в том случае, если их суверенитет основан на экономической независимости.

С. А.— Совершенно верно. Но если бы все это предоставить решать аулам, как раз было бы спокойнее.

Вспомните, как разгорелся этот чудовищный пожар в Южной Осетии — только потому, что Осетия провозгласила себя независимым от Грузии государством. Конфликт был неизбежен, если учесть, что это никакая не Осетия, а самая что ни на есть исконная центральная Грузия, где в последние века стало преобладать осетинское население. Конечно, осетины имеют право там жить, но провозглашать свое государство на этой территории они не имеют права. Другое дело — исконная Осетия, так называемая Северная Осетия.

Е. С.— А ингуши говорят, что и это не исконная Осетия...

С. А.— Ну, если идти в глубь веков, можно дойти до палеолита... Конечно, провозглашение суверенитетов действительно ничего не дает. Изменить что-то может лишь последовательная демократизация: понижение центра тяжести власти.

Е. С.— Что же в таком случае может спасти ситуацию?

С. А.— Несколько непременных условий.

Первое. Правительство не должно полагаться на силу своей армии, которая превращается в армию бандитов и мародеров. Причем превращается не по злой воле своих военачальников, а из-за их некомпетентности, в силу разлагающей обстановки, которая так или иначе воздействует на армию. Не поймите меня превратно: армия нам очень нужна. Потому что, если никто не собирается нападать на нас с Запада, то этого никак нельзя сказать о наших южных границах от Одессы до Владивостока. И хотя бы для того, чтобы обезопасить свои южные границы, нам нужна настоящая сильная армия.

Но наша армия тяжело больна. И преступное вовлечение ее во все эти конфликты лишь усугубляет эту болезнь.

Второе. Необходимо срочно обращаться за помощью в ООН. К сожалению, наше правительство к этому еще не готово. Ничего не выйдет до тех пор, пока оно не будет готово полностью — морально и физически — к тому, чтобы *призвать* международные воинские контингенты для *разъединения* противоборствующих сторон. Советская армия с этим справиться не может. С этим могут справиться только силы ООН. Они уже выполняли подобную миссию — с трудом, но выполняли — на Синае, Кипре, в Ливане и т. д.

Е. С.— То есть ситуация дошла до такого накала, что возможно лишь силовое решение вопроса?

С. А.— Это надо было сделать уже давно. Должно произойти *разъединение* борющихся сторон. Если люди

стреляют друг в друга, если они тузят друг друга — то иначе, как силой, их не растащить. Но здесь достаточно будет сравнительно небольшой силы. Потому что, если и азербайджанские, и армянские боевики спокойно, без зазрения совести, стреляют по русским ребятам с красными звездами на шлемах, в марокканских или голландских ребят в голубых касках они стрелять не станут.

Е. С.— Что их остановит?

С. А.— Их остановит сознание, что в этом случае против них будет выступать не Михаил Сергеевич Горбачев, который им совершенно безразличен и не страшен, а мировое сообщество, весь цивилизованный мир, который им в конечном счете нужен и на который они вот так просто наплевать уже не смогут.

Е. С.— Вы считаете, тем, кто стреляет не все равно?

С. А.— Нет, не все равно. А главное, не все равно тем, кто стоит за стреляющими. В этом случае они приструнят своих боевиков, вынуждены будут приструнить. Причем сделают это достаточно эффективно.

Третье необходимое условие. Безоговорочное признание Хельсинкского принципа нерушимости границ всеми новыми правительствами, независимо от статуса и степени суверенитета. Это должны признать и осетины, и ингуши...

Е. С.— Границы, существующие на *сегодняшний* момент?

С. А.— Да. Разделение возможно — скажем, Чечни и Ингушетии или Карачая и Черкессии. Но, опять-таки, по тем границам, которые существовали непосредственно *до* их слияния. Эти границы известны, и их можно немедленно восстановить.

К усилению — чудовищному усилению — конфликта приведет *любая* попытка изменить где-нибудь границу даже на 5 метров. Вот *это* — немедленно, автоматически приведет к кровопролитию.

Е. С.— Но ведь *все* они *только* и говорят об изменении границ...

С. А.— Совершенно верно. Поэтому необходимо добиться, чтобы уже сам разговор об изменении границ считался преступлением. В остальном нужно вести переговоры и искать компромиссы. Причем спорные территории могут поступать под особый контроль какой-нибудь двусторонней комиссии. Это касается и Карабаха, и Пригородного района Осетии. Предположим, Пригородный район выделяется в особую единицу. Де-юре он остается в составе Осетии: границы нерушимы. *Но!* На определенное время, скажем, на 99 лет, Осетия и Ингушетия образуют двустороннюю комиссию. В ней может находиться наблюдатель от Ельцина или от Переса де Куэльяра (достаточно одного наблюдателя). Эта комиссия на своих заседаниях будет решать все вопросы, которые касаются данной территории.

Е. С.— Эта двусторонняя комиссия представляется вам рабочим органом?

С. А.— Ну а почему бы ей не быть рабочим органом? В конечном счете компромисс — это единственный возможный путь разрешения конфликта.

Е. С.— Поставьте рядом осетина и ингуша... Они же видеть друг друга не могут. Как они будут работать в одной комиссии?

С. А.— Да. Но, знаете, 10 лет Иран и Ирак воевали и видеть друг друга не могли. А потом, когда убили по миллиону с той и с другой стороны, все-таки сообразили, что по второму миллиону убивать будет накладно. И сели — даже не за общий стол, а в разных комнатах. И тот же Перес де Куэльяр ходил из комнаты в комнату, носил им записочки. А потом они как-то потихоньку сели за один стол переговоров и более менее наладили нормальные отношения... *Нет* таких противостоящих сил, которые в конечном счете было бы невозможно привести к компромиссу.

Е. С.— Но вы сказали страшную фразу: убили по миллиону...

С. А.— Совершенно верно. У нас на Северном Кавказе уже убили наверное по сотне человек с каждой стороны. Вопрос состоит в следующем: *сколько* этим людям понадобится убить, чтобы поумнеть? Но для того, чтобы они убили поменьше, есть ООН и есть ее очень хорошо отработанные механизмы.

К сожалению, *ложное* понимание национального престижа и суверенитета страны мешает нам обратиться в ООН. А между тем эта организация смогла бы очень быстро если не полностью разрешить конфликт, то, во всяком случае, *сильно* нормализовать ситуацию и создать возможности для достижения компромисса в формировании смешанных комиссий.

Е. С.— Понятно, чем может кончиться ситуация если все оставить, как есть. Но как долго, на ваш взгляд, она будет развиваться до своего страшного конца, если в ближайшее время не произойдет то, о чем вы говорите? Короче, сколько осталось времени — у нас и у них?

С. А.— Армяно-азербайджанская война уже идет. Грузино-осетинская война может вспыхнуть с минуты на минуту. Другие войны могут вспыхнуть в течение года, двух лет... Правда я уверен: даже если ситуация разовьется в большую трагедию, ни ингушский, ни армянский, ни азербайджанский, ни грузинский, ни аварский, ни абхазский народы с лица земли не исчезнут. Но понесут огромные жертвы — тысячи, десятки тысяч человек могут погибнуть в результате всего этого. Мы это уже наблюдали в Ливане, на Кипре, в Ираке и во многих других местах. Причем люди гибнут ни за что ни про что, и никому от этого выгоды нет, кроме нескольких грязных политиков, которые, может быть, на несколько лет обеспечат себе удобные кресла. Хотя, в конце концов, через несколько лет их из этих кресел выковырнут и повесят.

Что же можно сделать с тяжелобольным человеком? Его нужно лечить, и как можно скорее. Поэтому начинать нужно уже сегодня. То, что делалось до сих пор — были лишь попытки лечения. В основном это были попытки с негодными средствами. Я не хочу сказать, что они вообще ничего не дали. Может быть, какие-то полицейские акции — просто неоднократная установка милицейских постов в Абхазии — помогла предотвратить какие-то конфликты...

Но все время остается опасность возникновения новых кризисов. Есть только один путь — обратиться за помощью к мировому сообществу.

Е. С.— Я думаю, ВС РСФСР мог бы принять подобное решение... Но я боюсь, что те люди, которые входят от этих регионов в Комитет по межнациональным проблемам, будут против. Мне кажется, что они будут оскорблены таким решением...

С. А.— Я не знаю, будут ли, допустим, осетины и ингуши оскорблены приездом представителей наблюдательных организаций ООН во Владикавказ. Или, скажем, будут ли грузины и абхазцы оскорблены приездом наблюдателя ООН в Сухуми... Думаю, что ни армян, ни азербайджанцев ничуть не оскорбил приезд к ним Ельцина и Назарбаева с миротворческой миссией — наоборот, появилась какая-то надежда.

Е. С.— До тех пор, пока представители местного населения будут надеяться убедить наблюдателей в своей правоте, они не будут оскорблены. Но как только станет ясно, что этот вопрос будет решаться в пределах старых границ — все! Возможен новый конфликт.

С. А.— Речь ни в коем случае не должна вестись о переделе границ. Речь идет только об установлении *особого* режима, о создании двухсторонних или многосторонних комиссий. Я понимаю, что все это будет очень и очень непросто. Но другого пути уже нет. Другой путь — это как в Ливане: воевать до тех пор, пока не обескровят друг друга полностью... Пока не устанут воевать.

Лезгины

Казакъ Кавказской линіи.

ВАСИЛИЙ НИКИФОРОВ-ВОЛГИН

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

ЗАБЫТЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Василий Акимович (Иоакимович) Никифоров родился в 1901 г. в деревне Маркуши Калязинского уезда Тверской губернии в семье сапожника. После революции Никифоровы оказались в Эстонии, в Нарве, где треть населения составляли русские.

Жилось трудно. Из-за крайней бедности будущему писателю удалось закончить только начальную школу, все остальное добыто упорным самостоятельным трудом. К счастью, для интеллектуального развития тогдашняя Нарва предоставляла неплохие возможности. Здесь было два театра — русский и эстонский, несколько гимназий, музыкальное и художественное училища, балетная студия, русский народный университет, много обществ — русских, эстонских, немецких, два великолепных музея, которые сделали бы честь любому городу, здесь издавались книги, газеты — опять же эстонские и русские — и даже журналы. После революции в Нарве оказалось много эмигрантов из числа интеллигенции, живших хоть и скудно, но все же не дававших Нарве опуститься до уровня провинциального захолустья.

Первая известная нам публикация В. Никифорова относится к 1921 году: в ведущей русской газете Эстонии тех лет «Последние известия», выходившей в Таллине, было опубликовано его письмо в редакцию «Исполните свой долг!». В нем говорилось о необходимости позаботиться о могилах воинов-северозападников на нарвском кладбище. А с 1923 года начинается его регулярная литературная и журналистская деятельность. Свои публикации он, как правило, подписывает псевдонимом Василий Волгин — в память о великой русской реке, на которой прошло детство. Этим псевдонимом он как бы подчеркивал свою глубинную связь с оставленной родиной, отрыв от которой переживал очень болезненно.

В 1927 г. приходит первое признание: на конкурсе молодых авторов, проведенном Литературным кружком в Таллине (основан в 1898 г.), первая премия была присуждена рассказу В. Никифорова-Волгина «Земной поклон». Кстати, несколько лет спустя, в 1931 г., на очередном конкурсе этого кружка В. Никифоров-Волгин вновь был удостоен I премии, на этот раз за рассказ «Голод».

К середине 1930-х гг. В. Никифоров-Волгин был уже довольно известным писателем. В 1935 г. на литературном конкурсе популярного парижского журнала «Иллюстрированная Россия» он получил премию за рассказ «Архиерей», который был опубликован на страницах этого издания.

Поэт Игорь Северянин посвящает писателю сонет.

В конце 1935 г. В. Никифоров-Волгин переезжает в Таллин. Одна за одной выходят его книги: «Земля-именинница», «Дорожный посох», готовится к печати сборник «Древний город (Жизнь и нравы русской провинции после революции)». Его планировалось выпустить в 1940 г., но этому помешали известные события.

Установление с помощью Красной Армии Советской власти в Эстонии губительно сказалось на русской культурной и литературной жизни в стране: были закрыты все русские общества, организации, газеты, многие писатели и деятели культуры были репрессированы.

В. Никифоров-Волгин был арестован 24 мая 1941 года, с началом войны этапирован в Киров и в августе того же года приговорен к расстрелу — за «принадлежность к различным белогвардейским монархическим организациям, издание книг, брошюр и пьес клеветнического, антисоветского содержания».

Приговор приведен в исполнение 14 декабря 1941 года.

СЕРГЕЙ ИСАКОВ,
г. Тарту

«Торжество православия»

Отец загадал мне мудреную загадку:

— «Стоит мост на семь верст. У конца моста стоит яблоня — она пустила цвет на весь Божий свет».

Слова мне понравились, а разгадать не мог. Оказалось, что это семинедельный Великий пост и Пасха.

Первая неделя поста шла к исходу. В субботу церковь вспоминала чудо великомученика Феодора Тирона. В этот день в церкви давали медовый рис с изюмом. Он так мне понравился, что я вместо одной ложечки съел пять, и дьякон, державший блюдо, сказал мне:

— Не многовато ли будет?

Я поперхнулся от смущения и закашлялся.

В эти богоспасенные дни (так еще называли пост) я часто подходил к численнику и считал листики: много ли дней осталось до Пасхи?

Перелистал их лишь до Великой субботы, а дальше уж не заглядывал — не грешно ли смотреть на Пасху раньше срока?

Отец, сидя за верстаком, пел великопостные слова:

Возсия благодать Твоя, Господи,
возсия просвещение душ наших;
отложим дела тьмы и облечемся во оружие света:
яко да преплывше поста великую пучину.

Все чаще и чаще заставляли меня читать по вечерам «Сокровище духовное от мира собираемое» св. Тихона Задонского. Я выучил наизусть вступительные слова к этой книге и любовался ими как бисерным кошелечком, вышитым в женском монастыре и подаренным мне матерью в день Ангела:

«Как купец от различных стран собирает различные товары и в дом свой привозит, и сокрывает их: так христианину можно от мира сего собирать душеполезные мысли и слагать их в клети сердца своего, и теми душу свою созидать».

Многое что не понимал я в этой книге. Нравились мне лишь заглавия некоторых поучений. Я заметил, что и матери эти заглавия были любы. Прочтешь, например, «Мир», «Солнце», «Сеятва и жатва», «Свеша горящая», «Вода мимотекущая», а мать уж и вздыхает:

— Хорошо-то как, Господи!

Отец возразит ей:

— Подожди вздыхать... Это же «зачин».

А она ответит:

— Мне и от этих слов тепло!

Читаешь творение долго. Закроешь книгу и по старинному обычаю поцелуешь ее. Много прочитано разных наставлений святителя, а мать твердит только одни ей полюбившиеся заглавные слова:

— Свеша горящая... Вода мимотекущая...

Наш город ожидал два больших события: приезда архиерея с знаменитым протодьяконом и чин провозглашения анафемы отступникам веры.

Про анафему мне рассказывали, что в старое время она провозглашалась Гришке Отрепьеву, Стеньке Разину, Пугачеву, Мазепе, и в этот день старухи-неразумихи поздравляли друг дружку по выходе из церкви: «С проклятьицем, матушка». При слове «анафема» мне почему-то представлялись большие гулкие камни, падающие с высоких гор в дымную бездну.

День этот был мглистым, надутым снегом и ветром, готовый рассыпаться тяжелой свинцовой вьюгой. Хотя и объяснял мне Яков, что анафему не надо понимать как проклятие, я все же стоял в церкви со страхом.

Из алтаря вышло духовенство для встречи епископа. Я насчитал двенадцать священников и четырех дьяконов.

Шествие замыкал высокий, дородный протодьякон с широким медным лбом, с рыжими кудрями по самые плечи. Он плыл по собору, как большая туча по небу, вьюжно шумя синим своим стихарем, опоясанным серебряным двойным орарем. Крепкая медная рука с литыми длинными пальцами держала кадило.

Про этого протодьякона ходила молва, что был он когда-то бурлаком на Волге и однажды, тяня бичеву, запел песню на все волжское поволье. Услыхал эту песню проезжавший мимо московский митрополит. Диву он дался, услыхав голос такой редкостной силы. Владыка повелел позвать к себе певца. С этого и началось. Бурлак стал протодьяконом.

На колокольне затрезвонили «во имя тяжкая» колокола. К собору подкатила карета, из которой вышел сановитый монах в собольей шубе, опираясь на черный высокий посох. Лицо монаха властное, смурое, как у древних ассирийских царей, которых я видел в книжке.

В это время загрохотал как бы великий гром. Все перекрестились и восколебались, со страхом взглянув на медного протодьякона. Он начал возглашать:

— Достойно есть, яко воистину...

К его возгласу присоединился хор, запев волнообразное архиерейское «входное», поверх которого шли тяжелые волны протодьяконовского голоса:

— И славнейшую без сравнения серафим...

Два иподьякона облачали епископа в миловую мантию. Она звенела тонкими ручьистыми бубенчиками.

Это была первая торжественная служба, которую я видел, и мне было радостно, что наше православие такое могучее и просторное. Недаром сегодняшний день назывался по церковному «Торжеством Православия».

Епископа облачали в редкостные ризы посредине церкви на бархатном красном возвышении, и в это время пели запомнившиеся мне слова:

— Да возрадуется душа твоя о Господе!..

Все это было мне в диковинку, и Гришка несколько раз говорил мне:

— Закрой рот! Стоишь, как ворона!

— А у тебя сопля течет! — разъярился я на Гришку, толкнув его локтем.

— Чего это вы тут озоруете? — зашипел на нас красноносый купец Саморядов.— Анафемы захотели?

Но купец Саморядов сам не выдержал тишины, когда протодьякон грянул во всю свою волговую силу:

— Тако да просветится свет твой пред человеки!..

Купец скрючился, ахнул и восторженно вскрикнул:

— Вот дак... голосище! Чтоб... его...

Он хотел прибавить что-то неладное, но испугался; закрыл ладонью рот и стал часто креститься. На купца взглянули и улыбнулись.

Меня затеснили и загородили свет. Я пытался протискаться вперед, но меня не пускали и даже бранили:

— И что это за шкет такой беспокойный!

— Пустите сорванца вперед, а то все мозоли нам отдавит!

Меня выпихнули к самому амвону, где стояли почетные богомольцы. На меня покосились, но я никакого внимания на них не обратил и встал рядом с генералом.

Я смотрел на «золотое шествие» духовенства из алтаря на середину церкви при пении «Блажени нищие духом», на выход епископа со свечами, провозгласившего над народом моление «Призри с небеси Боже» и осенившего всех нас огнем,— а в это время три отрока в стихарях пели: «Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас»,— на всенародное умовение рук епископа перед Великим выходом, при пении: «Иже херувимы тайно образующе», и все это при синайских громах протодьяконовского возношения.

Мне не стоялось спокойно, я вертелся по сторонам и весь как бы горел от восхищения.

Генерал положил мне руку на голову и вежливо сказал:

— Успокойся, милый, успокойся!

Начался чин анафемствования. На середину церкви вынесли большие темные иконы Спасителя и Божьей Матери. Епископ прочитал Евангелие о заблудшей овце, и провозглашали ектению о возвращении всех отпавших в объятия Отца Небесного.

В окна собора била вьюга. Все люди стояли потемневшими, с опущенными головами, похожими на землю в ожидании бури.

После молитвы о просвещении светом всех помраченных и отчаявших на особую деревянную восходницу поднялся протодьякон и положил тяжелые металлические руки на высокий черный аналой. Он молча и грозно оглядел всех предстоящих, высоко поднял златовласую голову, перекрестился широким взмахом и всею силою своего широкого голоса запел прокимен:

— Кто Бог великий яко Бог наш, Ты еси Бог наш творяй чудеса!

Как бы объятый огнем и бурею протодьякон бросал с высоты восходницы огненосное, страшное слово: анна-фе-мма!

И опять мне представилась гора, с которой падали тяжелые черные камни в дымную бездну.

Все отлучаемые от Церкви были этими падающими камнями. Вслед им, с высоты горы, Церковь пела трижды велико-скорбное и как бы рыдающее:

— Анафема, анафема, анафема!

В этот мглистый вьюжный день вся земля, казалось, звучала протодьяконской медью:

— Отрицающим бытие Божие — анафема!

— Дерзающим глаголати яко Сын Божий не единосущен Отцу и не бысть Бог — анафема!

— Не приемлющим благодати искупления — анафема!

— Отрицающие Суд Божий и воздаяние грешников — анафема!

В этот день мать плакала:

— Жалко их... Господи!

Иванушка

Умирал братец мой Иванушка. Ему было шесть лет. В больших муках умирал он. По деревенскому обычаю положили его под иконы, чтобы Господь облегчил его... Была пасхальная ночь. Отец к Светлой заутрени пошел, и братец все время спрашивал нас:

— Тятя скоро придет? Красное яичко... мне обещал...

Мать утешала его:

— Придет, садик мой, придет... Теперь уж скоро...

Личико его то затуманивалось, то вспыхивало тихими зорниками. Он постоянно ручки тянул к нам, словно на руки просился.

Он приподнял головку и к чему-то прислушиваться стал. Слушал долго, а потом сказал:

— Мама! Воробушки скачут!

В комнате прозвенело что-то похожее на упавшие стеклянные бусинки — это Иванушка засмеялся в бреду.

И стал он опять тосковать и метаться по постельке.

— Мама! Распутай нитки у меня на грудке...

Мать гладила его грудку и, как нищая на церковной паперти, стала всхлипывать:

— Вот... я ниточки распутываю... вот так... Будет Иванушке вольготно... Вот так!..

Вдруг братец опять приподнялся и радостно закликал:

— Тятя идет!

Мы ничего не слышали — бредит Иванушка! Я посмотрел в окно. В конце улицы в рассвете пасхального утра шел отец.

Только что он показался в дверях, Иванушка ручки вскинул навстречу, а ручки сухенькие и словно серебряные при металлическом утреннем свете. Эта серебряность особенно потрясла меня.

Отец взял Иванушку на руки, похристосовался с ним и стал носить его по комнате. Дали Иванушке красное яичко, но он не удержал его в ручке, и оно покатилось по полу. Глазами «большого» посмотрел на него и заплакал.

Положили Иванушку на постельку. Он закрыл глазки, а потом хрустнул горлышком, как речная тростинка, когда ее в руке сожмешь, и по-страшному затих.

Лицо матери стало серебряным. Отец послушал Иванушку и перекрестил его, сказав: «Царство Небесное!..»

В течение трех дней приходили кланяться Иванушке сродственники наши, соседи... На Иванушку смотрели тихими церковными глазами:

— Ангельская душенька!

Тетка Прасковья сказала:

— Сейчас Господь за ручку его водит и сады свои показывает...

Я представлял себе, как Господь водит Иванушку по небесным дорогам. Он говорит Иванушке также, поди, воркотно и светло, как соборный батюшка отец Владимир: «Вот и хорошо, родненький, что ко мне пришел!.. Так, так, Иванушка... Ты уж того... побегай, поиграй!.. Радуйся в саду Моем во веки веков...»

Говорит ему Господь и по головке гладит Иванушку, и благословляет его пронзенными распятием руками, а Иванушка к белой одежде Господа головкой прижимается...

Представил я это до того живо и трогательно, что и самому захотелось помереть.

Стал я вспоминать нашу с Иванушкой жизнь. Все в ней как будто бы хорошо было, но вот однажды попросил он у меня волчка, а я пожадничал и не дал ему... Стало мне очень горько. Тут впервые в жизни я понял, что за мука страшная — угрызение совести!..

Положили братца в белую храмину (не хотела мать произносить слова «гроб»). Пришел нищий Яков и для назидания и утешения нашего прочитал из Евангелия главу, где говорилось о Христе, благословляющем детей, и о наследии ими Царства Небесного.

Я незаметно положил под изголовье Иванушке волчка и тихо сказал:

— Ты прости меня... я не знал, что ты помрешь...

На третий день Пасхи понесли братца хоронить. В церкви украсили лобик его золотым венчиком с надписью «Святый Боже» — в знак упования, что и там... увенчает его Господь венцом небесным. На панихидный столик поставили кутью из зерен — как зерно, с виду мертвое, но брошенное в землю восстает к жизни, так и мертвое тело воскреснет при трубе архангела.

Отпевали Иванушку по особенному, по пасхальному чину, радостно, в белах ризах, с пасхальной серебряной свечою. Отправляли братца в дорогу с сердцем легким и мирным, без нахмуренной скорби. Читали и пели хорошие легкие слова и часто, часто повторяли:

— Господи, упокой младенца!

«Небесных чертогов и светлого покоя... причастника сотвори чистейшего младенца»...

«Рая жителя тя показует, блаженный воистину младенче... Ликом святых счиняет тя»...

Сравнивали Иванушку «с младым злаком», Господом пожатым, чтобы возвести его от земли на божественную гору.

— О мне не рыдайте,— говорил братец словами исходной песни,— а радуйтесь...

Наступило «последнее целование». Мы прощались с Иванушкой, целовали лобик его, освещенный солнцем, а в это время пели:

«О чадо! Кто не восплачет зря твое ясное лицо увядаемо...»

«Яко же бо корабль следа не имый, сице зашел еси от очию скоро...»

Священник сказал:

— Вечная память достоблаженне и приснопоминаемый младенче Иоанне...

Все было в церковном дыму и в солнце. В притвором саду летали птицы. Они садились на старые деревья, и ветки качались.

Посыпали Иванушку землею и сказали:

— Господня есть земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущие на ней...

Мы были люди бедные и никак не думали, что батюшка скажет надгробное утешительное слово, но батюшка пожалел нас и сказал проповедь, в которой очень понравились слова:

— Блаженно детство: оно наследует рай!

Мать обносила кутью и каждому говорила:

— Помяните младенца!

Брали ложечку кутьи, крестились и отвечали:

— Помяни, Господи, ангельскую душеньку!..

А когда выносили гробик из церкви, то над всем городом трезвонили пасхальные колокола, все снимали шапки, встречные офицеры и даже городовые отдавали Иванушке честь. Я подумал:

— Хорошо бы и мне помереть!

Когда опускали Иванушку в яму и так крепко, словно деревенским ржаным хлебом, запахло землею, освещенной пасхальным солнцем, я пожалел Иванушку:

— Пожил бы ты еще, милый братец!

Я бросил на крышку гроба горсточку земли «на легкое ему лежание». Пальцы мои пахли землею, и я почти с криком подумал:

— Земля-то как хорошо пахнет, а братца моего нет!

Весенний хлеб

В день Иоанна Богослова Вешнего старики Митрофан и Лукерья Таракановы готовились к совершению деревенского обычая — выхода на перекресток дорог с обетным пшеничным хлебом для раздачи его бедным путникам.

Соблюдалось это в знак веры, что Господь воззрит на эту благостыню и пошлет добрый урожай. До революции обетный хлеб испекался из муки, собранной по горсти с каждого двора, и в выносе его на дорогу участвовала вся деревня. Шли тихим хождением, в новых нарядах, с шепотной молитвой о ниспослании урожая. Хлеб нес самый старый и сановитый насельник деревни.

Теперь этого нет. Жизнь пошла по-новому. Дедовых обычаев держатся лишь старики Таракановы. Только от них еще услышат, что от Рождества до Крещения ходит Господь по земле и награждает здоровьем и счастьем, кто чтит Его праздники; в Васильев день выливается из ложки кисель на снег, с приговором: «Мороз, мороз! Поешь нашего киселя, не морозь нашего овса». В Крещенский сочельник собирается в поле снег и бросается в колодец, чтобы сделать его многоводным; в прощеное воскресенье «окликают звезду», чтобы дано было плодородие овцам; в чистый понедельник выпаривают и выжигают посуду, чтобы ни згинки не было скоромного; в Благовещенье Бог благословляет все растения, а в Светлый день Воскресения Юрий — Божий посол — идет к Богу за ключами, отмыкает ими землю и пускает росу «на Белую Русь и на весь свет».

На потеху молодежи старики Таракановы говорят старинными, давным давно умершими словами. У них: колесная мазь — коляница, кони — комони, имущество — собина, млечный путь — девьи зори, приглашение — повещанки или позыватки, запевало — починальник, погреб — медуша, шуметь на сходе — вечать, переулки — зазоры.

Речь свою старик украшает пословицами и любит похваляться ими; так, бывало, и сеет старинными зернистыми самоцветами.

Соседу, у которого дочь «на выданье», скажет:

— Заневестилась дочь, так росписи готовь!

Про себя со старухою говорит:

— Только и родни, что лапти одни!

Соседского сына за что-то из деревни выслали, и старик утешал неутешную мать:

— Дальше солнца не сошлют, хуже человека не сделают, подумаешь — горе, а раздумаешь — воля Божья!

Бойким веселым девушкам тихо грозит корявым пальцем:

— Смиренье — девушки ожерелье.

Баба жаловалась Митрофану на нищее житье свое, а он наставлял ее:

— Бедная прядет, Бог ей нитки дает!..

Лукерья, маленькая старушка с твердыми староверскими глазами, старую песню любила пестовать. Послушает она теперешние вроде «О, эти черные глаза» и горестью затуманится:

— В наше время лучше пели,— скажет со вздохом и для примера запоет причитным голосом:

Ах, ты матушка Волга реченька,
Дорога ты нам пуще прежнего,
Одарила ты сиротинушек
Дорогой парчей, алым бархатом,
Золотой казной, жемчугами камнями...
И в долгу-то мы перед матушкой,
и в долгу большом перед родненькой.

К выносу на дорогу «обетного хлеба» Митрофан и Лукерья готовились с му́кою душевной. Вчера Лукерья собирала по всей деревне муку для «обычая», но никто ничего не дал, только на смех подняли.

Рано утром в избе Тараканова запахло горячим хлебом. Пока он доходил в печи, Митрофан стоял перед иконами и молился.

В полдень стали готовиться к выносу. Хлеб задался румяным и наливным. Старуха перекинула его с руки на руку и сказала:

— Хышь на царскую трапезу!

Старик постучал по загаристой корке и высловил:

— Сущий боярин!

Хлеб положили на деревянное блюдо, перекрестили его и покрыли суровым полотенцем. Старик принял его на обе руки. Лукерья открыла дверь и сказала вслед:

— Как по занебесью звездам несть числа, дак бы и хлебушка столько добрым людям...

Митрофан пошел по деревенской улице. Он был без шапки, с приглаженными волосами, с расчесанной на две стороны бородою, в длинной холщевой рубахе. Концы полотенца с вышитой занизью свисали до земли, как дьяконский орарь.

Парни и девки, стоявшие у раскрытых окон Народного дома и слушавшие радио, увидев Митрофана, засмеялись. Подвыпивший парень в манишке и сползающих манжетах махнул старику бутылкой водки и надсадно хамкнул:

— Гони сюда закуску!

Старик остановился и степенно ответил:

— Не смейтесь, ребятки! Хлеб Господень несу!

Митрофан дошел до перекрестка и остановился. Дороги были тихими, прогретыми майским солнцем. Веселой побежкой гулял ветер, взметывая золотистую пыль.

От запаха ли пыли, пахнувшей по весне ржаными колосьями, или от зеленой зыби раскинувшегося ржаного поля,— Митрофан стал думать о хлебе:

— Даст ли Господь урожай?

Вспомнились прежние градобития, неуемные дожди, иссушающие знои, и во рту становилось горько, а хлеб на руках потяжелел. Солнце играло с ветром. Митрофан залюбовался их игрою и сразу же осветился:

— Ничего,— сказал нараспев,— Микола Угодник умолит, вызволит мужика из беды... Он, Микола-то, по межам ходит, хлеб родит, да и к тому же в Крещенье снег шел хлопьями, а это всегда к урожаю...

На автомобиле проехали городские люди. С широким удивлением посмотрели на бородатого высохшего старика, стоявшего у дорожного вскрая: откуда это древнее видение? Кого он поджидает с хлебом-солью среди пустых полей?

Мимо старика проехал велосипедист в кожаной куртке и таких же штанах. Он остановился и спросил:

— Ты, старина, зачем тут стоишь?

— Бедных зашельцев поджидаю...

— А это для чего?

— Хлебушком хочу с ними побрататься... Обычай такой у нас... старинный... штобы это... Господь за нашу милость урожай хороший послал...

Велосипедист покачал головой.

Время уходило за полдень, а из нищей братии никто не показывался. Это начинало тревожить Митрофана.

— Плохой знак... недобрый... Не посылает Господь ни одного доброго человека... Вот что значит одному-то выходить с хлебом!.. Пошли бы как встарь всей деревней, Господь-то и услышал бы...

От усталости Митрофан присел на придорожный камень и задумался. Думы были тяжелые. Чтобы не так больно было от них, он старался дольше и глубже смотреть на поля. Несколько раз повторил:

— Своя земля и в горсти мила!

В думах своих не заметил, как мимо прошел человек в рваной «чернизине» и босой. Митрофан прытко поднялся с камня и крикнул вслед:

— Эй! Поштенный! Остановись!

— Чево? — повернулся прохожий.

— Вы из нищих? — радостно спросил старик, приближаясь к нему с хлебом.

Прохожий плюнул и выругался.

Подойдя поближе, старик признал в нем скупого лавочника из Верхнего села.

Почти до вечера простоял Митрофан на перекрестке и никого из нищей братии не дождался.

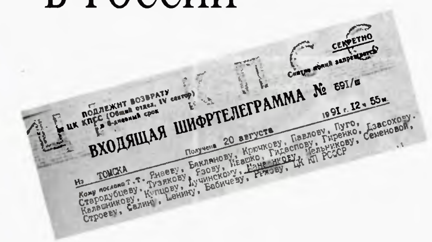
ИСТОЧНИК

документы русской истории

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ ПРИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
РУДОЛЬФА ПИХОИ

ОТКРЫТИЕ АРХИВОВ В РОССИИ

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
в ЦК КПСС (Общий отдел, IV сектор)
в 6-дневный срок

СЕКРЕТНО
Снятие копий запрещается

ВХОДЯЩАЯ ШИФРТЕЛЕГРАММА № 691/ш

1991 г. 12 ч 55 м.

Из ТОМСКА Получена 20 августа

Кому послана т. т. Янаеву, Бакланову, Крючкову, Павлову, Пуго, Стародубцеву, Тизякову, Язову, Ивашко, Гидаспову, Гуренко, Дзасохову, Калашникову, Купцову, Лучинскому, Манаенкову, Мельникову, Семеновой, Строеву, Салину, Шенину, Бабичеву, Рыжову, ЦК КП РСФСР

23 августа, в те часы, когда в Российском парламенте ожидалось первое после провала путча выступление Президента СССР М. С. Горбачева, в Комитет по делам архивов при Совете Министров РСФСР стали поступать сведения о том, что в ЦК КПСС, партийных организациях страны, в учреждениях Комитета государственной безопасности СССР начали уничтожать документы.

Именно тогда, во второй половине дня, российскими архивистами были опечатаны архивы ЦК КПСС и учреждений КГБ СССР. На следующий день, 24 августа, были изданы Указы Президента РСФСР, согласно которым архивы КГБ СССР и учреждений КПСС, находящиеся на территории РСФСР, передавались в ведение архивных органов РСФСР вместе с занимаемыми ими зданиями, сооружениями, штатной численностью и фондом оплаты труда.

Эти указы впервые ввели в состав государственной архивной службы России практически неизвестные прежде архивы. Их изучение только началось, и с самыми первыми, предварительными сведениями я познакомлю.

Сначала об архивах КПСС. Знакомство с хранилищами документов в зданиях ЦК КПСС началось с неожиданностей: как удалось установить, здесь не существовал единый архив ЦК. Вместо него документы находились в 148 (!) отдельных хранилищах, где было около 28,5 млн. дел. Крупнейшими из этих хранилищ были: текущий архив Общего отдела ЦК КПСС; руководящих кадров (номенклатуры ЦК КПСС); единого партийного билета, архивы Центральной Контрольной комиссии КПСС, отдела писем, Международного отдела.

Прекрасная техническая оснащенность некоторых из них вполне уживалась с отсутствием всякого научно-справочного аппарата — в других. Создается впечатление, что раздробленность архивов в самом ЦК, отсутствие единой информационной базы данных существовали как сознательно созданное препятствие, ограничивавшее доступ для получения информации даже сотрудникам аппарата ЦК, не относящимся к высшему руководству партии.

Существовал и определенный порядок использования документов: если данными областных партийных архивов могли пользоваться только члены КПСС, имевшие специальные разрешения партийных органов, то материалами Центрального партийного архива при Институте марксизма-ленинизма ЦК КПСС — прежде всего, сотрудники этого института, и в редких случаях — ученые из других учреждений. И совсем недоступным был текущий архив Общего отдела ЦК КПСС, использование документов которого было прерогативой только высшего руководства партии. Замечу, что непосредственный контроль за деятельностью этого архива, жесткую предварительную цензуру публикаций его документов осуществлял непосредственно заведующий Общим отделом ЦК КПСС, руководитель Аппарата Президента СССР и один из организаторов неудавшегося государственного переворота — В. Болдин.

КПСС и впредь не собиралась предоставлять возможность изучения своих документов. В секретной записке, датированной 12 августа 1991 года и адресованной заместителю Генерального секретаря ЦК КПСС В. Ивашко, подчеркивалось: «документы архива КПСС — острейшее оружие политической борьбы». Авторы этого документа, созданного в Общем отделе ЦК, настаивали на том, чтобы право пользования, как и право собственности архивами партии, принадлежало непосредственно ЦК КПСС «в лице своих руководящих органов — Политбюро и Секретариата».

Один из сотрудников аппарата ЦК КПСС, специализирующийся на пропаганде истории партии, доктор исторических наук В. Наумов в письме, направленном секретарю ЦК КПСС О. Шенину, предупреждает об опасности, которая, по его мнению, возникла с тех пор, как сотрудники Института марксизма-ленинизма получили возможность изготавливать для своей работы ксерокопии документов и что «еще большее беспокойство вызывает практика передачи значительного числа ксерокопий зарубежным исследователям и советским учреждениям».

Суть рекомендаций партийного историка сводится к одному: только непосредственно ЦК КПСС имеет право определить порядок доступа к документам.

Все эти соображения имели бы под собой основание, если бы речь шла об архиве политической партии, общественной организации. Однако эта норма не применима для КПСС. С первых часов своего существования в качестве победителей большевистская партия по сути подменила государственный аппарат, став на семьдесят с лишним лет «руководящей и направляющей силой общества», назначавшей и увольнявшей министров и директоров заводов, определявшей тираж газет

и журналов, решавшей, где строить электростанции и сколько должен стоить хлеб и телевизоры.

Эта постоянная, не прекращавшаяся ни на минуту, деятельность по руководству государством оставалась скрытой. Как в театре марионеток, зрители видели фигурки, а актеры, приводившие их в движение, всегда оставались за кулисами.

Безуспешные попытки общественности найти «крайних» за ввод войск в Венгрию и Чехословакию, Афганистан и Вильнюс, за расстрел и разгон демонстраций в Новочеркасске и Тбилиси — лучшее доказательство, что нити, управлявшие этими событиями, оказались надежно спрятаны в архивах.

Иронией судьбы стало, что партийный аппарат подверг жестокой цензуре работы своего основоположника — В. Ленина. В документе с грифом «сов. секретно», адресованном 14 декабря 1990 г. заместителю Генерального секретаря ЦК КПСС В. Ивашко, директор Института марксизма-ленинизма академик Г. Смирнов сообщает, что в его институте хранится 6724 неопубликованных документа. Для того, чтобы понять смысл этой цифры, нужно представлять себе атмосферу преклонения перед мудростью любого ленинского высказывания и какой шум сопровождал появление любого неизвестного его документа. Как же собирается распорядиться академик с без малого семью тысячами неизвестных ленинских работ? Да не публиковать и впредь по крайней мере половину из них. Не публиковать потому, что образ вождя, насаждавшийся многими десятилетиями в нашей стране, разом утратит свою благостность. Г. Смирнов пишет: «...имеются документы, содержание которых может быть истолковано как поощрение насильственных действий против суверенных государств — Индии, Кореи, Афганистана, Англии, Персии, Турции и др.», в отдельных документах раскрываются некоторые тайные методы работы государственных организаций Советской республики (о концлагерях для иностранных подданных, об организации слежки за прибывающими в страну иностранными делегациями, кампанией по дискредитации, как это было, к примеру, с делегацией английских тред-юнионов)... В некоторых документах поощряется политика террора и репрессий (например,... «Под видом «зеленых» (мы потом на них и свалим) пройдем на 10—20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия 100 000 руб. за повешенного...)».

У КПСС были основания не допускать к своим архивам независимых историков, так как официальная версия роли партии в истории нашего государства могла поддерживаться только сознательной дезинформацией и искажением документационной основы.

Практически недоступны были и архивы Комитета государственной безопасности СССР, собиравшиеся с первых дней существования этого учреждения, со времен его бытования под разными названиями: ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, но при сохранении неизменной его сути — вооруженного отряда партии. В настоящее время создана комиссия Верховного Совета РСФСР по передаче в ведение российской архивной службы всех архивов КГБ СССР, расположенных на территории РСФСР. Отмечу, что в областях России уже начался прием в государственные архивы документов областных управлений КГБ СССР.

Архивный фонд Российской Федерации с приемом новых хранилищ — КПСС и КГБ — практически удвоился: к 93 млн. дел прибавилось еще около 100 миллионов.

Естественен вопрос: когда и как эти прежде закрытые архивы станут доступными исследователям?

Для этого необходимо решить несколько проблем. Во-первых, создание необходимой правовой базы, позволяющей провести рассекречивание, ведь большинство документов, хранящихся там, имеют гриф «секретно», «совершенно секретно», «особой важности».

В стране до настоящего времени отсутствует закон о государственной тайне. Право сделать документ секретным принадлежало тем учреждениям, где он создавался. Нет и специального закона, который бы регулировал отношения в области архивного дела.

Поэтому одной из важнейших задач стала подготовка проекта Закона «Об архивах и архивном деле в РСФСР». Его разработка была начата еще в конце 1990 г., сейчас проект обсуждается в комиссиях Верховного Совета РСФСР. В нем, в частности, предусмотрено, что секретные документы должны становиться доступными для исследователей спустя 30 лет с момента их создания. В том случае, если и спустя это время в нем сохраняются сведения, затрагивающие национальную безопасность, то право на продление ограничений в использовании может дать только специальная комиссия Верховного Совета РСФСР. Этим Законом должны быть выравнены права доступа к архивной информации российским и иностранным ученым.

Однако необходимы не только изменения в правовой области. Архивы центрального аппарата КПСС и архивы КГБ никогда не были рассчитаны на то, чтобы там работали обычные исследователи. И перед тем, как там появятся читатели, необходимо создать научно-справочный аппарат (картотеки, описания), оборудовать читальные залы, оснастить их хотя бы минимальным набором оборудования (ксероксами, аппаратами для чтения микрофильмов) и т. д.

Требуются немалые организационные и финансовые меры для того, чтобы преобразовать эти секретные архивы в гражданские учреждения. Сейчас такой процесс начался.

В Москве образованы Российский центр хранения и использования документов новейшей истории (на основе документов бывшего Центрального партийного архива Института теории и истории социализма ЦК КПСС, где хранятся документы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, руководящих учреждений партии с момента ее возникновения до 1940 г., фонды Коминтерна) и Центр хранения современной документации (на базе архивов бывшего аппарата ЦК КПСС), где хранятся документы с 1940 года до 23 августа 1991 года.

После поступления в Роскомархив фондов КГБ планируется организация — на правах центральных — исторических архивов в Омске, Ульяновске, Пензе и в Москве. Центры и центральные исторические архивы непосредственно подчиняются Комитету по делам архивов при Совете Министров РСФСР.

На местах, в республиках, входящих в РСФСР, в краях и областях на базе бывших партийных архивов в большинстве случаев уже образованы центры хранения документов политической истории, реже — хранилища, входящие в областные государственные архивы.

Эти архивы подчиняются архивным управлениям в краях, областях, республиках в составе РСФСР. Сюда же должны поступать документы из областных, краевых, республиканских управлений КГБ.

В результате этой реформы не только значительно увеличился архивный фонд РСФСР. Впервые возникла возможность доступа к прежде совершенно закрытой информации. Таким образом, на практике ликвидируются прежде казавшиеся нерушимыми «берлинские стены», разделявшие единый информационный поток на то, что разрешалось, и то, что запрещалось знать гражданину России.

РУДОЛЬФ ПИХОЯ,
председатель Комитета по делам архивов при Совете Министров РСФСР, доктор исторических наук, профессор.

Об обращениях граждан по телефону в Справочную-приемную Общего отдела ЦК КПСС

19 августа 1991 года в связи с обнародованными документами Государственного Комитета по чрезвычайному положению в СССР в Справочную-приемную Общего отдела ЦК КПСС позвонили свыше 20 граждан, с утра 20 августа — 12. Чаще всего звонившие, откликаясь на сообщение о взятии управления страной ГКЧП, называть себя отказывались.

Часть граждан (7 чел.), некоторые в грубой форме, расценили произошедшие события как государственный переворот.

Большинство же звонивших поддерживают ГКЧП, воспринимают решения советского руководства как необходимый шаг по выводу страны из кризисной ситуации и сохранению единства Советского государства, желают Комитету действовать решительно и последовательно, но так, чтобы не пролилась кровь, установить жесткий контроль за публикациями и передачами средств массовой информации.

Ниже приводится содержание некоторых мнений граждан:

Каменев Е. А. (г. Москва): Поддерживаю введение чрезвычайного положения в стране. Я ждал этого. Порядок в стране давно надо было наводить.

— **Григорьева В. Г. (г. Москва):** Решение руководства страны по введению чрезвычайного положения правильное. Считаю, что партия должна поддержать это движение.

— **Не назвал себя (г. Чита):** ЦК КПСС должен немедленно дать оценку происходящим событиям. Нужно созвать чрезвычайный Пленум ЦК КПСС.

— **Не назвал себя (Липецкая обл.):** Полностью поддерживаю заявления руководства страны.

Утром 20 августа ряд граждан с беспокойством сообщили, что в Москве на станциях метро, в подземных переходах, на остановках автобусов и троллейбусов в большом количестве расклеены тексты обращения, подписанного Б. Н. Ельциным, И. С. Силаевым, Р. И. Хасбулатовым. Однако милиция не препятствует их расклеиванию, не принимает мер к их снятию. По мнению людей, акции руководства РСФСР могут привести к дестабилизации обстановки, вызвать провокационные действия, которые могут повлечь гибель людей. В связи с этим они предлагают, чтобы ГКЧП незамедлительно принял срочные меры.

Несколько человек интересовались состоянием здоровья М. С. Горбачева. Их не удовлетворили ответы Г. И. Янаева на состоявшейся 19 августа пресс-конференции.

Сообщается в порядке информации.

Общий отдел ЦК КПСС

ПУТЧ:

ВЗГЛЯД СО СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

ВХОДЯЩАЯ ШИФРОТЕЛЕГРАММА
Из Кемерова Получена 20 августа 1991 г. 12 ч. 10 мин. Кому послана: тт. Янаеву, Павлову, Крючкову, Пуго, Язову, Бакланову, Стародубцеву, Тизякову, Ивашко, Гидаспову, Гуренко, Дзасохову, Калашникову, Купцову, Лучинскому, Манаенкову, Мельникову, Семеновой, Строеву, Фалину, Шенину. Бабичеву, Рыжову, ЦК КП РСФСР.

Для резолюции

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ СССР ЦК КПСС ЦК КП РСФСР ОБ ОБСТАНОВКЕ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

19 августа 1991 года Президиум Областного Совета Народных Депутатов заявил о непризнании Государственного Комитета по чрезвычайному положению СССР, расценил происшедшее как попытку Государственного переворота и призвал граждан к неповиновению ГКЧП СССР.

20 августа в городах Ленинск-Кузнецке, Прокопьевске, Междуреченске и других состоялись митинги в поддержку позиции Б. Ельцина.

По инициативе Совета Рабочих Комитетов Кузбасса в области начата бессрочная политическая забастовка. Бастует 16 шахт и разрезов из 101.

Местные средства массовой информации: областное радио и телевидение нагнетают обстановку, призывают к неповиновению ГКЧП СССР.

Действиями Президиума Областного Совета Народных Депутатов и Совета Рабочих Комитетов в области фактически спровоцирована ситуация для введения чрезвычайного положения.

Сообщается в порядке информации.

Секретарь Кемеровского Обкома КПСС В. ЛУЧШЕВ.

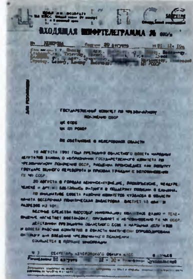
Расшифрована 20 августа 1991 г. 12 ч. 30 мин.

Расшифровал Суходольский.

ВХОДЯЩАЯ ШИФРОТЕЛЕГРАММА
Из Ижевска Получена 19 августа 1991 г. 21 ч. 45 мин.

Кому послана: тт. Ивашко, Гидаспову, Гуренко, Дзасохову, Калашникову, Купцову, Лучинскому, Манаенкову, Мельникову, Семеновой, Строеву, Фалину, Шенину, Янаеву, Бакланову, Крючкову, Павлову, Пуго, Стародубцеву, Тизякову, Язову.

Члену Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению в СССР,

ВХОДЯЩАЯ ШИФРОТЕЛЕГРАММА №

ВХОДЯЩАЯ ШИФРОТЕЛЕГРАММА №

Первому Заместителю Председателя Совета Обороны СССР
тов. Бакланову О. Д.
Копии: Члену Политбюро, секретарю ЦК КПСС
тов. Шенину О. С.

О предложении создать при ГКЧП СССР контрольный орган.

Секретариат Удмуртского республиканского Комитета Компартии РСФСР выражает полную поддержку первым шагам Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению в СССР.

В то же время выражаем серьезную озабоченность отсутствием системы постоянного контроля за выполнением постановлений ГКЧП СССР на местах. Предлагаем создать при ГКЧП СССР контрольный Орган с представительством в Республиках, краях и областях.

Со своей стороны готовы оказать содействие его работе.

Первый Секретарь Удмуртского Республиканского Комитета Компартии РСФСР ***Н. САПОЖНИКОВ.***

Расшифрована 19 августа 1991 г. 22 ч. 05 мин. Расшифровал Бормотов

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА

В ДОКУМЕНТАХ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

апрель—май 1986 г.

Фото Михаила Сердюкова

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
от 29 апреля 1986 г.

Совершенно секретно

<u>О дополнительных мерах, связанных с ликвидацией аварии на Чернобыльской АЭС.</u>

1. Принять к сведению сообщение т. Долгих В. И. о ходе работ, направленных на ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

2. Отметить, что обстановка в районе Чернобыльской АЭС продолжает оставаться сложной, требующей согласованных действий. Создать в этих целях в Политбюро ЦК КПСС Оперативную группу в составе т.т. Рыжкова Н. И. (руководитель), Лигачева Е. К., Воротникова В. И., Чебрикова В. М., Долгих В. И., Соколова С. Л. и Власова А. В.

3. Поручить Оперативной группе сконцентрировать внимание прежде всего на локализации очага радиоактивного излучения, усилении контроля за состоянием земной поверхности и воздушной среды, а также организации медицинской и иной помощи населению в районе Чернобыльской АЭС и в зоне распространения радиоактивных осадков.

4. Считать целесообразным с учетом обмена мнениями, состоявшегося на заседании Политбюро ЦК КПСС, подготовить информацию о ходе работ по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС для населения нашей страны, руководства братских партий социалистических стран, а также глав государств и правительств других европейских государств, США и Канады (тексты прилагаются).

[...]

СЕКРЕТАРЬ ЦК *М. Горбачев*

СОФИЯ, БУДАПЕШТ, БЕРЛИН, ВАРШАВА, БУХАРЕСТ, ПРАГА, ГАВАНА, БЕЛГРАД — СОВПОСОЛ

Срочно посетите т. Живкова (Кадара, Хонеккера, Ярузельского, Чаушеску, Гусака, Кастро, Жарковича или лицо, его замещающее) и, сославшись на поручение, передайте следую-

щее:

1. Как уже сообщалось в советской печати, на Чернобыльской атомной электростанции, в 130 километрах севернее Киева, 26 апреля произошла авария в одном из помещений энергоблока. Авария привела к разрушению части строительных конструкций здания реактора, его повреждению и некоторой утечке радиоактивных веществ. Три остальных энергоблока остановлены, исправны и находятся в эксплуатационном резерве.

2. По замерам, которые непрерывно проводятся советскими службами, радиационная обстановка в районах, непосредственно прилегающих к месту аварии, потребовала частичной эвакуации населения. Принятыми мерами радиационная обстановка стабилизирована. Принимаются дополнительные меры для ликвидации последствий аварии.

3. По данным советских компетентных организаций, отмечено распространение радиоактивной загрязненности в западном, северном и южном направлениях. Уровни загрязненности несколько превышают допустимые нормы, однако, не в такой степени, чтобы требовалось принятие специальных мер для защиты населения.

Поясните, что аналогичная информация будет передана руководству США и ряда западно-европейских стран.

Добавьте, что при необходимости с нашей стороны будет передаваться друзьям дополнительная информация.

Исполнение телеграфируйте.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
от 30 апреля 1986 г.

Совершенно секретно

О ходе работ по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС

1. Утвердить текст сообщения от Совета Министров СССР для советской печати, радио и телевидения (прилагается).

2. Утвердить тексты указаний совпослам в соцстранах, других европейских странах, США и Канаде (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК *М. Горбачев*

ОТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

На Чернобыльской атомной электростанции продолжаются работы по ликвидации последствий происшедшей аварии. В результате принятых мер за истекшие сутки выделение радиоактивных веществ уменьшилось, уровни радиации в районе АЭС и в поселке станции снизились.

Проводимые специалистами измерения с помощью контрольной аппаратуры свидетельствуют о том, что цепной реакции деления ядерного топлива не происходит, реактор находится в заглушенном состоянии.

Развернуты работы по очистке загрязненных участков прилегающей местности, к их выполнению привлечены специализированные подразделения, оснащенные (необходимой)* современной техникой и эффективными средствами.

Некоторые агентства на Западе распространяют слухи о том, что якобы при аварии (на) АЭС погибли тысячи людей. Как уже сообщалось, фактически погибли 2 человека, госпитализировано всего 197; из них уже** 49 покинули госпиталь после обследования. Работа предприятий, колхозов, совхозов и учреждений идет нормально.

30 апреля 1986 года

ВАШИНГТОН, ЛОНДОН, ПАРИЖ, РИМ, БОНН, ХЕЛЬСИНКИ, ОСЛО, СТОКГОЛЬМ, АФИНЫ, ВЕНА, БЕРН, БРЮССЕЛЬ, ГААГА, ЛЮКСЕМБУРГ, КОПЕНГАГЕН, МАДРИД, ЛИССАБОН, ДУБЛИН, ВАЛЛЕТТА, НИКОСИЯ, АНКАРА, ОТТАВА — СОВПОСОЛ

Сославшись на поручение, незамедлительно передайте руководству страны пребывания через лицо, которое Вы сочтете наиболее подходящим, следующую дополнительную информацию относительно состояния дел по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

В результате принятых мер за истекшие сутки выделение радиоактивных веществ уменьшилось, уровни радиации в районе происшествия снизились.

Проводимые измерения свидетельствуют о том, что цепной реакции деления ядерного топлива не происходит. Реактор находится в заглушенном состоянии.

Развернуты активные работы по очистке загрязненных участков.

Советский Союз располагает достаточными материальными, научными и техническими возможностями для работ по ликвидации последствий аварии. И на данном этапе потребности в содействии со стороны других государств не возникает. (Если страна пребывания предлагает свои услуги для этого, то выразите признательность).

В компетентные советские организации не поступало обращений со стороны находящихся в Советском Союзе иностранных граждан (в частности специалистов или туристов) в связи с аварией на Чернобыльской АЭС.

Исполнение телеграфируйте.

* Слова в скобках — правка М. Горбачева.

** «уже» зачеркнуто рукой М. Горбачева.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
от 8 мая 1986 г.

Совершенно секретно

Записка т. Мураховского В. С. от 8 мая 1986 г.

Принять к сведению записку т. Мураховского В. С. о состоянии и возможных мерах по устранению последствий в сельском хозяйстве на следе аварийного выброса Чернобыльской АЭС.

Госагропрому СССР совместно с Минздравом СССР, Госкомгидрометом, местными партийными и советскими организациями оперативно решать возникшие вопросы, связанные с ликвидацией последствий радиоактивного загрязнения сельскохозяйственных угодий и продовольственной продукции.

СЕКРЕТАРЬ ЦК *М. Горбачев*

ЦК КПСС

О состоянии и возможных мерах по устранению последствий в сельском хозяйстве на следе аварийного выброса Чернобыльской АЭС

В результате выброса радиоактивных веществ зона загрязнения (от 0,2 до 7,0 миллирентген в час) охватила территорию площадью сельскохозяйственных угодий 10,9 млн.га, в т. ч. пашни — 7,5 млн. га. В нее вошли Киевская, Гомельская, Могилевская, Черниговская, Винницкая, Житомирская и частично Брянская и Орловская области.

По оценке специалистов Всесоюзного научно-исследовательского института сельскохозяйственной радиологии уровень радиации в этой зоне не отразился на состоянии здоровья животных, их продуктивности и не вызовет снижение урожайности сельскохозяйственных культур (опасная доза облучения для животных 50 тыс. миллирентген в час, растений 10—15 тыс. миллирентген в час).

Вместе с тем главную опасность представляет радиоактивное загрязнение сельскохозяйственной продукции, непосредственно используемой для пищевых целей. Потребление, например, молока, особенно детьми, может привести к накоплению радиоактивного йода в щитовидной железе и вызвать тяжелые последствия.

Из сельскохозяйственных культур на данном этапе наибольшую опасность представляет потребление в свежем виде недостаточно хорошо промытых зеленых овощей. В дальнейшем потребуется дополнительная оценка радиоактивного загрязнения урожая зерновых культур, с целью уточнения его хозяйственного использования.

Опыт ликвидации последствий радиоактивного загрязнения и организации сельхозпроизводства на восточно-уральском радиоактивном следе, экспериментальные данные научно-исследовательских учреждений и мероприятия, производимые в настоящее время в зоне выброса Чернобыльской АЭС показывают, что потери сельскохозяйственной продукции можно свести к минимуму. При соответствующей переработке всю продукцию можно использовать на пищевые цели или на корм животным.

В настоящее время в связи с высоким содержанием радиоактивного йода практически все молоко в Гомельской области, а также в 5 районах Киевской, 3 — Черниговской и 2 районах Житомирской области нельзя потреблять в свежем виде. Поэтому молоко перерабатывается на масло и сыр. В масле не обнаруживаются радиоактивные вещества. Получаемые при этом обезжиренное молоко идет на сушку. Примерно через месяц оно будет пригодно для употребления.

При забое крупного рогатого скота и свиней установлено, что обмыв животных водой, а также удаление лимфатических узлов приводит к получению пригодного для употребления мяса.

В районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению (кроме зоны эвакуации), организованно ведутся плановые сельскохозяйственные работы, которые являются средством снижения поступления радиоактивных веществ в растения и организм животных. По состоянию на 5 мая посеяно всего яровых 83 процента, в том числе в Киевской области — 84 и Гомельской — 88 процентов.

Из наиболее сложных вопросов сейчас являются следующие. В связи с тем, что во многих районах загрязненной зоны нельзя пасти скот на пастбищах, создались трудности с обеспечением кормами молочного стада.

Требуется незамедлительно оказать помощь в обеспечении агрохимических и ветеринарных лабораторий дозиметрической аппаратурой, для более тщательной оценки радиационной обстановки во всех районах зоны, с целью принятия обоснованных решений.

Госагропром СССР и его республиканские органы принимают меры по ликвидации последствий радиоактивного загрязнения сельскохозяйственных угодий и обеспечения производства сельскохозяйственной продукции. На местах осуществляется контроль за радиационной обстановкой, рассматриваются вопросы расселения и устройства людей, эвакуированных из 30-ти километровой зоны.

Председатель Госагропрома СССР

(В. Мураховский)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
от 15 мая 1986 г.

Совершенно секретно

Информация Оперативной группы Политбюро ЦК КПСС о ходе работ по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и связанных с этим мероприятиях.

1. Принять к сведению сообщение Оперативной грауппы (т. Рыжкова Н. И.) о ходе ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

2. Одобрить предложения Оперативной группы Политбюро ЦК КПСС о подготовке в двухнедельный срок постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР:

по проведению необходимых дезактивационных работ в 30-километровой зоне;

по организации комплекса проектных и строительных работ, связанных с консервацией аварийного блока № 4 Чернобыльской АЭС.

Поручить осуществление строительно-монтажных работ Министерству среднего машиностроения;

по подготовке и выполнению мероприятий, обеспечивающих ввод в эксплуатацию блоков № 1 и № 2 Чернобыльской АЭС.

3. Поручить Правительственной комиссии (т. Щербине Б. Е.) представить доклад о причинах аварии на Чернобыльской АЭС с выводами и предложениями к 10 июня 1986 г.

4. ЦК Компартии Украины, ЦК Компартии Белоруссии совместно с соответствующими министерствами и ведомствами принять исчерпывающие меры по трудоустройству, медицинскому и бытовому обслуживанию трудящихся, эвакуированных из 30-ти километровой зоны, с учетом плана дезактивационных работ. Проявить при этом должную заботу и внимание.

5. Согласиться с соображениями, изложенными в записке т. Рыжкова Н. И. от 14 мая 1986 г. в связи с предложениями граждан о безвозмездной помощи в целях ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ *М. ГОРБАЧЕВ*

Секретно

ЦК КПСС

Рассмотрев в соответствии с поручением вопрос о добровольных взносах граждан, предприятий и организаций для оказания помощи по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, Оперативная группа Политбюро ЦК КПСС считает политически нецелесообразным придавать этой инициативе какие-либо организационные формы. Вряд-ли было бы также оправданным объявлять в этих целях дополнительный рабочий день или проводить добровольные смены. Меры такого рода могли бы создавать впечатление, что авария на Чернобыльской АЭС настолько сказалась на экономике нашей страны, что государство испытывает трудности в решении возникших проблем.

При этом учитывается, что уже сам подъем патриотических чувств нашего народа, выступление по телевидению Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, в котором глубоко обоснованы политические и другие задачи, связанные с ликвидацией последствий аварии, будут и дальше оказывать большое воздействие на трудовую активность советский людей.

Представляется целесообразным через некоторое время опубликовать в печати краткое сообщение, в котором выразить благодарность всем гражданам, предложившим свою помощь, и изложить наш подход к этому вопросу.

«14» мая 1986 г. *Н. Рыжков*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
от 22 мая 1986 г.

Совершенно секретно

О ходе ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и дальнейших мерах по осуществлению этих работ *

1. Принять к сведению сообщение Оперативной группы Политбюро ЦК КПСС (т. Рыжкова Н. И.) о ходе ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и дальнейших мерах по осуществлению этих работ.

2. Учитывая особое значение быстрейшего трудового и бытового устройства населения, эвакуированного из опасных зон, одобрить предложения Оперативной группы Политбюро о подготовке в 10-дневный срок с участием соответствующих министерств и ведомств, Советов Министров РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР специального постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по этому вопросу.

[...]

5. ЦК компартий Украины и Белоруссии обеспечить проведение необходимой работы по информации населения, связанной с вопросами эвакуации и реэвакуации, трудовым и бытовым устройством эвакуированных. Усилить воспитательную работу в этом направлении в коллективах и по месту жительства граждан.

6. В связи с многочисленными предложениями трудящихся безвозмездно отработать один день для оказания помощи пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС поручить т. т. Долгих В. И. и Яковлеву А. Н. в 3-дневный срок подготовить для публикации проект постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о поддержке данной инициативы.

СЕКРЕТАРЬ ЦК *М. Горбачев*

ЦК КПСС

С 4 по 9 мая я был в районе Чернобыльской АЭС. Некоторыми своими наблюдениями считаю обязанным поделиться:

* К постановлению приложена записка В. Губарева, направленная 16 мая 1986 г. на ознакомление членам Политбюро ЦК КПСС.

1. Эвакуация Припяти. Уже через час радиационная обстановка в городе была ясна. Никаких мер на случай аварийной ситуации там не было предусмотрено: люди не знали, что делать.

По всем инструкциям и приказам, которые существуют уже 25 лет, решение о выводе населения из опасной зоны должны были принимать местные руководители. К моменту приезда Правительственной комиссии можно было вывести из зоны всех людей даже пешком. Но никто не взял на себя ответственность (шведы сначала вывезли людей из зоны своей станции, а только потом начали выяснять, что выброс произошел не у них).

2. На работах в опасных зонах (в том числе в 800 метрах от реактора) находились солдаты без индивидуальных средств защиты, в частности, при разгрузке свинца. В беседе выяснилось, что такой одежды у них нет. В подобном положении оказались и вертолетчики.

И офицерский состав, в том числе и маршалы, и генералы, напрасно бравировали, появляясь вблизи реактора в обычной форме. В данном случае необходима разумность, а не ложное понятие смелости.

3. Водители при эвакуации Припяти и при работах по обвалованию реки также работали без индивидуальных средств защиты. Не может служить оправданием, что доза облучения составляла «годовую норму» — в основном это были молодые люди, а следовательно, это скажется на потомстве.

Точно так же принятие для армейских подразделений «боевых норм» — это крайняя мера в случае военных действий и при проходе через зону поражения от ядерного оружия. На мой взгляд, такой приказ был вызван как раз отсутствием в данный момент средств индивидуальной защиты, которые на первом этапе аварии были только у спецподразделений.

4. Вся система гражданской обороны оказалась полностью парализованной. Не оказалось даже работающих дозиметров.

5. Великолепно работали пожарные подразделения. Они предотвратили развитие аварии на первом этапе. Но даже подразделения, находящиеся в Припяти, не имели соответствующего обмундирования для работы в зоне повышенной радиации.

6. Кровля машинного зала сделана из материалов, которые легко воспламеняются. Из тех самых, которые использовались на ткацкой фабрике в Бухаре, которая полностью сгорела в начале 70-х годов. И хотя некоторые работники после случая в Бухаре были отданы под суд, эти же материаллы использовались при строительстве АЭС.

7. В системе Минэнерго требования и отношение к атомным станциям в несколько раз ниже, чем в системе Министерства среднего машиностроения. В частности:

а) сокращено число обслуживающего персонала;

б) регулярно берутся обязательства сократить время планового ремонта на 6—7 дней, в том числе и во время постановки на ремонт 4-го блока;

в) по мнению специалистов, качество поставляемого оборудования за последние 10 лет снизилось вдвое. На АЭС поступает очень много дефектного оборудования от предприятий-поставщиков, не хватает контрольных и измерительных приборов и аппаратуры;

г) заявки даже на срочный ремонт удовлетворяются в Минэнерго в течение 3—4 месяцев, так как требуется длительная переписка. В Минсредмаше — максимум неделя;

д) охрана работающих блоков явно недостаточна;

е) отношение в Минэнерго к атомным станциям в последние годы стало таким же, как к ТЭЦ и ГЭС, не проводится жесткое разграничение между атомными и обычными энергетическими установками.

8. Поражает нерасторопность местных властей. Для снабжения тех, кто пострадал, не было одежды, обуви, белья — ждали распоряжений из Москвы.

9. В Киеве панические настроения возникли по многим причинам, но в первую очередь из-за отсутствия информации. Даже не о том, что случилось, а о радиационной обстановке в городе. Большое влияние оказала пропаганда из-за рубежа, а по радио или телевидению не выступил ни один из руководителей республики, который сказал бы очень простые слова, что, мол, нет оснований для беспокойства и опасности для здоровья детей и жителей. Впервые на экранах телевидения появился т. Ляшко лишь после встречи с иностранными журналистами.

Информация о поездке т. т. Лигачева и Рыжкова в район АЭС оказала положительное влияние. Однако «молчание» руководства республики в следующие дни, на мой взгляд, вновь подняло панику, особенно, когда стало известно, что дети и семьи руководящих работников вывозятся из города. В кассах ЦК КПУ стояла очередь в тысячу человек. Естественно, в городе об этом прекрасно знали.

5 мая, на мой взгляд, неудачно выступил по телевидению министр здравоохранения УССР, что в свою очередь вызвало новую волну паники. В основном по телевидению показывались танцевальные коллективы и другие сюжеты, хотя очень простая информация о радиационной обстановке в городе и элементарные комментарии ученых и специалистов, которых в Киеве достаточно, сняли бы напряжение, как это случилось после выступлений центральных газет. В общем, в ЦК КПУ ждали указаний из Москвы, хотя возникновение панических настроений можно было предотвратить сразу же. Кстати, мы постоянно сталкивались с фразой: «Мы такого указания из центра не получали...».

Есть исключение. Секретарь Киевского обкома партии т. Ревенко постоянно информировал секретарей райкомов и через них коммунистов о реальном положении дел, благо он регулярно бывал в Чернобыле. И это приносило свои плоды; в области не было той паники, что мы наблюдали в Киеве.

10. Сейчас настроение людей резко изменилось. Но по сути ликвидация последствий аварии только начинается. Предотвращен новый взрыв, а тяжелая радиационная обстановка остается. Ликандация последствий потребует от нескольких недель до многих месяцев. Люди еще долго не смогут вернуться в дома. И надо объяснить им это, как и многие элементарные правила жизни в условиях местности, которая поражалась радиацией. До таких «мелочей», что нельзя собирать грибы здесь в этом году... и т. д.

И главное: именно сейчас необходимо категорически ужесточить безопасность людей, работающих в зоне. Если на первом этапе еще могли быть исключения из-за сложнейшей обстановки, то сейчас облучению людей не может быть оправданий.

× × ×

Необходимо тщательно проанализировать все уроки этой трагедии. Во имя тех тысяч людей, которые так самоотверженно сражаются с бедой. Народ сплотился, принял на свои плечи всю тяжесть, не думая о последствиях. Примеров героизма множество. К примеру несколько человек (в частности, майор Л. Телятников, лейтенанты В. Правик и В. Кибенок и другие) локализовали аварию, спасли станцию. Они знали, что получают смертельную дозу радиации, и тем не менее не покинули блок, пока пожар не был потушен. На мой взгляд, они заслужили звание Героев Советского Союза. Им осталось жить недолго, но зачем ждать, пока будут оформлены все необходимые документы — на это уйдут месяцы?!

Естественно, у меня нет полной информации о событиях, но я считаю своим долгом поделиться тем, что видел.

В. Губарев

Редактор «Правды» по отделу науки

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС от 29 мая 1986 г.

Совершенно секретно

Сообщение Оперативной группы Политбюро ЦК КПСС о ходе работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС*

1. Принять к сведению сообщение Оперативной группы Политбюро ЦК (т. Рыжкова Н. И.) о ходе ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и мерах, принимаемых к дальнейшему ускорению этих работ.

2. Поручить Оперативной группе Политбюро ЦК КПСС рассмотреть ход подготовки правительственной комиссией (т. Щербиной Б. Е.) выводов о причинах происшедшей аварии и предложений по обеспечению надежности в работе АЭС, а также вопрос о принимаемых Минэнерго СССР (т. Майорцем А. И.) мерах по обеспечению безопасности действующих АЭС и устранению недостатков в этом деле.

3. Академии наук СССР (т. Александрову А. П.), ГКНТ (т. Марчуку Г. И.) в кратчайшие сроки подготовить программу развития научных исследований в области производства средств дезактивации и повышения их эффективности. Предложения доложить Оперативной группе Политбюро ЦК.

[...]8. Гостелерадио СССР, ТАСС, редакциям центральных газет более взыскательно подходить к материалам, посвященным ходу ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, больше внимания уделять мерам по трудовому и бытовому устройству эвакуированного населения, патриотическим починам коллективов предприятий, строек и организаций по ускорению аварийно-восстановительных работ. Усилить контрпропагандистские мероприятия, направленные на разоблачение лживых измышлений буржуазных органов информации и спецслужб о событиях на Чернобыльской АЭС.

СЕКРЕТАРЬ ЦК *М. Горбачев*

* К постановлению приложена записка члена Политбюро ЦК КПСС первого секретаря ЦК КП Украины В. В. Щербицкого.

Сов. секретно

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС ИНФОРМАЦИЯ

о проводимой работе в связи с аварией на Чернобыльской АЭС

Понимая свою ответственность за оперативное и четкое решение возникающих в связи с аварией на Чернобыльской АЭС вопросов, партийные, советские, хозяйственные органы республики в своей работе проявляют высокую собранность и дисциплинированность. Для выполнения поручений Правительственной комиссии по ликвидации аварии, а также других неотложных задач создана оперативная группа ЦК Компартии Украины под руководством Председателя Совета Министров УССР тов. Ляшко А. П.

Из опасной зоны эвакуировано 89.360 чел., в т. ч. 62.746 чел. из гг. Припяти и Чернобыля. Среди эвакуированных 27,4 тыс. детей и 14,5 тыс. пенсионеров. Все обеспечены временным жильем, более 92 проц. трудоспособного населения работает. По состоянию на 22 мая 52.337 человек получили пособия на общую сумму 10,5 млн. рублей. В местах расселения налажено торговое, бытовое обслуживание.

В районы эвакуации из других областей направлено 240 бригад из врачей, средних медицинских работников, 160 лаборантов и дозиметристов, санитарный автотранспорт. Обследовано 245.277 человек. С момента аварии в лечебных учреждениях республики госпитализировано и профилактировано 9.127 чел., в т. ч. 312 работников МВД. У 161 чел. установлен диагноз лучевой болезни, в том числе у 5 детей и 49 работников МВД. Им оказывается квалифицированная медицинская помощь.

Особая забота проявляется о детях. Все школьники из 30-километровой зоны и прилегающих к АЭС районов — 26,9 тыс. чел. — направлены на отдых в пионерские лагеря других областей республики. Беременные женщины, кормящие матери с детьми размещены в санаториях и пансионатах Киевской области.

Учащиеся 1—7 классов школ г. Киева, как и в прежние годы, в течение второй половины мая отправляются на летний отдых.

Систематически осуществляется дозиметрический контроль состояния воздуха, почвы, воды, пищевых продуктов, растений и домашних животных. Установлен строгий режим движения людей и транспорта в зону АЭС и прилегающие к ней районы. Обеспечиваются патрулирование и пожарная охрана гг. Припяти, Чернобыля, других населенных пунктов 30-километровой зоны.

Все вопросы, связанные с оздоровлением, налаживанием быта, труда эвакуированного населения, находятся под постоянным контролем ЦК Компартии Украины и Совета Министров республики, а также соответствующих местных органов. В местах проживания эвакуированного населения систематически проводится организаторская и политическая работа. Внимательно изучается общественное мнение, организовано регулярное информирование партийного актива и населения, разоблачаются вымыслы буржуазной пропаганды, различного рода слухи. В районах эвакуации поддерживается надлежащий общественный порядок, полностью и своевременно обеспечиваются потребности в транспорте.

В Киевской области и г. Киеве повсеместно проведены открытые партийные собрания, на которых обсуждены задачи парторганизаций в сложившейся обстановке.

ЦК Компартии Украины всесторонне проанализировал проводимую в республике работу в связи с аварией, вскрыл имевшие место недостатки. В ряде случаев проявились беспечность, неумение отдельных партийных, советских, хозяйственных работников брать ответственность на себя, оперативно принимать решения, своевременно организовывать торговое и бытовое обслуживание эвакуированных.

[...]Намечены меры по восполнению нанесенного аварией ущерба. Ущерб этот значителен...

В этой связи ЦК Компартии Украины, партийные организации республики уделяют особое внимание обеспечению ритмичной слаженной работы всего народного хозяйства республики, безусловному выполнению планов и социалистических обязательств 1986 года. Поставлена задача на каждом рабочем месте, в каждом трудовом коллективе добиться прироста продукции против запланированного, чтобы восполнить понесенные потери.

Советом Министров УССР разрабатываются меры по обеспечению эвакуированного населения постоянным жильем до наступления осенне-зимнего сезона.

Кроме вопросов, связанных с консервацией блока № 4, проведением дезактивации местности и вводом в эксплуатацию блоков №№ 1, 2, следует отдельно рассмотреть комплекс мероприятий по защите от загрязнения рек Припяти, Десны и Днепра, определить порядок возмещения государственным и кооперативным организациям понесенного материального ущерба, списать с эвакуированных предприятий и организаций агропромышленного комплекса долгосрочные и краткосрочные кредиты Госбанка СССР.

Обстановка в г. Киеве и республике здоровая, деловая.

Большое воздействие на повышение мобилизованности коммунистов, всех трудящихся оказало выступление Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева по Центральному телевидению.

Трудящиеся высоко оценивают принимаемые Политбюро ЦК КПСС меры по ликвидации последствий аварии, проявляемую заботу о населении.

Люди с пониманием относятся к возникшим трудностям, стремятся лично способствовать тому, чтобы преодолеть их быстрее, глубоко верят в то, что будет сделано все возможное для нормализации положения в районе Чернобыльской АЭС.

СЕКРЕТАРЬ ЦК КОМПАРТИИ УКРАИНЫ

В. Щербицкий

«22» мая 1986 года

Публикация **А. АРТИЗОВА, Р. УСИКОВА, И. ШЕВЧУКА**

ГЕННАДИЙ КОСТЫРЧЕНКО

ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ

В годы Великой Отечественной войиы Сталин решает отказаться от прежнего откровенно репрессивного антирелигиозного курса, девизом которого во многом стало печально знаменитое ленинское высказываиие, что «религия — это своего рода занятие труположеством». Начались заигрывания с церковью: было восстановлено патриаршество, вновь открылось множество храмов и некоторые монастыри. Почему это стало возможным? Причины таких неожиданных послаблений коренились в обостренном войной кризисе коммунистической идеологии, в попытках возродить русский патриотизм, к тому же идейные и организационные возможности церкви по мобилизации общества на борьбу с врагом были поистине безграничны. Немаловажным было и то обстоятельство, что в захваченных ими городах немцы сразу же открывали церкви (кстати, всего за время оккупации германские власти восстановили службу в 7,5 тыс. храмов).

Отход от борьбы с религией сопровождался широкой пропагандистской кампаиией. Так, 5 апреля 1942 года радио объявило о приказе военного коменданта Москвы, разрешавшего беспрепятственное движение по городу всю пасхальиую ночь «согласно традиции». В конце того же года Е. М. Ярославский, в недавнем прошлом председатель Союза безбожников СССР, заявил на межобластном совещании пропагандистов в Куйбышеве, что «если бы сейчас была антирелигиозная пропаганда, то это было бы неправильно». Чуть раньше вышло в свет роскошное издание, претенциозно озаглавленное «Правда о религии в России». Это была первая в своем роде идеологическая акция, призванная разрекламировать на Западе новую религиозную политику Сталина. Мировой общественности внушалась мысль, что если в 1927 году, когда была принята так называемая «Декларация митрополита Сергия», призывавшая верующих и духовеноство, «не иа словах, а на деле» показать себя «верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти», произошла нормализация в отношениях между государством и церковью, то в период войны эти отношения достигли еще более высокого уровня.

Надо признать, что многие на Западе поверили, что в СССР действительно занялась заря религиозной свободы, однако были и такие, кого не обманула эта мистификация. Вот что писал в мае 1943 года из Нью-Йорка одному из своих корреспондентов митрополит Русской зарубежной церкви Виталий:

«Ваше патриотическое увлечение мне понятно, многие в настоящее время склонны думать, что коммунизм будет побежден в России, а потому можно и даже нужно поддержать коммунистическую власть, простив ей все ее преступления перед русским народом и Церковью, но мы уже сколько раз обманывались в подобных ожиданиях». И далее: «Мы собираем средства в помощь русскому народу, но почему мы должны поддерживать советскую власть? В благодарность партии, что она защищает русский народ? Но она скорее сама защищается от своих врагов русским народом... Чтобы поверить в искренность партийной политики, нужно иметь превратное понятие о коммунистической партии, которая рассматривает народ лишь как средство для достижения главной цели — вселенского пожара и штурма небес».

Одии философ как-то заметил, что коммунизм — то же христианство, только без Бога. Справедливость этого высказывания подтверждается малоизвестными фактами о том, что параллельно с «либерализацией» политики в отношении традиционных вероучений в сталинском руководстве активно обсуждались планы создания новой «социалистической» квазирелигии, и, в частности, рассматривался вопрос об учреждении так называемого «культа Священной Родины». Автором этой идеи был некто А. К. Чалдымов — высокопоставленный чиновник из Комитета по делам архитектуры при СНК СССР. В 1943—1944 годах он с завидной настойчивостью бомбардировал Сталина, Кагановича, Молотова, Маленкова и др. своими письмами, в которых предлагал «противопоставить религии более сильные формы культа Обрядов Свящеиной Родины, с использованием всех современных средств техники и искусства исходя из народных традиций». В частности, в целях «более устремлеиного воспитания нового человека» он настаивал на создании свода правил (типа «заповедей») этики поведения советских людей, предлагал учредить «как общественное сооружение духовной жизни народа Храм Священной Родины», возродить колокольный звон как «одно из выразительных средств культа Священной Родины». И первыми должны были зазвонить колокола Московского Кремля.

Однако НКВД, а с апреля 1943 года НКГБ, шефом которого был назиачен В. Н. Меркулов, держал церковные структуры, что называется, на коротком поводке. Организованный в том же году Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР представлял собой фактически филиал этого ведомства. А первым его председателем являлся полковник госбезопасности Г. Г. Карпов.

Впрочем, в том, как на практике госбезопасность следовала священному для нее правилу «держать и не пущать», читатель сам может убедиться, прочитав нижеследующую подборку документов из еще недавно засекреченных фондов государственных архивов.

СОВ. СЕКРЕТНО
СПЕЦСООБЩЕНИЕ УНКГБ
по Пензенской области

За последнее время среди верующих слоев иаселения распространились настроения за открытие церквей.

В мае с. г. бродячий епископ Филарет (Волокитин Х. Т.) установил связь с активными церковниками в гор. Пензе и районах области, распространил слух, что ои направлеи в Пеизу митрополитом Сергием, от которого, якобы, имеет полномочия на открытие церквей. Собрал более 1000 подписей верующих и возбудил ходатайство об открытии церкви в Пензе.

Бывший председатель церковного совета Митрофаньевской церкви г. Пензы Никифоров в мае с. г. возбудил ходатайство перед горисполкомом об открытии в Пензе второй церкви. Свое ходатайство обосновывал тем, что к иему обращались более 300 человек верующих, которые желают открыть церковь.

В селе Ершово Поимского р-на бывший дьякон Литкин организовал сбор подписей среди верующих граждан, оформив это соответствующим заявлением и возбудив ходатайство об открытии церкви.

В Шемышейском р-не бывшая монашка Шофина 12 июля с. г. обходила граждан села Старая Норка, спрашивая их, верующие они или иет и желают ли они открыть церковь.

В Сердобском р-ие группа верующих в количестве 50—60 человек дважды приходили организованно к зданию райисполкома с коллективной просьбой открыть церковь. Там же активный церковник Титов ведет работу среди верующих села Студенки об открытии церкви.

Верующие из села Евлашево и Комаровки Кузнецкого района также возбудили ходатайство об открытии церквей.

30 мая с. г. в селе Николо-Азясь Мокшанского р-на группа церковников после моления на квартире Колчиной иаправилась к церкви с целью осмотреть, пригодна ли она для исполнения церковных обрядов.

...В области существуют нелегальные и полуофициальные группы церковио-сектаитского элемента, которые, собираясь на частных квартирах, осуществляют моления.

В Лопатинском районе активная церковница Войнова систематически устраивает сборища церковников у себя на квартире, на которых читают церковные стихи и молятся.

В Демьяновском р-ие в селах Монастырское, Красный Восток, Дубровка и др. существуют нелегальные сектантские группы... Аналогичные группы церковников и сектантов, собирающиеся на нелегальные моления, имеются в Даниловском, Башмаковском, Сосновоборском, Городищенском, Каменском, Н. Пестровском, Вадинском, Бековском районах и гор. Кузнецке. Всего по районам области зафиксировано 20 таких групп.

Установлен ряд случаев, когда верующие организуют групповые выхода на молебствия с просьбой о ниспослании дождя, урожая и т. д...

...В Шемышейском р-не у источника называемого «семь ключей» (по преданию верующих, является «святым» источником), находящегося в поле у села Дубровка, верующими, преимущественно женщинами, организовывались религиозные сборища,...

...Наличие фактов активизации верующих слоев населения говорит прежде всего об отсутствии массовой партийно-воспитальной работы среди населения, объясняется прекращением работы радиоузлов в ряде районов области, запоздалым и редким доставлением газет в колхозы и бригады.

Этим пользуется бродячий элемент, который под видом больных, юродивых, странников выдает себя за «святых» и прозорливых людей, призывает к молению и открытию церквей, распространяет всевозможные слухи. Особое влияние на религиозно настроенную толпу оказывают бродячие попы, монахи, появившиеся в последнее время в области после отбытия сроков наказания и высланные из различных городов.

Например,

Волокитин Х. Т., бывш. священник, в прошлом судим за контрреволюционные преступления, бежал из лагеря, проживал в Москве, оттуда выслан в 1941 г.

Калинин И. В., бывш. дьякон, дважды судим за антисоветскую деятельность...

Марушин А. Г., бывш. священник, ведет бродячий образ жизни, распространяет слухи о якобы состоявшемся решении Советского правительства об открытии церквей.

Начальник УНКГБ по Пензенской обл.
полковник госбезопасности

Николаев

СОВ. СЕКРЕТНО
СПЕЦСООБЩЕНИЕ
Управления НКГБ по Пензенской области

30 мая 1943 г. в селе Николо-Азяси Мокшанского р-на Пензенской области группа активных церковников в количестве 30 человек организовала шествие по селу с иконами и церковным песнопением, сопровождавшимся антисоветскими выкриками: «Долой колхозы и совхозы, пусть будут все единоличниками, и нам будет лучше».

Проходя по селу и собрав толпу свыше 1000 человек, в поле, около села, оргаиизовали моление, на котором всем присутствующим производилось отпущение грехов.

Во время этой церковной церемонии по адресу проходящих мимо колхозников раздавались выкрики: «Если бы колхозов не было, вы бы такой муки не видели».

Предварительным следствием установлено, что инициаторами указанного выше сборища являлись Колчина Т. Е., Потапова О. А., Фирсова-Агеева М. Ф.

Вышеуказанные лица нами арестованы, ведется следствие, о результатах которого сообщим дополнительно.

Врид. Зам. иачальника УНКГБ по Пензенской обл.,
майор госбезопасности

Давыдов

Начальник 2 отдела УНКГБ по Пензенской обл.,
подполковник госбезопасности

Климашев

5 июня 1943 г.

Из письма заместителя наркома
государственной безопасности СССР
Секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову
от 2 мая 1943 г.

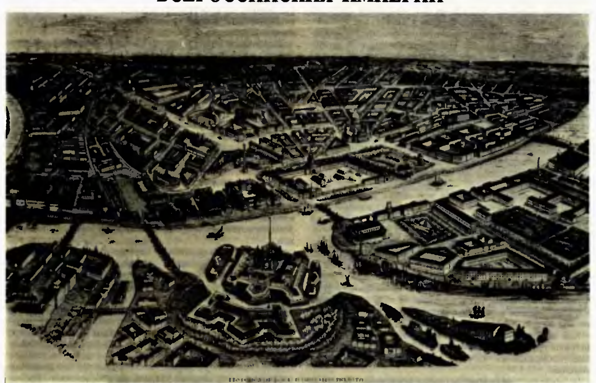
По сообщению Управления НКВД по Тульской области, в г. Калуге епископ православной церкви Питирим обратился к командованию госпиталя № 2751/ФЭП №1 с предложением принять шефство над госпиталем. Согласовав этот вопрос с начальником политотдела госпиталя майором Медведевым и политуправлением Западного фронта, командование госпиталя приняло предложение епископа.

В дальнейшем, осуществляя шефство, церковный совет собрал 50 тыс. рублей, приобрел на них 500 подарков для раненых. На эти деньги церковники приобрели и передали госпиталю плакаты, лозунги и портреты руководителей партии и правительства, нанимали баянистов и парикмахеров. Силами церковного хора в госпитале дважды устраивались концерты с программой русских народных песен и песен советских композиторов.

Получив эти сведения, НКГБ СССР принял меры к недопущению впредь попыток церковников входить в непосредственные сношения с командованиями госпиталей и ранеными под видом шефства.

Кобулов

БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ САМОДЕРЖАВНЕЙШИЯ ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ГУБЕРНИЙ ВСЕРОССИЙСКИЯ ИМПЕРИИ

О должности государева наместника

81

Должность Государева Наместника, или Генерал-Губернатора есть следующая: строгое и точное взыскание чинить со всех ему подчиненных мест и людей о исполнении законов и определенного их звания и должностей: но без суда да не накажет никого; преступников законов и должностей да отошлет, куда по узаконениям следует для суда.

82

Государев Наместник не есть судья, но оберегатель Императорского Величества изданного узаконения, ходатай за пользу общую и Государеву, **заступник утесненных** и побудитель безгласных дел. Словом сказать, иося имя Государева Наместника, должен ои показать в поступках своих доброхотство, любовь и соболезиование к иароду.

84

Как Государеву Наместнику благочиние, или полиция градская и сельская подчииеиы, то он имеет пресекать всякого рода **злоупотребления, и наипаче роскоши безмерную и разорительную, обуздывать излишества, беспутства, мотовство, тиранство и жестокости.**

85

Государев Наместник долженствует вступаться за всякого, кого по делам волочат, и принуждать судебные места своего наместничества, решить такое-то дело; но **отнюдь не мешается в производство оного; ибо оно есть якп хозяин своей губернии, а не судья.**

87

Государев Наместник обязан предупреждать могущий быть в его наместничестве всякий недостаток в нужных для жизни припасах, как то в хлебе, в соли и проч.

89

Если наместничество пограничное, то Генерал-Губернатору облежит бдение и предосторожности от соседей, и он в случае нужды берет надлежащие меры военные. В таковых распоряжениях находящийся тамо военный командир его послушать должен, хотя бы был и старше: то же и в случае какого ослушания народного, или во время язвы, или наводнеиия, или пожара. Когда же от Императорского Величества поручится военное дело воинскому иачальнику, тогда уж тот и отвечает; но снабжать войска всем нужным есть дело Государева Наместника той губернии.

94

Генерал-Губериатор есть председатель правления, с ним заседает Губернатор с двумя губернскими Советииками; когда же Генерал-Губернатор и Губернатор вне губернии бывают, тогда Вице-Губернатор заступает место Губернатора.

95

Правление наместническое есть то место, которое управляет в силу законов именем Императорского Величества всею губерниею, обнародывает и обновляет повсюду в подчиненных оному областях законы, указы, учреждения, повеления и приказания Императорского Величества, и выходящие из Сената и из прочих государственных мест на то власть имеющих.

96

Наместническое правление бдение свое прилежно простирает, дабы законы были везде исполняемы, **взыскаиие чинить со всех иепослушных, роптивых, ленивых и медлительных**, пеню на них налагает, и буде не исправляются, то оных к суду отсылает , тщаиие имеет, дабы учреждения полицейские, или благочиния и торговли сохраняемы и исполняемы были с точностью. Все непорядки законам противные заблаговременно прекращать, прилежное старание иметь о установлении, утверждении и сохранении всякого рода благонравия, порядка, мира и тишины не токмо в городах, селах и деревнях, но и во всех подчинениых той губернии землях и водах, так же и на дорогах во оной лежащих.

98

Наложение ареста на имение, или на часть оного за долги по приговору судебного места, есть дело губернского правления; туда же следуют и прошения о проволочке в подчиненных местах, и понуждение делается от наместнического правления по рассмотрению обстоятельств.

99

К исполнению повелений губернского правления обязаны как верхние, так и уездные и нижние земские суды, равномерно верхние и нижние расправы, губернский и городовые Магистраты и ратуши в той губернии находящиеся.

100

Кто же наместническим правлением не доволен, тот жалобу свою приносить имеет в Сенат.

101

В случае дел важиых или чрезвычайных, или при получении нового общенародного узаконения, Государев Наместник призывать может палату уголовного суда, палату гражданского суда, казенную палату для уважения дел обще с губернским правлением. При случае же нового общего узаконения, **буде закон в чем не удобен усмотрится, то дозволяется им вообще единогласно делать свои представления в Сенат, а в случае подтверждения от верховной власти непременное и безмолвное исполнение последовать имеет.**

102

Во время отлучки из наместничества Государева Наместника, Правитель или Губернатор отправляет свою должность по данным Губернатором наказам, и отправляет переписку **с прилежащими к его губернии соседними внутренними и внешними провинциями. О пограничных же переписках Губернатор, так как и Генерал-Губернатор уведомлиет коллегию иностранных дел.**

103

Два Советника определяют в губернское правление для вспоможения Губернатору. Оии рассуждением своим уважают дело, и по том исполняют положения Губернаторские. Буде же случится, что Губернаторские приказания не соответствуют пользе общей, или службе Императорского Величества, или нарушают узаконения, и Губернатора рассуждениями от того отвратить им не можио; тогда советники долженствуют виести в правление письменное свое мнение и Генерала-Губериатора и Сенат о том уведомить; но приказаний Губернаторских отменить не могут и по оным исполнять обязаны.

104

Наместническое правление имеет губернского Прокурора, губернского стряпчего казенных дел, и губернского стряпчего уголовных дел. Сии стряпчие приносят свои жалобы в наместническое правление по их должностям; и буде жалоба уважения достойна, тогда губернатор прикажет им жалобу производить, где по существу дела надлежит.

О прокурорской и стряпческой должности

404

Вообще губернский Прокурор и губернские стряпчие смотрят и бдение имеют о сохраиении везде всякого порядка закоиами определениого, и в производстве и отправлении самих дел. **Они сохраняют целость власти,** установления и интереса Императорского Величества, наблюдают, чтобы запрещеииых сборов с иарода никто не собирал, и долг имеют истреблять повсюду зловредиые взятки.

405

Должность губернского Прокурора.

Губернский Прокурор долженствует доносить наместническому правлеиию все то, что до сведения его дойдет, касательно до губернского правлеиия обязанности, а именно 1. О иеточном где в судебном месте исполнении законов, учреждений и указов, 2. Буде где в наместничестве есть непослушание, или ропот, 3. О ленивых в исполнеиии должиости, 4. О медлении в исполнении повелений, 5. О медлении по делам в производстве, 6. О нарушении правил благочиния и о всяком причиняющемся многим соблазне, законам противном поступке, вине, или преступлении, 7. О запрещенной торговле, или о помешательстве законам противном дозволенной торговле, 8. О иарушении общей тишины, 9. О иарушении в верности присяге, 10. О казенном и общественном ущербе.

11

Губернскому прокурору подчинены как прочие Прокуроры, так и стряпчие того иаместничества, и он должен принимать от них доношение, и об оных предлагать, где надлежит.

12

Буде же губернский Прокурор усмотрит за кем неисправление должности, то повинен доиосить о том ие токмо Генерал-Губернатору, но и Генерал-Прокурору; ибо во всех делах губернских Прокурор есть око Генерал-Прокурора.

13

Губернский Прокурор попечение имеет о прокормлении под стражей содержащихся, и чтоб дела сих людей скорее решение получили, и они бы скорее отправлены или выпущены были; и для того Губернский Прокурор должен ходить чаще по тюрьмам по крайней мере единожды в иеделю, а именно по пятницам после обеда, дабы посмотреть состояние в тюрьме содержащихся, и доходит ли до иих все то, что им определено, и содержат ли их сходственно их состоянию и человеколюбию.

26

Весьма желательно, да и Наместнику Государеву нужно поощрять, чтобы молодые дворяне по окончании наук употребляли себе к научению не меньше для них полезному, знать законы своей земли, и образ судопроизводства. А для сего бы определялись в приказы, не вменяя отнюдь в предосуждение благородству, приобретать от первых степеней канцелярских сведение и способности в делах, и в них столько изощряться, чтоб могли поступая в чины высшие, достойно и похвально исправлять свое звание к пользе общей; ибо таковым преимущество всегда отдается при выборе и определенни в почетиейшие места граждаиских должиостей.

На подлинном подписано собственною Ее Императорского Величества Рукою.

Быть по сему пять лет.

Екатерина.

В Москве
Декабря 1 дня
1775 года

Публикация
В. КАЗАРЕЗОВА

ПО АГЕНТУРНЫМ ДАННЫМ...

ИНФОРМАЦИЯ НАРКОМА НКГБ СССР В. Н. МЕРКУЛОВА СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) А. А. ЖДАНОВУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЯХ И ВЫСКАЗЫВАНИЯХ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Сов. секретно
ЦК ВКП(б)
тов. Жданову А. А.
31 октября 1944 г.

По поступившим в НКГБ СССР агентурным сведениям, общественное обсуждение и критика политически вредных произведений писателей Сельвинского, Асеева, Зощенко, Довженко, Чуковского и Федина вызвали резкую, в основном враждебную, реакцию со стороны указанных лиц и широкие отклики в литературной среде.

Поэт Асеев Н. Н. по поводу своего вызова в ЦК ВКП(б), где его стихи были подвергнуты критике, заявил:

«Написанная мною последняя книжка не вышла из печати. Меня по этому поводу вызвали в ЦК, где ругали за то, что я не воспитываю своей книжкой ненависти к врагу. Нашли, что книжка получилась вредной...

Я, конечно, соглашался с ними, но сам я считаю, что они не правы. Вступать с ними в борьбу я не видел смысла. Мы должны лет на пять замолчать и научить себя ничем не возмущаться. Все равно молодежь с нами, я часто получаю письма от молодежи с фронта, где меня спрашивают: долго ли им еще читать «Жди меня» Симонова и питаться «Сурковой массой» [1].

«Я знаю, что написал те стихи, которые нужны сегодня народу... Надо перетерпеть, переждать реакцию, которая разлилась по всей стране».

«Я продолжаю писать стихи, но я не показываю их. Я не имею права изменять себе и поэтому эти стихи неугодны». Оценивая, в связи с этим, состояние советской литературы, Асеев говорит:

«В России все писатели и поэты поставлены на государственную службу, пишут то, что приказано. И поэтому литература у нас — литература казенная. Что же получается? СССР как государство решительно влияет на ход мировой жизни, а за литературу этого государства стыдно перед иностранцами».

«Слава богу, что нет Маяковского. Он бы не вынес. А новый Маяковский не может родиться. Почва не та. Не плодородная, не родящая почва...

...Ничего, вместе с демобилизацией вернутся к жизни люди, все видавшие. Эти люди принесут с собой новую меру вещей. Важно поэту, не разменяв таланта на казенщину, дождаться этого времени. Я не знаю, что это будет за время. Я только верю в то, что это будет время свободного стиха».

Писатель Зощенко М. М. считает, что критика и осуждение его повести «Перед восходом солнца» были направлены не против книги, а против него самого.

«Мне было ясно дано понять, что дело здесь не только в повести. Имела место попытка «повалить» меня вообще, как писателя, так как вся моя писательская работа, а не только повесть «Перед восходом солнца», была осуждена «вверху».

Зощенко подробно и настойчиво рассказывает, что его повесть до осуждения, якобы, вызывала всеобщее восхищение, ее одобряло руководство Союза Советских Писателей; академик Сперанский и психиатр Тимофеев согласились с «научными» выводами Зощенко. Некоторые работники аппарата ЦК ВКП(б) разрешили ее печатать, а во время «проработки» большинство этих лиц «предали» его и выступали против книги.

Зощенко дает следующую оценку состояния советской литературы:

«Я считаю, что советская литература сейчас представляет жалкое зрелище. В литературе господствует шаблон. Поэтому плохо и скучно пишут даже способные писатели.

Нет зачастую у руководителей глубокого понимания задач искусства».

«Творчество должно быть свободным, у нас же — все по указке, по заданию, под давлением». По вопросу о своих планах на будущее, Зощенко заявляет:

«Мне нужно переждать. Вскоре после войны литературная обстановка изменится, и все препятствия, поставленные мне, падут. Тогда я буду снова печататься. Пока же я ни в чем не изменюсь, буду стоять на своих позициях. Тем более потому, что читатель меня знает и любит».

По полученным из Ленинграда сведениям, Зощенко, внешне подчеркивая стремление перестроить свое творчество на актуальные темы, продолжает писать и выступать перед слушателями с произведениями, отражающими его пацифистское мировоззрение (рассказы «Стратегическая задача», «Щи» и др.).

Писатель Чуковский К. И. по поводу своей сказки «Одолеем Бармалея» заявил, что еще год тому назад президиум Союза Советских Писателей дал хорошую оценку книге, потому что это — настоящее произведение детской литературы, и ему непонятно резкое изменение отношения к ней.

Положение в советской литературе Чуковский определяет с враждебных позиций:

«...В литературе хотят навести порядок. В ЦК прямо признаются, что им ясно положение во всех областях жизни, кроме литературы. Нас, писателей, хотят заставить нести службу, как и всех остальных людей. Для этого назначен тупой и ограниченный человек, фельдфебель Поликарпов [2]. Он и будет наводить порядок, взыскивать, ругать и т. д. Тихонов будет чисто декоративной фигурой...

В журналах и издательствах царят пустота и мрак. Ни одна рукопись не может быть принята самостоятельно. Все идет на утверждение в ЦК и поэтому редакции превратились в мертвые, чисто регистрационные инстанции. Происходит страшнейшая централизация литературы, ее приспособление к задачам советской империи».

«В демократических странах, опирающихся на свободную волю народа, естественно, свободно расцветают искусства. Меня не удивляет то, что сейчас произошло со мной. Что такое деспотизм? Это воля одного человека, передоверенная приближенным. Одному из приближенных я не понравился. Я живу в антидемократической стране, в стране деспотизма, и поэтому должен быть готовым ко всему, что несет деспотия».

«По причинам, о которых я уже говорил, т. е. в условиях деспотической власти, русская литература заглохла и почти погибла. Минувший праздник Чехова, в котором я, неожиданно для себя, принимал самое активное участие, красноречиво показал, какая пропасть лежит между литературой досоветской и литературой наших дней. Тогда художник работал во всю меру своего таланта, теперь он работает, насилуя и унижая свой талант.

Зависимость теперешней печати привела к молчанию талантов и визгу приспособленцев — позору нашей литературной деятельности перед лицом всего цивилизованного мира.

...Всей душой желаю гибели Гитлера и крушения его бредовых идей. С падением нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией. Будем ждать». Узнав о том, что в журнале «Новый Мир» не пойдут его «Воспоминания о Репине», Чуковский возмущенно заявил:

«Я испытываю садистическое удовольствие, слушая, как редакции изворачиваются передо мной, сообщая, почему не идут мои статьи. За последнее время мне вернули в разных местах 11 принятых, набранных, или уже заверстанных статей. Это — коллекция, которую я буду хранить. Когда будет хорошая погода, коллекция эта пригодится, как живой памятник изощренной травли... Писатель Корней Чуковский под бойкотом... Всюду ложь, издевательство и гнусность».

Писатель К. А. Федин, в связи с появлением в свет и критикой его последней книги «Горький среди нас», говорил:

«До меня дошел слух, будто книгу мою выпустили специально для того, чтобы раскритиковать ее на всех перекрестках. Поэтому на ней нет имени редактора — случай в нашей литературной действительности беспрецедентный.

Если это так, то ниже, в моральном смысле, падать некуда. Значит я хладнокровно и расчетливо и, видимо, вполне официально был спровоцирован.

Одно из двух. Если книга вредна, ее надо запретить. Если она не вредна, ее нужно выпустить. Но выпустить для того, чтобы бить оглоблей вредного автора,— этого еще не знала история русской литературы».

По поводу статьи в «Правде», критиковавшей его книгу, Федин заявляет:

«Юрий Лукин, написавший статью под суфлера, формально прав. Под формальной точкой зрения я разумею точку зрения нашего правительства, которая, вероятно, прогрессивна в деле войны, понуждая писателей служить, как солдат, не считаясь с тем, что у писателей, поставленных в положение солдат, ружья не стреляют. Ведь это извечный закон искусства: оно не терпит внешнего побуждения, а тем более принуждения.

Смешны и оголенно ложны все разговоры о реализме в нашей литературе. Может ли быть разговор о реализме, когда писатель понуждается изображать желаемое, а не сущее?

Все разговоры о реализме в таком положении есть лицемерие или демагогия. Печальная судьба литературного реализма при всех видах диктатуры одинакова.

Реалистические портреты Ремизова и Сологуба толкуются как искажение действительности. Даже о далеком прошлом нельзя писать реалистически, а то, что требует Лукин — явно инспирировано; это требование фальсификации истории.

Горький — человек великих шатаний, истинно-русский, истинно-славянский писатель со всеми безднами, присущими русскому таланту,— уже прилизан, приглажен, фальсифицирован, вытянут в прямую марксистскую ниточку всякими Кирпотиными и Ермиловыми [3]. Хотят, чтобы и Федин занялся тем же!».

Свое отношение к современным задачам советской литературы Федин выражает следующим образом:

«Сижу в Переделкино и с увлечением пишу роман, который никогда не увидит света, если нынешняя литературная политика будет продолжаться. В этом писании без надежды есть какой-то сладостный мазохизм. Пусть я становлюсь одиозной фигурой в литературе, но я есть русский писатель и таковым останусь до гроба — верный традициям писательской совести...

...Не нужно заблуждаться, современные писатели превратились в патефоны. Пластинки, изготовленные на потребу дня, крутятся на этих патефонах, и все они хрипят совершенно одинаково.

Леонов думает, что он какой-то особый патефон. Он заблуждается. «Взятие Великошумска» звучит совершенно так же, как «Непокоренные» или «Радуга» [4].

На музыкальное ухо это нестерпимо.

Пусть передо мной закроют двери в литературу, но патефоном быть я не хочу и не буду им. Очень трудно мне жить. Трудно, одиноко и безнадежно».

Кинорежиссер Довженко А. П., внешне соглашаясь с критикой его киноповести «Украина в огне», в завуалированной форме продолжает высказывать националистические настроения. Довженко во враждебных тонах отзывается о лицах, выступавших с критикой его повести, особенно о т. Хрущеве и руководителях Союза Советских Писателей Украины, которые, по его словам, до обсуждения киноповести в ЦК ВКП(б) давали ей положительную оценку.

«Я не политик. Я готов признать, что могу делать ошибки. Но почему у нас делается так, что сначала все говорят — «хорошо, прекрасно», а потом вдруг оказывается чуть ли не клевета на советскую власть».

«Я не в обиде на Сталина и на ЦК ВКП(б), где ко мне всегда хорошо относились. Я в обиде на украинцев — люди, имевшие мужество в лицо Сталину подбрасывать на меня злые реплики после всего их восхищения сценарием — эти люди не могут руководить войной и народом. Это мусор».

После вызова в ЦК ВКП(б) Довженко усиленно работал над новыми сценариями о Мичурине и об Украине, замкнулся и тщательно уклонялся от встреч с украинскими работниками литературы и искусства. По агентурным данным, в своем новом сценарии об Украине он пытается освободиться от свойственных ему националистических концепций, однако это ему удается с трудом.

Поэт Сельвинский И. Л. в связи с обсуждением в Секретариате ЦК ВКП(б) его стихотворения «Кого баюкала Россия» заявил:

«Я не ожидал, что меня вызовут в Москву для проработки. Стихотворение «Кого баюкала Россия» для меня проходящее. Я ожидал, что наконец меня похвалят за то, что я все же неплохо воюю. За два года получил два ордена и представлен к третьему.

Меня вызывали в ЦК, ругали не очень, сказали, что я молодой коммунист, ничего, исправлюсь. Я думаю, что теперь меня перестанут прорабатывать, не сразу, конечно, а через некоторое время...

Мне очень не везет уже 15 лет, со времени «Пушторга» [5]. Бьют и бьют. На особый успех я не надеюсь. Видно такова уж моя писательская биография».

Обобщая свои мысли о положении в советской литературе, Сельвинский говорит:

«Боюсь, что мы — наша сегодняшняя литература, как и средневековая — лишь навоз, удобрение для той литературы, которая будет уже при коммунизме.

...Сейчас можно творить лишь по строгому заказу и ничего другого делать нельзя...

На особое улучшение (в смысле свободы творчества) после войны для себя я не надеюсь, так как видел тех людей, которые направляют искусство, и мне ясно, что они могут и захотят направлять только искусство сугубой простоты».

Последнее время Сельвинский усиленно работает над исторической поэмой и заявляет о своем стремлении занять ведущее место в советской литературе.

Обсуждение и критика в печати произведений указанных выше авторов вызвали широкие отклики в среде писателей и послужили поводом к обобщающим оценкам современного состояния и задач советской литературы.

Ряд писателей положительно реагирует на критику политически вредных произведений и осуждает творческие позиции их авторов.

Писатель Леонов Л. М.:

«Книга Федина о Горьком плохая. Недопустимо опубликование писем и высказываний Горького без учета, что это в итоге исказит образ Алексея Максимовича. Горький не сразу стал тем писателем и учителем жизни, которого высоко чтит советская страна. И бестактно

сейчас, в интересах личной писательской биографии, публиковать то, что было сказано Горьким совсем в другое время, на иной стадии нашей общественной и литературной жизни.

У меня тоже есть письма Горького, воспоминания о беседах с ним, но я не предаю и не предам этот материал гласности в интересах сохранения в народе цельного образа великого писателя, пришедшего к полному единению со своим народом, с партией, с советским государством».

Писатель Сергеев-Ценский Н. С. на заявление одного из писателей о невозможности создавать реалистические произведения в условиях советской действительности сказал:

«Подлинный писатель всегда, при всех препятствиях, проявит себя, свой талант.

Реализм — это вовсе не все, без разбору, подробности жизни, какие наблюдает писатель. Писатель находит нужную дистанцию для изображения и показывает основное в жизни.

Раньше, до революции, существовала власть денег, страсть к накоплению и рабство нестойких писателей перед модой, перед требованиями публики, искавшей острых, скажем, половых проблем. Настоящий писатель был тогда в меньшинстве,— это заставляло меня жить в уединении и быть раньше всего художником.

Теперь есть возможность писать и печатать, и я этому пример».

Драматург Волков И. Д.:

«Федина критиковали слабо, о его книге можно было бы написать сильнее. У нее два больших порока. Во-первых, с каждой страницы веет высокомерным отношением автора к советской власти, а во-вторых, автор разделяет жизнь и литературу и старается доказать, что литература может развиваться своими самостоятельными, независимыми от жизни страны путями. Взгляд этот абсолютно ошибочен и вреден.

Возмутительно то, что себя и «Серапионовых братьев» Федин как бы противопоставляет всей остальной литературе СССР, и не только литературе, но и общественно-политической жизни государства».

Писатель Нилин П. Ф.:

«Федин — не настоящий писатель, его писательская работа — имитация, повторяющая идеи и мысли чуждых нам заграничных писателей. Федин как-то без основания, вдруг, занял у нас место «великого русского писателя», он страдает преувеличенным самомнением и ничего не дал созвучного нашей эпохе. Он — ложно-революционный, а не народный писатель...»

Отдельные писатели, считая правильным осуждение произведений Асеева, Зощенко, Федина и других, выражают резкое недовольство системой руководства литературой, осуществляемого, по их мнению, некомпетентными лицами, отсутствием авторитетных указаний в области направления творчества, строгостью цензуры и неудовлетворительной воспитательной работой среди писателей.

Литературный критик Лежнев И. Г.[6]:

«Наша литература ограничена определенными историческими условиями — международными, внутриполитическими. Эти условия не позволяют развернуть искусство, подобное искусству прошлого, с его критикой и проповедничеством. Это следует признать как неизбежное. Может ли в условиях вышеотмеченных развиваться наша литература? Да, может. Однако она введена в круг более узкий и более ограниченный, нежели тот большой историко-социальный круг.

Малый круг определяется деятельностью Управления агитации и пропаганды. Когда Александров[7] выступал на пленуме, он призывал писателей глядеть дальше и видеть больше, чем обычный интеллигент. Однако практически это не осуществляется. Всякая попытка заглянуть вперед ограничивается и пресекается тем же Александровым.

Я говорю не о тех враждебных книгах, которые были осуждены, я говорю о другом. Сейчас многие писатели дезориентированы. Всеволод Иванов говорил мне, что писать невозможно, так как «нет камертона». Он готов идти с партией, но он привык получать указания, а не дубину.

Вместо того, чтобы объяснить писателю, в чем смысл событий и какие проблемы нужно ставить, его дергают и фактически помогают антипартийным двуруким людям.

Получается, что враждебная книжка, вроде книги Федина, может выйти в свет, а партийная критика на эту книгу появиться не может (Лежнев имеет в виду свою статью о книге Федина, не пропущенную в газете «Литература и искусство»).

Нам не дают развивать критику. Писателю нужно доверять, если от него хотят чего-либо добиться. А этого доверия нет. Наши центральные газеты и журналы печатают критические разборы вредных книг, но ведь это статьи извне, а не критиков. Они исходят не из писательской среды.

Произносятся патетические речи на собраниях, писателей зовут писать, но ведь над этими речами смеются, потому что знают — в ЦК всякое свежее слово задержат. В результате люди устают от битья, перестают писать и разлагаются.

В этом я вижу главную причину того, что наша литература не развивается. Она и не может развиваться в этом узком круге, который ее душит. Люди боятся писать, потому что их могут «проработать».

Растет какая-то беспартийщина. Всякое слово о классовой борьбе приходится протаскивать контрабандой».

Писатель Эрлих А. И.:

«Наши последние провалы на литературном фронте — прямой результат того, что в редакциях сидят люди низкого уровня. Хорошее произведение не может пробить себе дорогу, потому что редакторы не в состоянии его оценить, они мыслят штампами, находятся в плену у шаблона. Не умея самостоятельно мыслить и не полагаясь на себя, они идут на поводу у громких имен и потому зачастую печатают халтуру, политически недоброкачественную дребедень, если она подписана более или менее апробированным именем — например, Зощенко.

Я выражаю твердую уверенность, что с окончанием войны все эти люди, которым сейчас Управление пропаганды ЦК доверило руководство литературой и печатью, будут сметены,— следа от них не останется. Им придут на смену новые люди, талантливые, смелые, понимающие, политически твердые».

Писатель Вирта Н. И.[8]:

«Писателю сейчас ставятся очень большие преграды в цензурном отношении, творчество писателя чересчур зависит от случайного мнения тех или иных лиц.

Я не согласен, когда на страницах центральных газет появляется сразу убийственный приговор тому или иному писателю. Считаю, что такая критика не нужна и подчас даже вредна. Лица, которые пишут подобные отзывы, являются мало компетентными судьями и во всяком случае плохими критиками».

Писатель Лидин В. Г.:

«Совершаются грандиозные дела. Нашим вождям не до литературы, не до наших личных судеб, не до того, что в могучей стране литератор не обеспечен заработком и служит литературе как подвижник.

Но я мечтаю о том, что когда-нибудь Сталин позовет писателей для душевного разговора. Только выйдет ли разговор? Шагинян[9] в качестве партийной неофитки произнесет трактат с цитатами из Маркса, а Павленко[10] скажет, что все мы, советские писатели, не стоим ломаного гроша.

Плохо то, что под гнетом РАППа в бюрократических методах работы Союза Писателей, мы потеряли великий дар литератора — дар откровенности».

«Население в нашей стране 180 миллионов, писателей, действительно пишущих,— не более полутораста человек. При таком позорном для нас соотношении, говорящем о низком уровне гуманистической культуры, партия, казалось бы, как зеницу ока должна беречь свой крохотный золотой фонд. А сколько за годы войны выведено писателей из строя, сколько совершено моральных убийств! Я не говорю о Чуковском, за которым, возможно, водятся политические грехи. Но вот Зощенко, написавший одну плохую повесть... Достаточная ли это причина, чтобы человеку переломить хребет, похоронить его морально, оставить на весь мир?.. Нет, литературу у нас не любят. С писателями обращаются как с принципиальными врагами, или поденщиками, казня их лютой казнью за всякую вольную или невольную ошибку.

Литературу можно поднять, предоставив ей относительную независимость в рамках советской идеологии и вернув писателям чувство собственного достоинства. Вернуть же его — это значит вывести писателей из такого положения, когда любая статья в «Правде» категорически определяет ту или иную судьбу писателя. Писатель не должен быть беззащитным перед лицом критики...».

Несколько своеобразную позицию занимает писатель Илья Эренбург, осуждающий антивоенные стихи Асеева и одновременно высказывающий недовольство существующей системой цензуры и критики:

«Нам придали большое значение и за нами бдительно следят. Вряд ли сейчас возможна правдивая литература, она вся построена в стиле салютов, а правда — это кровь и слезы.

Очень показательна история с Зощенко, Сельвинским, Чуковским, Фединым. В ней виден административный произвол. Другое дело Асеев, он написал во время войны антивоенные вещи, и ему за это влетело.

Однако случаи с Зощенко — Сельвинским — Чуковским — Фединым иное. Они носят очень грубую форму. Лет десять назад обо мне могли писать самые отрицательные статьи, называть буржуазным писателем и одновременно печатать. Ныне другое — раз Зощенко или Чуковский уничтожены в «Правде» или «Большевике», их уже никто не печатает, и это ставит писателей в страшное положение общественного остракизма без видимой вины.

Мы, писатели, предали искусство и пошли на время войны в газету. Это была общественная необходимость, жертва, но этого никто не оценивает. С писателями обращаются черт знает как.

Я — Эренбург, и мне позволено многое. Меня уважают в стране и на фронте. Но и я не могу напечатать своих лучших стихов, ибо они пессимистичны, недостаточно похожи на стиль салютов. А ведь война рождает в человеке много горечи. Ее надо выразить».

За последнее время поступают сведения в отношении писателя Гладкова Ф. В.[11], свидетельствующие о наличии у него антипартийных взглядов на положение советской литературы и перспективы ее развития.

Так, Гладков говорит:

«В моей «Клятве» все, что было от писательских размышлений, от политической мысли, от художественного образа,— все выброшено. И не цензурой, а там, «наверху», чиновниками Александрова. Я не могу и не хочу быть участником прикладной литературы, а только такая литература сейчас легальна...

Мы, старые большевики, всегда боролись за свободу творческой жизни пролетариата. Но теперь старые большевики не в моде, революционные принципы их неугодны...

Трудно писать. Невыносимо трудно. А главное — поговорить не с кем. Исподличались люди...»

«В свое время профессия писателя понималась как «служение», теперь она воспринимается как казенная служба. Писательский труд используется для голой агитации; оценки литературного произведения по его художественным достоинствам не существует; искусственно создается литературная слава людям вроде Симонова и Горбатова, а настоящие писатели в тени».

«Отсутствие творческих интересов и равнодушие писателей друг к другу объясняется взглядом руководящих товарищей на литературу как на подсобное хозяйство в политике. Литература лишена всякой самостоятельности и поэтому потеряла жизнедеятельность. Художники влачат жалкое, в творческом смысле, существование; процветают лакеи, вроде Катаева или Вирты, всякие шустрые и беспринципные люди...

Совершенно губительна форма надзора за литературой со стороны ЦК партии, эта придирчивая и крохоборческая чистка каждой верстки журнала инструкторами и Еголиным[14]...

Уже не говоря о том, что это задерживает выход журналов, нивелирует и выхолащивает литературу, это, к тому же, не спасает от ошибок (пример с повестью Зощенко)... Такая практика должна быть сломана, если товарищи хотят, чтобы наш Великий Союз имел, если не Великую, то хотя бы большую литературу.

Я не тешу себя иллюзиями относительно перемен в литературном деле. Все мы — навоз для будущих литературных урожаев. Литература встанет на ноги только через 20—30 лет. Это произойдет, когда народ в массе своей, при открытых дверях за границу, станет культурным. Только тогда чиновники будут изгнаны с командных постов...

Бедственно положение писателя, очевидца и участника грандиозных событий, у которого, тем не менее, запечатан рот, и он не может высказать об этих событиях своей писательской правды...

Литература видела на своем веку Бенкендорфов всех мастей и все-таки осталась жива. Минует ее и наше лихолетье...»

«Обо всем этом должны знать наверху, но там не знают. Было время, когда писатели — и я в том числе — разговаривали со Сталиным о литературе, а теперь к нему не пускают, и даже письма писателей не доходят до него».

Антисоветски настроенные элементы из числа писателей критику и осуждение вредных произведений, а также положение в советской литературе, оценивают с враждебных позиций, заявляя, что в условиях советской действительности литература существовать и развиваться не может.

Поэт Уткин И. П.:

«Руководство идеологической областью жизни доверено людям, не только не любящим мысли, но равнодушным к ней.

Все поэты похожи друг на друга, потому что пишут политическими формулами. Образ изгоняется потому, что он кажется опасным, ведь поэтический образ — это не таблица умножения.

Я неугоден, потому что иду собственной поэтической дорогой и не поступаюсь своим достоинством. Они хотели бы сделать из советской поэзии аракчеевские поселения, где всяк на одно лицо и шагает по команде. Я как поэт на шагистику не способен и поэтому опасен: ведь за мной стоит широкий читатель, до сердца которого я легко дохожу. Этот читатель думающий, а поэтому тоже опасный, конечно, с точки зрения партийного бюрократа.

Управление литературой, управление поэзией!

Поэзией нельзя управлять, для нее можно создавать благоприятные условия, и тогда она цветет, но можно надеть на нее смирительную рубашку, и тогда она есть то, что печатается в наших журналах. Она обращается в казенную свистульку.

При проработке Федина «мясорубка», кажется, испортилась. Что-то не сделали из Федина котлету. Вишневский и Тихонов даже его хвалили. А после всего устроили банкет и пили с Фединым за его здоровье. Я рассматриваю такое поведение как носоутиранье «Правде».

А может быть, решили, ввиду безрезультатности массового кровопускания, применявшегося к Чуковскому, Асееву и Зощенко, отказаться от этого впредь и пробуют иначе разговаривать. Все равно нас не исправишь. Они не могут, как мы, а мы не хотим, как они. Ну и что они с нами сделают? Печатать не будут? — все равно не платят! Кормить не будут? — будут, им невыгодно, чтобы мы издыхали».

Писатель Шкловский В. Б.:

«В литературе, особенно в военной журналистике, подбираются кадры людей официально-мыслящих, готовых написать под диктовку. Существует болезнь свежей мысли. Даже Эренбург мне жаловался, что установки становятся все более казенными».

«Проработки, запугивания, запрещения так приелись, что уже перестали запугивать, и люди по молчаливому уговору решили не обращать внимания, не реагировать и не участвовать в этом спектакле. От ударов все настолько притупилось, что уже не чувствительны к ударам.

И в конце концов, чего бояться? Хуже того положения, в котором очутилась литература, уже не будет. Так зачем стараться, зачем избивать друг друга — так рассудили беспартийные и не пришли вовсе на Федина. Вместо них собрали служащих Союза и перед ними разбирали Федина и разбирали мягко, даже хвалили, а потом пошли и выпили и Федина тоже взяли с собой.

Союз стал мертвым, все настолько омертвело, что после Асеева, после Зощенко, после Сельвинского, после Чуковского — Федин уже не произвел действия. Довольно! Хватит! Надоело! Можно и не пойти — так почувствовали люди и не пошли.

С проработками больше не выйдет. Пусть придумывают другое».

Драматург Погодин Н. Ф.:

«В книге Федина много ценных мыслей и высказываний, она должна быть настольной книгой каждого писателя. Самое ценное в ней — мысль автора: «Надо слушать, но не слушаться».

Эта книга, утверждающая право художника мыслить и писать, о чем он хочет, не считаясь с «указками».

Писатель Голубов С. Н.[13]:

«Критики у нас нет и быть не может, так как никто не позволит вам создавать какие-то концепции, хотя бы и философские.

Сейчас невыносимо душно стало. Сидим, как в темном погребе. Так придушили, что дальше некуда.

Когда у нас были военные неудачи, то власти порастерялись, идейно люди разбрелись, кто куда, и никто нами особенно не интересовался. Ну а теперь мы побеждаем, и люди эти начинают снова собираться воедино, и идеология появилась прежняя — классовая борьба и все такое...».

Писатель Шпанов Н. Н.:

«Я сознательно не беру в пьесе («Слово чести») действительно живших лиц, потому что не хочу идти путем подделки. Это и противно, да и хлопот не оберешься...

Мы живем среди лжи, притворства и самого гнусного приспособленчества. Литературой управляют кретины, и за каждую свою строчку приходится драться с пеной на губах».

Писатель Кассиль Л. А.:

«Все произведения современной литературы — гниль и труха. Вырождение литературы дошло до предела. Союз писателей надо немедленно закрыть, писателям же предоставить возможности собираться группами у себя на квартирах и обсуждать написанное сообразно своим творческим симпатиям и взглядам. Это — единственный путь...»

По полученным агентурным данным, чуждые советской идеологии произведения писателей Сельвинского, Асеева, Зощенко, Чуковского, Федина и Довженко нашли одобрение среди антисоветски настроенных студентов литературного института Союза писателей, которые превращают осужденные произведения в «шедевры» современной литературы, отвергают принципы социалистического реализма и пытаются разрабатывать «новые теории» развития литературы и искусства.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СОЮЗА ССР:
(Меркулов) Подлинник.

Публикация
Р. УСИКОВА, И. ШЕВЧУКА

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеются в виду стихи А. А. Суркова (1899—1983).
2. Д. А. Поликарпов (1905—1965) — в то время зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).
3. В. Я. Кирпотин (р. 1898), В. В. Ермилов (1904—1965) — столпы официального литературоведения и критики.
4. «Взятие Великошумска» — повесть (1944) Л. М. Леонова; «Непокоренные» — роман (1943) Б. Л. Горбатова (1908—1954); «Радуга» — повесть (1942) В. Л. Василевской (1905—1964).
5. Роман в стихах И. Л. Сельвинского (1899—1968).
6. И. Лежнев (1891—1955) — как редактор (1922—1926) сменовеховского журнала «Новая Россия» был выслан за границу, вернулся в 1930 году. Принят в ВКП(б) в 1934 году решением Политбюро ЦК на основании рукописи мемуарной книги «Записки современника», затем работал в «Правде».
7. Г. Ф. Александров (1908—1961) — в то время начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).
8. Н. Е. Вирта (1906—1976) — автор романов «Одиночество» (1935, 1957), «Закономерность» (1937), пьес «Заговор» (1938), «Клевета» (1939), «Заговор обреченных» (1948).
9. М. С. Шагинян (1888—1982) в начале своей литературной деятельности входила в круг Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус. В советское время — автор производственного романа «Гидроцентраль» (1930—1931), романов-хроник «Семья Ульяновых» (1938, 1957) и «Первая Всероссийская» (1965), многочисленных очерков, дневников, биографических книг и мемуаров. По путевке ЦК ВКП(б) окончила Плановую академию. Увековечена в эпиграмме анонимного автора:

   Железная старуха
   Товарищ Шагинян —
   Искусственное ухо
   Рабочих и крестьян.

10. П. А. Павленко (1899—1951) — автор романов «На Востоке» (1936—1937), «Счастье» (1947) и др.
11. Ф. В. Гладков (1883—1958) — автор романов «Цемент» (1925), «Энергия» (1932—1938).
12. А. М. Еголин — в то время зав. сектором Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).
13. С. Н. Голубов (1894—1962) — автор исторических романов «Из искры пламя» (1940), «Багратион» (1943) и др.

С праздником, светлого Рождества!

